

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Исторический факультет

Век нынешний, век минувший...

Исторический альманах

Выпуск 9

Ярославль 2010

УДК 93/94

ББК Т 3(2)+Т 3 (2 Рос – 4 Яро)

В 26

Рекомендовано

*Редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2009/2010 г.*

Рецензенты:

В. Г. Кошкидько, доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; кафедра отечественной истории исторического факультета ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Ответственные редакторы:

д-р ист. наук Ю. Ю. Иерусалимский

д-р ист. наук В. П. Федюк

д-р ист. наук В. М. Марасанова

В 26

Век нынешний, век минувший...: исторический альманах / под ред. Ю. Ю. Иерусалимского, В. П. Федюка, В. М. Марасановой; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – Вып. 9. – 188 с.

Авторы нового выпуска ежегодного альманаха исторического факультета ЯрГУ им. П. Г. Демидова анализируют важные проблемы социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни России. Сборник содержит статьи, посвященные различным аспектам отечественной истории и краеведения XVII–XX вв. Данный выпуск предназначен для научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов, всех интересующихся историей России.

УДК 93/94

ББК Т 3(2)+Т 3 (2 Рос – 4 Яро)

© Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова, 2010

СТРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В. В. Денисов

Епархиальное управление Русской православной церкви в Синодальный период (по материалам Верхнего Поволжья)

Епархиальное управление служило важнейшим элементом административно-территориальной организации деятельности РПЦ. А. Е. Виденева подчеркивала: «В XVIII в. условия существования и принципы деятельности епархиальных учреждений России подверглись реорганизации: осуществлялся постепенный переход от старой приказной системы к новой канцелярской. В соответствии с этим, в течение столетия церковно-административные учреждения претерпели целый ряд преобразований»¹. В XIX – начале XX в. изменения в организации епархиального управления, хотя и не столь масштабные, продолжились, что было связано с необходимостью совершенствования административно-территориальной организации РПЦ на основе «бюрократических» принципов.

Порядок епархиального управления, права и обязанности епископов, устройство органов епархиальной власти подверглись в синодальную эпоху детальной регламентации. В 1716 г., еще до издания «Духовного регламента», была составлена новая форма клятвенного обещания, произносимого русскими архиереями вместе с исповеданием веры перед хиротонией.

«Помимо известных в греческой и древнерусской практике обещаний соблюдать церковные предания, святы каноны, охранять церковный мир, управлять паствой в духе евангельской кро-

тости и оказывать послушание высшей церковной власти новая форма клятвенного обещания включала такие клятвы, как:

1) никого не предавать анафеме и не отлучать от церкви по личным побуждениям;

2) с отпадшими поступать миролюбиво, кротко и благоразумно;

3) монахов держать во всей строгости монашеских уставов;

4) не строить церквей без надобности и не ставить церковнослужителей сверх потребности;

5) ежегодно или, по крайней мере, один раз в два года обозревать свою епархию;

6) мертвых тел, формально не освидетельствованных, не выдавать за святые мощи;

7) притворно беснующихся (кликуш) наказывать духовными мерами и предавать светской власти;

8) не допускать вымышленных чудес от икон и источников;

9) не вмешиваться в мирские дела»².

К клятвенному обещанию присоединялась общая государственная присяга на верноподданническое служение самодержцу и повиновение исходящим от него законам. Детальная регламентация порядка епархиального управления содержится в «Духовном регламенте», составленном Феофаном (Прокоповичем) и введенном в действие в 1721 г. вместе с учреждением Святейшего Правительствующего синода.

Согласно регламенту при поставлении архиерея на епископство кандидаты намечались Святейшим Синодом и список избранных подлежал утверждению государем, который в большинстве случаев утверждал того, кто занимал в нем первое место. Члены Синода в этом случае представляли собор епископов, предусматриваемый древними канонами при избрании епископа, а монарх выражал совокупный голос мирян, во всяком случае, именно так интерпретировалось участие императора в поставлении епископов канонистами и богословами XIX в.

На епархиального архиерея, как на главного учителя веры, в синодальную эпоху возлагался надзор над всеми духовными школами епархии: академиями, семинариями и духовными училища-

ми, а также контроль за преподаванием Закона Божия в светских школах. Ему же были подчинены и церковно-приходские школы.

Как первосвященник своей местной церкви, епархиальный архиерей имел все права, принадлежащие ему согласно канонам, кроме освящения мира. Однако важнейшие церковные дела епархии – открытие новых приходов и упразднение старых, учреждение и закрытие монастырей, духовых школ – епископы не решали собственной властью, а предоставляли свои ходатайства по ним в Святейший Синод. В нем рассматривалась и значительная часть бракоразводных дел. Без предварительного разрешения Синода епархиальный архиерей не мог никого публично отлучить от Церкви.

В XVIII в. тяжкое бремя бесконтрольной епископской власти в полной мере определяло отношения между епископом и подчиненным ему духовенством. Главнейшим принципом епархиального управления была строгость, что в тот жестокий век было равнозначно жестокости. Многие епископы, среди которых можно назвать и Арсения Мацеевича, проявляли крайнюю суровость по отношению к священникам, церковным слугам и чиновникам управлений, проступки которых влекли за собой телесные наказания. «Синодское законодательство екатерининского времени даже сверху предписывало реформировать слишком личный характер архиерейского управления»³. Лишь немногие выдающиеся представители церковной иерархии, такие как Гавриил (Петров), Платон (Левшин) и Арсений (Верецагин), пытались улучшить управление и облегчить положение духовенства.

В XIX в. епископы продолжали держаться мнения, что подчеркнутая строгость есть единственно правильный метод епархиального управления. Однако в это время существенно изменились функции и усложнились задачи епископов. Рост народного образования выдвигал повышенные требования к пастырскому служению. Наряду с епархиями, пораженными сектантством, существовали епархии с нехристианским в большинстве своем населением и даже такие, в которых активно действовала католическая миссионерская пропаганда. Поэтому епископам было не-

обходимо укреплять свой моральный авторитет образцовой жизнью, человечностью и достойным отпращиванием богослужений.

Как высшие духовные сановники архиереи имели высокие государственные отличия. Митрополиты, архиепископы и епископы приравнялись к трем первым классам военных и гражданских чинов. Со времен Павла I архиереи стали награждаться высшими орденами, за исключением тех наград, которые перешли к Речи Посполитой (ордена святого Станислава и Белого орла). Одним из негативных последствий этого решения стала сформировавшаяся на протяжении XIX в. практика совершать епископские богослужения в лентах и звездах.

Только в царствование Александра III этот неподобающий обычай был устранен: ношение государственных наград архиереям было разрешено на рясах вне храма, но не на богослужебных облачениях. Кроме наград Российской империи, которые они получали наравне с гражданскими чиновниками и военнослужащими, епископы за свою службу получали от Святейшего Синода и ведомственные почетные знаки, в том числе: драгоценные кресты, панагии, части богослужебных одеяний.

Многие архиереи Верхнего Поволжья, подобно упомянутому Арсению (Верещагину), вполне заслуженно были награждены государственными орденами. Так, Павел (Пономарев), поочередно занимавший Тверскую и Ярославскую кафедры, имел ордена святой Анны I степени, святого Александра Невского ⁴. Возглавлявший позднее те же самые кафедры Филарет (Дроздов) имел ордена святого Александра Невского, святого Андрея Первозванного, святого Владимира I степени большой крест и другие награды ⁵. Ярославский владыка Авраам (Шумилин) за годы церковного служения удостоился орденов святой Анны и святого Александра Невского ⁶.

В синодальную эпоху получил широкое распространение институт викариев – главных помощников архиереев в епископском сане. В более раннюю эпоху таковыми были митрополиты Крутицкие, исполнявшие обязанности помощников Московских первосвященителей в управлении митрополичьей, а затем патриаршей областью. В 1698 г. патриархом Адрианом и царем Петром I

было разрешено митрополиту Киевскому Варлааму (Ясинскому) иметь своего викария⁷. В 1708 г. при Новгородском митрополите Иове начал состоять викарий с титулом епископа Ладожского. При Екатерине II Святейший Синод дозволил иметь викариев своим членам. Викариатства стали открываться и в тех епархиях, где в этом была необходимость: при старейших архиереях-митрополитах и в особо крупных епархиях.

Однако во второй половине XIX в. викариатства были учреждены почти во всех епархиях. Викарии титуловались по одному из уездных городов епархии. Они имели право ставить церковнослужителей в своих уездах, а по поручению епархиального архиерея – и священнослужителей. Кроме того, их ведению могли вверяться отдельные отрасли церковного управления: надзор за церковно-приходскими школами, женскими монастырями, свечными заводами. Однако ни кафедральных соборов, ни консисторий викарии не имели. «Викарии находились в личном распоряжении епископа, которому и подчинялись. Последний давал им поручения по собственному усмотрению, так как никаких предписаний относительно компетенции викариев не было, в редких случаях обязанности викария оговаривались Святейшим Синодом при назначении»⁸.

На территориях, относившихся к региону Верхнего Поволжья, процесс создания викариатств также имел некоторые особенности. Ранее других такая практика была опробована в Тверской епархии, где первые викарии под титулом епископов Старицких появились в феврале 1836 г. Однако их назначение носило несистематический характер. Поэтому 1 октября 1840 г. викариатство было упразднено и восстановлено только 9 ноября 1866 г. Всего в справочной литературе упоминается 10 викарных епископов Старицких. Наиболее востребованным на территории Тверской епархии этот церковный институт оказался в период с 1880-х по 1917 гг.

Следующей частью исследуемого региона, в которой получила распространение практика назначения викариев, стала Костромская епархия. С 1866 по 1917 г. в ней существовала должность викария Костромской епархии епископа Кинешемского.

Назначения на нее производились довольно регулярно, и за все время костромскими vikариями были 8 человек.

Позднее всего институт vikариев был создан на территории Ярославской епархии, что, вероятно, определялось меньшей протяженностью административных границ. В 1888 г. была введена должность vikария Ярославской епархии епископа Угличского, которую в период до 1917 г. занимали 6 церковных деятелей.

В начале XX в. на территории Ярославской епархии появился еще один vikарий, который стал именоваться епископом Рыбинским. За период с 1909 по 1917 г. эту должность занимали 3 человека.

Исследователи истории РПЦ сходятся во мнении, что институт vikариев в Синодальный период не был организован должным образом и не принял на себя основные функции по обучению и подготовке будущих епископов. Лишь немногие епархиальные архиереи могли правильно организовать сотрудничество с подчиненными vikариями. Так, например, митрополит Филарет (Дроздов) обладал таким высоким авторитетом, что смог сам подбирать себе vikариев. Среди его воспитанников можно назвать: Исидора (Никольского), Филофея (Успенского), Леонида (Краснопевкова), Алексия (Ржаницына), Савву (Тихомирова).

В начале синодальной эпохи учреждения, помогавшие епархиальному архиерею в руководстве подчиненной территорией, именовались по-разному: духовный приказ, домовая архиерейская контора, канцелярия (при архиерейском доме) или просто архиерейский дом. До 1764 г. их главной задачей было управление землями, которые доставляли материальное обеспечение епархиального управления. Во главе этих учреждений стояли монахи, именуемые судьями или правителями, которые назначались епископом. Несмотря на то, что государственная власть выступала за коллективное принятие решений, на практике коллегиальный принцип ведения дел не везде соблюдался. С течением времени за центральным органом епархиального управления закрепилось название «духовная дикастерия», или «консистория».

Коренные изменения в системе управления РПЦ произошли в 1744 г., когда был издан указ об учреждении духовных кон-

систорий во всех епархиях. Консистории стали центральными органами, в обязанности которых до 1809 г. наряду с другими задачами входило и духовное образование. В их подчинении находились духовные правления, действовавшие в некоторых епархиях на правах окружных органов. При разработке и введении штатов духовные правления не были учтены в числе учреждений РПЦ, содержавшихся из казны, поэтому до 1840 г. включительно они обеспечивались за счет приходского духовенства. В 1841 г. был разработан новый «Устав духовных консисторий», благодаря которому епархиальные учреждения всей империи получили единую правовую основу⁹.

Консистория состояла из присутствия, члены которого назначались епископом из белого и черного духовенства, и канцелярии¹⁰. В состав присутствия входило 5–7 (а иногда и более) членов, избиравшихся из числа архимандритов, игуменов, иеромонахов, протоиереев, священников и утверждавшихся Синодом по представлению епископа. В аналогичном порядке присутствующие увольнялись. Под непосредственным руководством епархиального архиерея консистория осуществляла административные и судебные функции, однако высшей инстанцией для нее являлся Святейший Синод. Вместе с архиереем консистория получала указы из Синода.

Каждый член консистории отвечал за особый круг дел («стол») в соответствии с распределением обязанностей, однако окончательные решения принимались на совместных заседаниях. Для производства дел при консистории состояла особая канцелярия, которую возглавлял светский чиновник-секретарь, назначавшийся и увольнявшийся Синодом по предложению обер-прокурора. Секретарь подчинялся как епархиальному архиерею, так и обер-прокурору Синода, все предписания которого он должен был исполнять. Консистории составляли предварительные решения по всем церковным делам епархии и представляли свои протоколы на утверждение архиерею. В случае несогласия архиерея с мнением консистории его резолюция приводилась в исполнение.

Административные задачи консистории Устав определял следующим образом:

- «1) назначения на церковные должности;
- 2) отчеты и характеристики кандидатов;
- 3) пострижения в монастырях епархии;
- 4) надзор за ведением церковных книг;
- 5) управление архиерейским домом, его имуществом, а также управление монастырями и храмами»¹¹.

Юрисдикция консисторий распространялась на духовенство и мирян, за исключением преступлений, подлежащих гражданскому суду, а в их компетенцию входили проступки духовенства по службе, против благонравия и церковного благочиния. Решения принимались коллегиально на совместных заседаниях и представлялись вместе с протоколами епископу, который мог вернуть дело назад на дополнительное рассмотрение. В случае несогласия владыки с консисторией последнее слово оставалось за архиереем.

В управлении отдельными частями епархии архиерею помогали благочинные, соответствовавшие древнерусским поповским старостам. В 1698 г. патриархом Адрианом была издана «Инструкция поповским благочинным смотрителям»¹², в 1775 г. инструкцию пересмотрел Тверской архиепископ Платон (Левшин), ставший впоследствии митрополитом Московским. Инструкция и была издана в его редакции как официальный документ Синода¹³. Благочинные назначались архиереем. В благочиннический округ входило 10–15 приходов, если приходов в округе было больше 15, то благочинному давался помощник. Благочинный обязан был дважды в год объезжать свой округ и докладывать архиерею о состоянии вверенных его надзору приходов. В 1860-х гг. в некоторых епархиях РПЦ стали создаваться благочиннические советы

Согласно инструкции благочинный наблюдал за тем, чтобы духовенство неукоснительно исполняло свои обязанности, касающиеся богослужения, распоряжения церковным имуществом и ведения метрических книг. Обо всех недостатках благочинный был обязан немедленно сообщать архиерею. Он мог делать брат-

ские внушения священникам, допускаяшим незначительные проступки, а диаконам и церковнослужителям в качестве наказания назначать поклоны в храме. При появлении в приходах лжеучителей и кликуш благочинный обязан был сообщать об этом органам прокурорского надзора. Каждый год благочинный представлял архиерею отчет, так называемые клировые ведомости. «По указу от 1797 г. для надзора за монастырями епархии епископы должны были назначать благочинных из числа монастырских настоятелей»¹⁴. В 1828 г. они получили от Святейшего Синода особую инструкцию¹⁵.

В 1823 г. на основе проекта, разработанного митрополитом Филаретом (Дроздовым) и утвержденного императором, были организованы епархиальные попечительства о неимущих духовного звания¹⁶. На созывавшихся в 1860-х гг. епархиальных и окружных собраниях духовенства обсуждались наряду со школьными также сословные вопросы, такие как взаимная помощь, пенсионные кассы, изыскание средств для попечительств. Развитие церковно-приходских школ повлекло за собой создание епархиальных училищных советов. Следует упомянуть и об официальных «Епархиальных ведомостях», которые начали издаваться с 1860-х гг. С середины XIX в. организуются братства, а также церковно-археологические и церковно-исторические общества, которые приступают к изданию церковно-статистических описаний некоторых епархий.

Одной из важнейших обязанностей епархиальных архиереев был объезд монастырей и приходов, находившихся на подчиненной территории. В некоторых епархиях объекты РПЦ располагались компактно и не в большом пространстве, в других – оказывались разбросанными по причине большого размера епархий. «Для многих епископов объезды епархий были чрезвычайно затруднительны, а иногда по недостаточности средств сообщения почти невозможны. Лишь в XIX в., с улучшением средств сообщения интерес епископов к приходам стал возрастать»¹⁷. Поэтому заняться подробным изучением состояния подведомственной епархии владыка мог только в случае длительного пребывания на кафедре. Однако частые перемещения епископов с одной кафе-

дры на другую, практикуемые в исследуемый период, не способствовали улучшению ситуации. По итогам архиерейских поездок могли составляться отчеты, которые публиковались в епархиальной периодической печати.

Подводя итоги, можно отметить, что к концу Синодального периода в РПЦ сформировалась система епархиального управления, включавшая в себя епархиального архиерея, иногда с одним или несколькими викариями, духовную консисторию как орган управления и суда, училищный совет по делам церковно-приходских школ, благочинных, духовные учебные заведения, просветительские и благотворительные учреждения, периодические епархиальные съезды духовенства, монастыри, собор и архиерейский дом. В связи с бюрократизацией государственного аппарата в Синодальный период все более сложным становилось и делопроизводство епархиальных управлений. Вследствие усиливающейся централизации бесчисленное количество дел подлежало донесению в Святейший Синод, а на рассмотрение епископов представлялась масса мелочей, которые могли быть решаемы и на местах.

Власть епископов в Синодальный период претерпела известные ограничения в рамках государственной церковности. Святейший Синод все активнее вмешивался в дела епархиального управления; обер-прокуроры стремились сделать консистории филиалами своего аппарата в ущерб власти епископа, а государство рассматривало духовенство как своих подданных, тем самым ограничивая сферу действия церковных законов. По мнению И. К. Смолича, «главной тенденцией в государственной политике XVIII – начала XX в. было ограничение единовластия епископов»¹⁸.

Примечания

¹ Виденеева А. Е. Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в России XVIII века. М.: Наука, 2004. С. 95.

² Цыпин В., прот. Епархиальное управление и епископат Русской Православной Церкви. 1700–1999 гг. // Православная энциклопедия. Т. Вводный. М.: ЦНЦ Православная энциклопедия, 2000. С. 242.

³ Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 2. М.: Терра, 1992. С. 497.

⁴ Крылов А. Иерархи Ростово-Ярославской паствы в преемственном порядке, с 902 года до настоящего времени. Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1864. С. 275–277.

⁵ Там же. С. 288.

⁶ Там же. С. 307.

⁷ Цыпин В., прот. Указ. соч. С. 242.

⁸ Смолич И. К. История русской церкви. Ч. I. М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 270.

⁹ Устав духовных консисторий: Т. 2 ПСЗ. 16. № 14409; отдельные издания: 1841, 1883, 1896.

¹⁰ ПСЗ. Т. 24. № 18273.

¹¹ Смолич И. К. Указ. соч. С. 274.

¹² ПСЗ. Т. 3. № 1612.

¹³ Смолич И. К. Указ. соч. С. 275.

¹⁴ Там же. С. 276.

¹⁵ ПСЗ. Т. 24. № 18273.

¹⁶ ПСЗ. Т. 39. № 18273.

¹⁷ Смолич И. К. Указ. соч. С. 279.

¹⁸ Там же. С. 269.

О. Д. Даишкова

Экономическое положение Русской православной церкви в конце XVIII – начале XX века в трудах дореволюционных исследователей

Изучение экономического развития Русской православной церкви, т. е. ее земельных владений, доходов от прихожан и богомольцев, капиталов в кредитных учреждениях, являлось одной из наиболее сложных задач для исследователей православия. Впервые подобная проблема была поставлена церковной и светской исторической наукой еще до Октябрьского переворота. Особенно неоднозначно авторы оценивали положение церковной и монастырской экономики в современный или весьма приближен-

ный к ним период конца XVIII – начала XX в., начавшийся после секуляризации церковных имуществ 1764 года и завершившийся свержением самодержавия.

Деление дореволюционных исследователей приходского и монастырского хозяйства лишь на светских и церковных авторов было бы значительным упрощением. В основе подобной классификации должно быть не столько социальное положение, сколько личная позиция того или иного автора. Среди исключительно светских историков Русской церкви были и критически настроенные, и защищавшие методы ведения православной экономики. Все исследования, связанные с историей церковного хозяйства и появившиеся до 1917 г., представляли собой три категории публикаций. Во-первых, это общие труды по истории Русской церкви. Во-вторых, специальные работы, посвященные исключительно церковной и монастырской экономике. Наконец, к историографии тесно примыкала публицистика, ярко отражавшая настроения эпохи.

К середине XIX в. единственным исследованием истории православия в России после секуляризации являлась «История Русской Церкви» черниговского архиепископа Филарета Гумилевского. Автор разделил церковную историю России на пять этапов, последний из которых – период Синодального управления – описал до 1826 г.¹ Филарет весьма схематично рассмотрел экономическую политику правительства по отношению к Церкви, что, безусловно, являлось отголоском проведенной при Екатерине II секуляризации.

Общие исследования по истории Русской церкви, появившиеся во второй половине XIX – начале XX в., в большинстве своем были созданы преподавателями духовных учебных заведений и представляли собой учебники и опубликованные курсы лекций². Эти работы носили описательный характер, в них практически отсутствовали оценки церковной и монастырской экономики, материал был изложен в хронологическом, а не проблемном порядке.

С середины XIX в. наблюдался необычайный подъем интереса отечественных историков не только к изучению Синодаль-

ного периода в целом, но и экономического положения Русской церкви. На это оказали влияние несколько факторов. Одной из задач Великих реформ Александра II **являлось улучшение материального обеспечения приходского духовенства**, что потребовало изучения этого вопроса в ретроспективе. Частичная ликвидация цензурных ограничений и публикация финансовых отчетов церквей и монастырей повлекли за собой интерес к материальному благополучию не только священнослужителей, но и монашествующего духовенства.

Ярким примером весьма негативного отношения к монастырской экономике служит «Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей» Д. И. Ростислава³. Бывший профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, удалившийся на покой в Рязань, сумел изучить отчеты более 200 российских монастырей. Эти изыскания во многом определили его научные взгляды. В одном из писем к А. А. Краевскому, редактору петербургской газеты «Голос», Д. И. Ростиславов высказал следующее пожелание: «Если бы мои статьи могли быть напечатаны в Вашем "Голосе", то я желал бы, чтобы моей фамилии под ними не было; пусть они останутся анонимными или с подписью "Не-духовный"»⁴. Д. И. Ростиславов приводит сведения о громадных прибылях монастырей и архиереев и бедности священнослужителей: «доходы монашествующей братии Ярославской епархии составляли более 3/7 церковных доходов»⁵. Он провел источниковый анализ отчетов обителей и выявил сложности в исследовании монастырской экономики: отсутствие строгой отчетности у обителей, смешение различных статей дохода и т. д. Автор не случайно назвал свое сочинение «Опытом», так как, по его мнению, «эта книга не удовлетворит любознательного читателя. Очень желательно было бы, чтобы она послужила к более отчетливому описанию монастырских богатств»⁶.

«Опыт» Д. И. Ростислава действительно был продолжен. В начале XX в. появилась монография В. Кильчевского «Богатства и доходы духовенства». Автор очень недоверчиво относится к церковной отчетности, утверждая, что приводимые в ней сведения о доходах Русской церкви весьма занижены, а церковную благотворительность оценивает следующим образом: «О том,

чтобы в наше время из церковных денег оказывалась прямая помощь бедным, – совершенно не слышно»⁷. Однако, стремясь продемонстрировать читателям значительные прибыли духовенства, он нередко допускает фактические ошибки. Так, Кильчевский отмечает, что Новгородский архиепископ получал более существенные доходы, чем Московский или Петербургский митрополиты. Статистические данные, приводимые В. Кильчевским, нуждаются в тщательной проверке.

Сочинения Д. И. Ростиславова и В. Кильчевского вызвали протест многих церковных и светских деятелей, однако работы последних представляют собой преимущественно публицистические сочинения⁸. Не имея возможности конкретными фактами доказать ошибочность выводов Д. И. Ростиславова публицисты весьма активно обсуждали его личные качества и поступки, в частности, указывали на злоупотребления во время пребывания на посту эконома Петербургской духовной академии: «Обер-прокурор граф Протасов в 1831 г. пришел в университетскую столовую и спросил у Ростиславова, что кушают студенты. Он ответил: "Суп с рыбой". Тогда Протасов взял ложку и поболтал в супе одного студента и, не увидев рыбу, позвал Ростиславова: "Эконом, поди сюда, ищи рыбу". Д. И. Ростиславов подбежал к столу, взял ложку, поворочал ей в миске и, умильно глядя на графа своими серенькими, вечно бегавшими глазами, доложил, что рыбы не положено. Тогда граф обозвал Ростиславова негодяем»⁹.

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. периодически появлялись и собственно научные исследования, защищавшие церковную и монастырскую экономику.

В 1860-х гг. начальник архива и библиотеки Синода Н. И. Григорович на основании имеющихся в его распоряжении документов опубликовал работы, посвященные эволюции государственной политики по отношению к архиерейским домам, монастырям и приходскому духовенству¹⁰. Анализируя церковные реформы конца XVIII – первой половины XIX в., автор постоянно указывал на недостаточное государственное финансирование Церкви, в особенности ее низшего звена – священнослужителей, которые «самим правительством унижались до простолюди-

нов»¹¹. Другой исследователь церковной экономики, И. Преображенский, признавал, что в изучаемый им период (1840–1890 гг.) «материальные средства Церкви несравненно увеличились; но с другой стороны, за это же время несравненно умножились потребности Церкви и так же несравненно вздорожало удовлетворение этих потребностей»¹².

Часть работ была посвящена защите монастырского хозяйства. Их авторы, представители духовенства, опираясь на исторические факты, пытались обосновать право обитателей на владение собственностью и показать их не одинаковое материальное благополучие: «Найдется немало монастырей очень бедных, которые скудны частными пожертвованиям и не имеют возможности приобретать имущества на свой счет»¹³.

Среди дореволюционных исследований церковного хозяйства следует особо отметить статью историка В. И. Семевского «Сельский священник во второй половине XVIII в.»¹⁴. Основным источником для нее послужила неизданная «Записная книга» священника с. Иваново Ярославского уезда, которую он вел с 1774 по 1780 гг. В работе подробно освещены различные статьи дохода духовенства, отношения причта и церковной администрации. Семевский лишь немного переработал этот материал, обобщил имеющиеся сведения, что делает очерк еще более ценным: мы можем использовать его как своеобразный источник по истории экономики Ярославской епархии. Семевский с сочувствием относился к приходскому духовенству: «чтобы сводить концы с концами, священник сам занимался хлебопашеством, учил грамоте крестьянских детей»¹⁵. Историк предложил дифференцированный подход к церковной экономике, отметив, что материальное благополучие белого духовенства во многом зависело от величины прихода, наличия земельных угодий и взаимоотношений с прихожанами.

Таким образом, реформы Александра II послужили главным толчком к появлению исследований по экономической истории Русской церкви. Эта проблема вызывала как позитивные, так и негативные оценки историков православия. Последние во многом были связаны с обмирщением образования и отходом светских

авторов от православных начал. В то же время подобные отрицательные высказывания о церковной и монастырской экономике не находили широкого отклика у российской общественности, и критики хозяйственной деятельности Церкви вплоть до прихода Советской власти всегда оставались в меньшинстве.

Примечания

¹ Гумилевский Ф. История Русской Церкви в пяти периодах (988–1826). СПб., 1847–1848.

² Лавров А. П. Очерк истории Русской Церкви. Ярославль, 1875; Рункевич С. Г. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901; Верховской П. В. Очерки по истории Русской Церкви в XVIII и XIX ст. Вып. 1. Варшава, 1912.

³ Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб., 1876.

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Краевский А. А. Ф. 391. Д. 674. Л. 2.

⁵ Опыт исследования... С. 287.

⁶ Опыт исследования... С. 6.

⁷ Кильчевский В. Богатства и доходы духовенства. СПб., 1908. С. 27.

⁸ Отдел рукописей государственной публичной библиотеки. Ф. 231. Пог/Разд. II. К. 28. Ед. хр. 34; Белое духовенство и его «интересы» / под ред. Н. В. Елагина. СПб., 1881; Пимен. В защиту монашества. СПб., 1876; Покровский Н. М. Вопрос о наших монастырях // Православное обозрение. 1876. Т. 3. С. 492–522.

⁹ Белое духовенство и его «интересы»... С. 31–32.

¹⁰ Григорович Н. Обзор учреждения в России архиерейских православных кафедр и способов содержания их со времени введения штатов по духовному ведомству (1764–1866 гг.). СПб., 1866; Его же. Обзор общих законоположений о содержании православного духовенства в России со времени введения штатов по духовному ведомству (1764–1863 гг.). СПб., 1867.

¹¹ Григорович Н. Обзор общих законоположений о содержании православного духовенства в России... С. 55.

¹² Преображенский И. Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. СПб., 1897. С. 233–234; Мн. Штаты монастырей и монашествующих и способы содержания монастырей // Странник. 1883. Т. 2. С. 609–623; Т. 3. С. 77–92.

¹³ Павлов А. С. Имущественное право церкви //Богословский вестник. 1901. Т. 3. Окт. С. 217–242.

¹⁴ Сельский священник во второй половине XVIII в. Очерк из исторического исследования В. Семевского //Русская старина. 1877. Т. XIX. С. 501–538.

¹⁵ Там же. С. 529–532.

А. В. Борисова

Национальный вопрос в «Русской Правде» П. И. Пестеля

Глава Южного общества декабристов П. И. Пестель еще при жизни был удостоен сравнения с Александром Македонским и Наполеоном. Его выдающийся ум, честолюбие были предметами обсуждения современников и потомков. Идейное наследие декабриста разнообразно, в данной работе мы рассмотрим один из аспектов его размышлений о настоящем и будущем России – национальный вопрос.

Проблема взаимоотношений России и многочисленных народов, входивших в состав империи, всегда привлекала внимание историков. Не утратила своей актуальности она и в современных условиях. Социально-политические и экономические изменения, происходящие внутри отдельных стран и регионов как в прошлом, так и в настоящем, требуют поиска оптимальных путей решения различных вопросов в рамках национальной политики. В данных условиях возникает необходимость обращения к опыту прошедшего, не столько в поиске готовых ответов, сколько из стремления выявить основные направления размышлений таких мыслителей, как П. И. Пестель.

Рассмотрим два направления мысли автора, а именно взаимоотношения с Польшей и Кавказом. Особое положение первой определялось, по мнению П. И. Пестеля, «политической независимостью в течение многих веков»¹. Дарование независимости Польше диктовалось не только историческим опытом этого государства, но и требованиями Просвещенного века. Пестель не считал возможным оставить в подданстве поляков в тот момент,

когда Россия сама находится на пороге новой жизни. В то же время автор отмечал, что установление границ между Польшей и Россией возможно только на условиях обеспечения полной безопасности Отечества.

Достаточно либеральные, на первый взгляд, заявления, корректируют условия, при которых Польше может быть даровано «зависимое самостоятельное политическое существование». Противоречивое выражение «зависимое самостоятельное существование» объясняется следующим образом. Между странами должен быть заключен «Тесный Союз» на мирное и военное время, что гарантирует присоединение польской армии к российской как доказательство того, что Польша признает «благодетельство России, питает чувства искренней дружбы и преданности»².

Настойчивое желание видеть Польшу дружественной и преданной могло быть продиктовано целым рядом причин. Древние исторические связи и наличие на территории страны значительного количества православного населения диктовали необходимость развития добрососедских отношений. В то же время существование так называемого «западного барьера» требовало учитывать геополитические и стратегические интересы России. Самая протяженная западная граница – именно граница с Речью Посполитой, что в свое время определило направления и итоги внешней политики Екатерины II.

Большое влияние на формирование политических взглядов П. И. Пестеля оказала и политика императора Александра I. Дарование в 1815 г. Конституции Царству Польскому вызвало активное обсуждение в русском обществе. По мнению А. И. Миллера, западные окраины империи в тот период делились на три категории земель: «исконно русские», литовские земли, которые в образ русской национальной территории не включались, но были желанной частью империи; и этнически польские земли, которые следовало выделить из империи, как неисправимо чуждую и враждебную часть³.

Одним из наиболее глубоких и ярких оппонентов этой политики явился Н. М. Карамзин. В ответ на пожелание императора присоединить к недавно созданному Царству Польскому часть

земель, полученных в результате разделов Речи Посполитой, Карамзин категорически возражал, поскольку эти территории были в историческом прошлом частью Руси. В октябре 1819 г. он отправил императору «Письмо русского гражданина», в котором отмечал: «...восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят своей кровью землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу! ...никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками...»⁴.

Провидческое письмо историка смогли оценить лишь потомки: о том, что 26 февраля 1831 г. русская пехота заняла Прагу, не узнали ни Александр I, ни Н. М. Карамзин, ни П. И. Пестель. Последний был прав в том, что государство, пользовавшееся самостоятельностью и независимостью в течение веков, имеет право на возобновление исторического опыта. Однако Пестель не учитывал, что именно этот опыт и не позволит полякам принимать милость от России и быть за это благодарными. Чувство национальной гордости и патриотизма после разделов Речи Посполитой на долгие десятилетия стало движущей силой воссоздаваемого государства.

Представления Пестеля о совместном будущем России и Польши основывались и на перспективах деятельности Общества соединенных славян. Он видел в будущем одинаковое устройство верховной власти в этих странах, говорил о необходимости отвергнуть аристократию, привилегии и составить народ польский из одного сословия.

Особое внимание уделил Пестель устройству отношений с Кавказом. Наблюдая нерешительность правительства, отсутствие четких представлений о целях и задачах России в этом регионе, а как следствие, и тактике действий, Пестель предложил на страницах «Русской Правды» свое решение вопроса. Наряду с Финляндией, Бессарабией, Белоруссией Кавказ был отнесен к образованиям, которые никогда не пользовались и не могут пользоваться самостоятельностью и независимостью, поскольку они не были самостоятельными, а «всегда принадлежали или самой России», или другим сильным государствам. Пестель считал, что присоединение к России земель горских кавказских народов, на-

ходившихся к северу от границ с Персией и Турцией, необходимо для установления безопасности Отечества. Автор отмечал, что «все опыты, сделанные для превращения горских народов в мирные и спокойные соседи, ясно и неоспоримо уже доказали невозможность достигнуть сию цель»⁵.

Пестель предложил решительные меры Временному Верховному правлению (в случае успеха выступления декабристов): решительно покорить все земли, лежащие к северу от границы между Россией и Персией, Россией и Турцией. Также разделить все кавказские народы на два разряда: мирные и буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силой переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям. Последняя мера – завести в кавказских землях русские селения и передать им все земли, отнятые у буйных жителей. Окончательно данная система взглядов была зафиксирована Пестелем на страницах «Русской Правды» в 1824 г. Столь жесткие меры автор объяснял тем, что «кавказские народы...разные веры исповедуют, на разных языках говорят, многообразные обычаи и образ управления имеют и в одной только склонности к буйству и грабительству между собой сходными оказываются».

Как отмечает наш современник Б. Н. Миронов, все те принципы национальной политики России, которые выгодно отличали нас от других государств: широкое сотрудничество с нерусскими элитами, создание некоторых преимуществ в правовом положении нерусских, – оказались невозможны для реализации в этом регионе, поскольку представителям кавказских народов это было не нужно. Методы ассимиляции, «включения» в жизнь империи не были востребованы. Из трех возможных вариантов развития отношений с другими народами (присоединение по договору, хозяйственная колонизация, завоевание) в силу различных причин был реализован последний⁶.

Рассуждения П. И. Пестеля по национальному вопросу были продиктованы соображениями государственной пользы. Его система аргументов была предельно четкой. Кавказскую проблему необходимо было решить, поскольку к 1824 г., когда был написан

данный раздел «Русской Правды», активная деятельность российского правительства на Кавказе длилась уже два десятка лет, но о стабильности ситуации речь не шла. Исходя из современной ему обстановки, Пестель обосновывал жесткие меры следующим образом: необходимостью защиты от набегов и обеспечения безопасности азиатской торговли, необходимостью нейтрализовать постоянный очаг нестабильности по южной границе и рационально использовать природные условия.

Безусловно, русское общество первой четверти XIX в. не разделяло подобных убеждений. Правительственная политика на Кавказе в период царствования Николая I была более активной и суровой, нежели в предшествующее время, но ее половинчатость и стремление к поиску компромиссов выражала отсутствие четкого ориентира и представлений о конечной цели всей деятельности.

Следует отметить, что национальная политика и ее отражение в общественном мнении России первой четверти XIX в. представляют собой многоплановое и неоднородное историческое явление. Различие мнений и представлений, их эволюция в пределах данного периода свидетельствуют о значимости поставленных вопросов.

Примечания

¹ Пестель П. Русская Правда. М., 1993. С. 109.

² Там же. С. 110.

³ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 161.

⁴ Письмо Карамзина к Александру о восстановлении Польши // Н. И. Тургенев. Россия и русские. М., 2001. С. 517.

⁵ Пестель П. Указ. соч. С. 115.

⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XIX – н. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 156.

Концептуальное становление и развитие либерализма в истории России XIX в.

В истории отечественной исторической мысли либерализм занимает особое место. Трудно назвать другое явление общественно-политической жизни, о котором бы высказывались столь разные суждения.

Очевидно, что идеология либерализма находилась на пересечении разных тенденций развития российского общества. Либерализм являлся некой духовной константой, политической и культурной альтернативой, которую нельзя было игнорировать. И дело не только в отдельных идеях или программных тезисах теоретиков либерализма, которые могут различаться в рамках общей либеральной парадигмы; но главным образом в сути и духе либерального мировоззрения, проявляемого в разных областях жизни. Именно это обстоятельство и обусловило то, что либерализм стал мишенью для радикальной и консервативной критики на протяжении всего предреволюционного периода.

При этом до сих пор история русского либерализма изучена явно недостаточно и представлена в основном как политическая идеология. Исходя из этого, можно отметить, что большинство работ являются избирательными, селективными, посвящены тем или иным проблемам, периодам, персоналиям. Обобщающих работ по истории русского либерализма крайне мало.

В России развитие либерализма как социально-политической идеологии изначально приняло противоречивый характер. Он вынужден был занять пространство между двумя противоположными направлениями: реакционно-консервативным, отстаивающим незыблемость самодержавия, и революционно-демократическим, сделавшим ставку на насильственное изменение социально-политического строя. Представители консерватизма видели в либерализме «крамолу», представители революционного демократизма – соглашательство с консерваторами.

Необходимо отметить, что объектом исследовательского интереса оказался так называемый «новый либерализм», связанный с буржуазным этапом развития либеральной мысли в России и с политической доктриной партии кадетов, с борьбой большевиков против организаторов этой партии – П. Б. Струве, П. Н. Милюкова, И. И. Петрункевича, Д. И. Шаховского – и других политических деятелей, причислявших себя к либеральному движению¹.

Дворянский либерализм второй половины XIX в. оказался за редким исключением вне поля исследования. Между тем именно он более полно выразил дух классического русского либерализма. Именно в его парадигме осуществлялось наиболее плодотворное развитие либеральной доктрины, внесшей ощутимый вклад в движение западной либеральной мысли. Этот этап либерализма связан с именами К. Д. Кавелина, Т. Н. Грановского, Б. Н. Чичерина, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и др.

В «узком» смысле под либерализмом понимают политическую идеологию буржуазного общества и ассоциируют с принципом разделения властей, конституционализмом и парламентаризмом. Важными атрибутами либерального общества в этом случае полагаются гарантированные государством субъективные и объективные социальные права личности и социальных меньшинств².

Понятие либерализма закрепилось в исторической науке советского периода и стало синонимом идеологии буржуазии. Разумеется, вследствие этого и русский либерализм теоретически связывался с западноевропейским либерализмом, меньше внимания уделялось его идейно-практической специфике³.

Либерализм в развитых своих формах – внутренне связанная и структурированная система; это теория, доктрина, а не просто мироощущение; это также специфическое мировоззрение и идеология; это и определенная социально-экономическая, политико-правовая концепция и культурная установка.

Суть идеологии русского либерализма определяло не только неприятие революции, но и ясное понимание состояния российского общества, в котором были сильны традиционные формы культуры – политической и нравственной, сохранившейся вплоть до XX в. Теоретическое и практическое самоопределение

русского либерализма шло иными, нежели в Западной Европе, путями. Например, в отличие от французского либерализма, находившегося в период своего возникновения в конфронтации с феодальными структурами власти, русские либералы предполагали построить гражданское общество при помощи монархии и верховной власти. И если буржуазные революции в Европе нередко были выступлениями гражданского общества против государства, то в России они были невозможны, так как, во-первых, гражданское общество еще только предстояло сформировать, а во-вторых, его создание рассматривалось главным образом как результат деятельности верховной власти с учетом сохранившегося обычного права в сельской местности. «...Либералы не имеют прочных корней в обществе. Русский либерализм вдруг оказался колоссом на глиняных ногах»⁴.

Это привело к наложению в идеологии русского либерализма соборно-коллективистских идей на индивидуализм и легализм теории естественного права, возникновению таких концепций, как «правовая монархия» (Б. Чичерин), «самодержавная республика» (К. Кавелин), «соборный либерализм» (С. Франк).

При этом естественно, что в русском либерализме, во многом инициированном процессами модернизации российской экономики, формирования капиталистических отношений, обращалось серьезное внимание на проблему активизации личной самодеятельности, «личных польз» (М. Сперанский), развития «личной годности» (П. Струве) в новых условиях и борьбе с пассивностью человеческой натуры (отсюда и антидемократические выпады Б. Чичерина, полагавшего, что социализм и эгалитаризм гасят личную инициативу).

Особенность русской идеологии либерализма состояла в решении ряда политико-правовых проблем исходя из понятия справедливости. В то время как в Западной Европе в XIX в. существовавшая ранее традиция нравственной апологии и критики господства и власти в определенной мере прерывается, в России, напротив, государственная и правовая этика разрабатывается особенно интенсивно усилиями мыслителей прежде всего либерального направления.

История русского либерализма показала определенную закономерность его идейной эволюции: сумма идей последовательно сменялась от концепции естественного права в борьбе против несправедливых привилегий сословного общества в конце XVIII – начале XIX в. к теоретическому формулированию принципов консервативного либерализма в пореформенный период после отмены крепостного права и возрождению концепций естественного права в начале XX столетия. «Либерализм – политический образ мыслей, не связанный представлениями и существующими формами государственной жизни. Либерализм меняется по мере того, как развиваются политические понятия народа. Крайний либерализм называется радикализмом»⁵.

Усиление административного давления со стороны властей способствовало воссозданию естественно-правовых теорий и нарастанию оппозиционности со стороны либералов, а ослабление бюрократического пресса и революционное брожение в обществе укрепляли в либерализме «охранительные» тенденции. При этом идеологическими основаниями русского либерализма оставались принципы равенства и свободы в границах и категориях политико-правового и этического мышления. «В области философии и религии либерализм стремился предоставить человеческому уму полную свободу, требуя, в связи с этим, свободы совести и свободы слова»⁶.

Синкретизм религиозной и рационалистической парадигм привел к созданию концепций христианского либерализма (М. Сперанский), консервативного либерализма (Б. Чичерин, К. Кавелин, П. Струве), социального либерализма (П. И. Новгородцев, Н. И. Кареев) и др.

Все это определило особенности русского либерализма. Во-первых, надо отметить, что у русского либерализма, особенно в его ранний период, не было какой-либо социальной поддержки, прочной социальной основы. Отсутствие в России в то время вполне самостоятельного, независимого и влиятельного «третьего», или «среднего», сословия, естественно, не могло определенным образом не сказаться на складывании идеологии либерализ-

ма. Объективно получилось так, что носителями либеральных идей в России явились дворяне.

Во-вторых, в раннем русском либерализме явно прослеживается очень сильная антидемократическая тенденция. Следует отметить, что чрезвычайно сильное консервативное начало, склонность опираться на принцип монархизма довольно долгое время были преобладающими в русском либерализме. Роль консервативного элемента состоит не только в сохранении того старого, что еще жизненно и необходимо для нормального функционирования общественных отношений, но и в укреплении того нового, что привносится в общественную жизнь ходом прогрессивных с либеральной точки зрения изменений.

В третьих, в систему либеральных воззрений русские либералы ввели богатую гуманистическую традицию отечественной общественной мысли и абстрактно-всеобщие формулы европейского либерализма – о свободе совести, независимости суда, презумпции невиновности, незаблемости частной собственности, беспрепятственности проявления частной инициативы. В частности, категория справедливости дополнилась понятием правды, несущим большой нравственный потенциал. В этом контексте гражданские свободы, принципы правового государства имеют смысл, если гарантируют порядок, при котором ценности общественных институтов измеряются тем, в какой мере они защищают интересы личности. Только при этом условии эти принципы обретают статус цивилизационных принципов.

Таким образом, система либеральных ценностей имеет ярко выраженный гуманистический характер. Более того, либерализм вообще есть более система общечеловеческих ценностей, нежели политическая доктрина.

Примечания

¹ Белов В. Н. «Новый либерализм» русских неокантианцев // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов, 2001. С. 12–16.

² Конституционализм: Исторический путь России к либеральной демократии / сост. А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. М., 2000. 617 с.; Опыт русского либерализма: Антология / отв. ред. М. А. Абрамов. М.,

1997. 478 с.; Алафаев А. А. Русский либерализм и самодержавие на рубеже 1870–1880 гг. М., 2002. 364 с.

³ Ведерников В. В. Проблемы парламентаризма в нелегальной публицистике либералов: (1894–1900) гг.) // *Общественная мысль в России XIX в.* Л., 1986. С. 215–228; Гриценко Н. Ф. Вольное экономическое общество и земское либеральное движение в последней четверти XIX в. // *Общественное движение в последней четверти XIX в.* М., 1986. С. 154–174; Лаверычев В. Я. Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX – начале XX в. // *История СССР.* М., 1976. № 3. С. 46–65; Хевролина В. М. К вопросу о внешнеполитических концепциях российского либерализма (журнал «Русская мысль» о внешней политике 1880–1894 гг.) // *Внешняя политика России и общественное мнение.* М., 1988. С. 107–124; Шацилло К. Ф. Формирование программы земского либерализма и ее банкротство накануне Первой русской революции (1901–1904 гг.) // *Исторические записки.* М., 1976. Т. 97. С. 55–96.

⁴ Приклонский С. А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886. С. 36.

⁵ Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. Изд. Ф. Толем, Т. 2. СПб., 1863. С. 691.

⁶ Водовозов В. Либерализм // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* Т. XVII (34). СПб., 1896. С. 633.

Ю. Б. Смирнова

Государственная власть и монополии в дореволюционной России: характеристика отечественной историографии (вторая половина 1980-х гг.)

В отечественной литературе второй половины 1980-х гг. достаточно внимания уделялось вопросам, связанным с развитием государственно-монополистического капитализма в стране, уровнем взаимодействия госаппарата с промышленным и банковским капиталом. Отличительной особенностью исторической науки данного периода было расширение хронологических рамок и проблематики конкретно-исторических исследований, посвященных связям государственной власти с капиталистическими монополия-

ми. Научные работы второй половины 1980-х гг. во многом были связаны с положениями советской исторической науки. Исследователи, продолжая критику концепции подчинения самодержавия монополистическими объединениями, утверждали, что русский капитализм в общем достиг «весьма высокого уровня развития» и создал к Октябрю 1917 г. необходимые «материальные и культурные предпосылки», «оптимальное сочетание» «исключительно благоприятных условий» для перехода к социализму¹. Это способствовало обоснованию в советской исторической литературе не всегда адекватной оценки экономического уровня развития России в начале XX в. В результате, как и в предшествующие годы, роль и влияние государства в экономике страны не получили должного отражения в трудах историков.

Влияние подобных установок проявилось также в современной историографии. Особенно ярко это было проиллюстрировано в серии работ, посвященных характеристике экономической политики царизма в предреволюционные годы.

Анализ взаимоотношений правительства и буржуазии во время Первой мировой войны был объектом исследования В. Я. Лаверычева². Автор рассмотрел возрастающее значение монополистических союзов в промышленности, непосредственно занятой выполнением военных заказов, акцентируя внимание на упрочении позиций капитала и банковских монополий. В работе было показано, что складывание и развитие государственно-монополистического регулирования было отражением силы и влияния существовавших монополий. Корректируя свои прежние оценки, историк пришел к выводу, что в годы Первой мировой войны в России сложилась система государственно-монополистических органов.

В. Я. Лаверычев, сосредоточив основное внимание на вопросах, связанных с активизацией деятельности монополистических объединений в 1914–1917 гг., оставил за рамками научной работы характеристику государственного воздействия на экономику страны. В результате ключевые позиции в социально-экономической жизни России начала XX в., согласно отечествен-

ной историографии второй половины 1980-х – 1991 гг., занимали монополии.

Следует подчеркнуть, что изучение государственно-монополистического капитализма рассматривалось советскими историками как составная часть исследования общей проблемы исторических предпосылок Октябрьской революции. Закрепившиеся тезисы о «высокоразвитом российском капитализме», «неизбежности социалистической революции» препятствовали объективному отражению роли государства в процессе стабилизации экономики. Между тем исследователи частично проанализировали инициативу государственной власти в хозяйственно-экономических мероприятиях на рубеже веков. В статье В. Я. Лаврычева было показано влияние самодержавия в использовании аппарата капиталистических монополий в общегосударственном регулировании³. Историк писал, что «царское правительство, опасавшееся дальнейшего усиления монополистической буржуазии и финансового капитала», выработало ряд проектов для усиления государственной власти⁴. В. В. Поликарпов привел данные о расширении казенного предпринимательства в начале XX в. По свидетельству автора, Совет министров в 1916 г. отпустил 12,6 млн рублей на устройство казенного вагоностроительного завода, связанного производственно с казенным металлургическим⁵.

Широкая программа санкций против предпринимательских объединений (в том числе рост казенной промышленности) расценивалась в исторической литературе второй половины 1980-х гг., с одной стороны, «как общая линия экономической политики», а с другой – как «чиновничье прожектерство». По словам В. Я. Лаврычева, на самом деле монополистам ничто не мешало «достаточно эффективно препятствовать казенному предпринимательству ... Магнатам финансового капитала, – продолжал он, – имевшим прочные связи в правительственных сферах, все же удавалось добиваться замедления этих нежелательных процессов»⁶.

В контексте анализа степени активности монополистического капитала и госаппарата в российской экономике в историографии была также рассмотрена структура аппарата центрального военно-промышленного комплекса (ЦВПК). М. Ф. Юрий указы-

вал на то, что организационное устройство ЦВПК «напоминало любое бюрократическое учреждение России»⁷.

Следующий цикл трудов был посвящен характеристике торгово-промышленной политики царизма в конце XIX в. – 1914 г. В исторической литературе было показано влияние государства на состояние кредитной системы в стране. Б. В. Ананьич подчеркивал, что проведенная С. Ю. Витте реформа Государственного банка превратила его « в один из важнейших органов контроля над денежным обращением и всей кредитной системы» России⁸. Автор считал, что в начале XX в. существовал паритет между банковским капиталом и государственной властью⁹. В отличие от В. Я. Лаврычева, И. А. Дьяконовой и Ю. А. Петрова¹⁰, Б. В. Ананьич отмечал, что «русская буржуазия была еще недостаточно сильна для того, чтобы существенным образом влиять на государственную политику»¹¹. В другой работе исследователь утверждал, что накануне Первой мировой войны владельцы банкирских домов чувствовали себя увереннее, чем прежде, «требуя от правительства считаться с тем, что в России есть свои достойные представители банкирского мира, подобные Мендельсонам, Ротшильдам»¹².

Экономическая политика самодержавия в конце XIX – начале XX в. была описана в трудах Л. Е. Шепелева¹³. Автор изучил торгово-промышленную политику царского правительства и деятельность предпринимательской буржуазии¹⁴. Новую интерпретацию у историка получил факт создания в 1905 г. Министерства торговли и промышленности. По мнению Л. Е. Шепелева, таким образом реализовался новый подход правительства к нуждам хозяйственно-политического развития страны¹⁵. Новой в историографии была попытка охарактеризовать основные явления, связанные с осуществлением торгово-промышленной политики: промышленность и рабочий вопрос, государственное предпринимательство и казенные заказы. В работе показано, что в 1912–1914 гг. «возникает целый ряд проектов расширения сферы казенного предпринимательства»¹⁶.

Итак, приведенные Л. Е. Шепелевым источники отразили общую тенденцию возрастания государственного воздействия на экономику дореволюционной России. Между тем выводы автора

относительно уровня связей между буржуазией и госаппаратом основывались на положениях марксистско-ленинской методологии. Достаточно отметить, что общим итогом развития промышленности в 1904–1914 гг. исследователь считал «существенный процесс в вызревании экономических предпосылок Февральской 1917 г. и Великой Октябрьской революций»¹⁷.

Историки второй половины 1980-х гг. изучили попытки государства заменить обычные административные методы хозяйствования «коммерческими». В. В. Поликарпов полагал, что практика «коммерческого» управления казенными предприятиями в начале XX в. не отличалась от обычной административной¹⁸. В целом авторы не признавали действенности принимаемых правительством решений.

В рамках изучения проблемы взаимоотношений буржуазии и государственной власти в конце XIX – начале XX в. современные историки рассмотрели вопрос о введении подоходного налога в России. Исследователи считали, что предпринимательская деятельность торгово-промышленного класса облагалась государственными налогами в незначительной степени.

Вопросы взаимодействия царизма и буржуазии в конце XIX в. в исторической науке освещались с точки зрения правового положения промышленников¹⁹. В. Я. Лаверычев писал, что по всем важным вопросам министерства регулярно запрашивали мнения предпринимательских организаций и внимательно к ним относились²⁰. Но определяющая роль в экономическом управлении страной в конце XIX в., по мнению исследователя, оставалась за государством.

Отечественные ученые при изучении участия буржуазии в общественной жизни, ее места в политическом строе отмечали двойственное отношение госаппарата царизма к торгово-промышленному капиталу. С одной стороны, чиновники защищали интересы буржуазии, с другой, требовали за это верноподданнического поведения, предполагающего отказ от каких-либо посягательств на права верховной власти.

Расширение источниковой базы исследования способствовало появлению научных работ, связанных с систематизацией и

анализом новых архивных материалов²¹. И. А. Дьяконовой была опубликована и откомментирована переписка директоров Петербургского Международного коммерческого банка. Характер документов позволил автору убедиться в непрерывно возрастающей роли банков в финансовой сфере, промышленности, железнодорожном транспорте России на протяжении конца XIX в. И. А. Дьяконова, изучив переписку А. Ю. Ротштейна с С. Ю. Вите, пришла к выводу, что между финансовыми магнатами и представителями государственной власти были «хорошо налаженные личные связи»²². На основании введенных в научный оборот источников исследователи второй половины 1980-х гг. пришли к выводу, что на рубеже веков наблюдалось активное сотрудничество госаппарата самодержавия с ведущими банками страны.

Новые явления в историографии на рубеже 1980-х – 1990-х гг. продемонстрировала конференция по методологии, истории, историографии и источниковедению²³. Принципиальное значение имел доклад И. Д. Ковальченко «Актуальные вопросы методологии исторического исследования». Автор обратил внимание на проблему изучения альтернативных ситуаций на основе преодоления историками привычки к догматическому мышлению. Впервые в отечественной науке на конференции был поставлен вопрос о существовании опосредованной российским государством фундаментальной преемственности между дореволюционными и послереволюционными периодами истории промышленной администрации. Историки современного периода должны были решить, изменила революция 1917 г. и ее политические программы роль государства или поведение государственных организаций было сохранено и послужило основой послереволюционных процессов. Подобная постановка проблемы стимулировала исследование связей между госаппаратом и монополиями с привлечением различных ранее не вводимых в научный оборот источников.

Таким образом, во второй половине 1980-х гг. продолжилось изучение взаимоотношений госаппарата с монополиями. Исследователи (В. Я. Лаверычев, М. Ф. Юрий и другие), занимающиеся историей дореволюционной России, рассматривали государственно-монополистический капитализм, основываясь

на идее подчинения экономической политики царизма интересам монополий. Вслед за историками 1960-х – первой половины 1980-х гг. авторы отмечали высокий уровень развития капитализма в стране, наличие необходимых материальных предпосылок Октября 1917 г. Вместе с тем В. В. Поликарповым был опубликован фактический материал о расширении казенного заводостроительства в годы Первой мировой войны.

В научных работах Л. Е. Шепелева и Б. В. Ананьича, посвященных анализу отношений буржуазии с государственной властью в конце XIX в. – 1914 г., появились новые данные о паритете между банковским капиталом и госаппаратом, а также о возрастании государственного воздействия на экономическую жизнь страны. Исследователи (В. Я. Лаверычев, Б. В. Ананьич), анализируя правовое положение буржуазии, показали влияние монополистического капитала на социально-экономические процессы в России на рубеже веков.

Изменения в обществе в конце 1980-х гг. способствовали переосмыслению положений, связанных с «неизбежностью» социалистической революции в стране. В исторической науке приобрели актуальность проблемы изучения альтернативных ситуаций и казавшаяся ранее крамольной мысль о преемственности методов государственного управления промышленностью до и после революции. Подобная постановка вопросов стимулировала дальнейшее исследование роли и места государственного регулирования российской экономики начала XX в.

Следует признать, что в отечественной историографии скорее обнаруживается декларация новых подходов к характеристике сюжетов, связанных с экономическим положением дореволюционной России, нежели реальная новизна. Работы второй половины 1980-х гг. по-прежнему создавались на основе марксистско-ленинской методологии. В то же время начался постепенный отход от наиболее догматичных положений. Историки вырабатывали новые методы при анализе уровня связей правительства с монополиями, роли монополистических объединений в социально-экономической жизни России.

Примечания

¹ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С.145; Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. М., 1988. С.13 и др.

² См.: Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988.

³ См.: Лаверычев В. Я. Российская буржуазия и принудительное синдицирование // История СССР. 1988. № 6. С.144–154.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ См.: Поликарпов В. В. О «коммерческом» управлении государственной промышленностью в России начала XX в. // Вестник МГУ. Серия История. 1988. № 4. С. 51.

⁶ Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм России ...С. 133–135.

⁷ Юрий М. Ф. Организационное устройство центрального военно-промышленного комплекса (1915 – февраль 1917 гг.) // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. М., 1985. С. 140–146; Его же. IX съезд представителей промышленности и торговли и образования центрального военно-промышленного комплекса // Государственные учреждения и общественные организации СССР. М., 1989. С. 140–147.

⁸ Ананьич Б. В. Правовое положение банковских заведений в России (1880-ые – 1914 гг.) // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 209.

⁹ Там же. С. 211.

¹⁰ См.: Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России ... С. 137; Петров Ю. А. Московские банкиры и самодержавие // Труды государственного исторического музея. М., 1988. Вып. 67. С. 33–46; Его же. Московская буржуазия и проблема промышленного финансирования в конце XIX – начале XX в. // Реформы второй половины XVII – XX в.: подготовка, проведение, результаты. М., 1989. С. 107–128; Дьяконова И. А. Из конфидециальной переписки А. Ю. Ротштейна // Исторические записки. М., 1987. Т. 115. С. 221–242.

¹¹ Ананьич Б. В. Правовое положение банковских заведений в России (1880-е – 1914 гг.) ...С. 219.

¹² Ананьич Б. В. Банкирские дома в России 1900–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства Л., 1991.

¹³ См.: Шепелев Л. Е. Проблема промышленного развития России в финансовой политике царизма начала XX в. // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX – начале XX в. Л., 1987. С. 163–182; Его же. Промышленная буржуазия и Государственная дума // Проблемы социально-экономической истории России: к 100-летию со дня рождения Б. А. Романова. СПб., 1991. С. 237–248.

¹⁴ См.: Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.

¹⁵ Там же. С. 34–35.

¹⁶ Там же. С. 247.

¹⁷ Там же. С. 17.

¹⁸ См.: Поликарпов В. В. О «коммерческом» управлении государственной промышленностью в России начале XX в. С. 48–62.

¹⁹ См.: Лаверычев В. Я. Изучение социально-экономического развития пореформенной России // Социально-экономические проблемы истории СССР в 80-ые гг. М., 1989. С. 71–86; Его же. Самодержавие и крупная буржуазия после 1861 г. // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 183–194.

²⁰ См.: Лаверычев В. Я. Самодержавие и крупная буржуазия после 1861 г. С. 187.

²¹ См.: Воронкова С. В. Проблемы источниковедения истории России периода капитализма. М., 1985; Дьяконова И. А. Указ. соч. С. 221–242.

²² См.: Дьяконова И. А. Указ. соч. С. 235.

²³ См.: Материалы научной конференции «История и перестройка» // История СССР. 1989. № 3. С. 208–215.

*С. Ю. Иерусалимская,
Ю. Ю. Иерусалимский*

Законодательные и нормативные акты как источник по истории народного образования Российской империи в XIX – начале XX века

Важную группу исторических источников по истории народного образования Российской империи в XIX – начале XX века составляют законодательные акты. Начиная с XIX века и по настоящее время дискуссия не привела исследователей к единому

мнению по поводу точного определения юридического термина «закон»¹. Большинство учёных считают, что закон – это нормативный акт, принятый высшим органом государственной власти в установленном порядке, применительно к России XIX столетия и до манифеста 17 октября 1905 г. имеется в виду император, а после октябрьского манифеста 1905 г. – указ царя, одобренный Государственным советом и Государственной думой. В результате закон обладал высшей юридической силой по отношению к другим нормативным актам – указам, постановлениям и др.

К законодательным актам прежде всего относятся документы, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи» (далее – ПСЗ). ПСЗ является наиболее полной публикацией законодательных актов периода XIX – начала XX века, снабжённой именным и предметным указателем, и состоит из трёх собраний.

1-е собрание ПСЗ (в 45-ти томах) было подготовлено под руководством М. М. Сперанского (1772–1839) и издано в 1830 г. В его состав вошла основная масса законодательных актов (более 30 тыс.), начиная с Соборного уложения 1649 г. и до вступления на престол Николая I в декабре 1825 г. Все документы в ПСЗ расположены в хронологическом порядке. 2-е собрание ПСЗ (55 томов и указатели), куда вошло более 60 тыс. законодательных источников с 12 декабря 1825 г. до 28 февраля 1881 г., выходило ежегодно в 1830–1884 гг. 3-е собрание ПСЗ (33 тома) также являлось ежегодным до 1916 г. и разместило на своих страницах более 40 тыс. законодательных актов с 1 марта 1881 г. до конца 1913 г.

Ряд законодательных норм первой трети XIX столетия, затрагивавших развитие школьного дела, был включён М. М. Сперанским в изданный в 1832 г. 15-томный «Свод законов Российской империи» (далее – СЗ). СЗ – свод действовавшего законодательства, издание систематическое (или предметно-тематическое). Каждый его том посвящён определённому предмету и включал в себя систематическую обработку всего действующего на тот момент времени законодательства по той или иной теме, причём в некоторой степени допускалось при публикации в Своде вмешательство в текст законодательных актов по сравнению с их

предыдущим изданием. Второе издание увидело свет в 1842 г., а третье и последнее полное – в 1857 г. Затем переиздавались с дополнениями лишь отдельные его тома и части. Нашей теме почти полностью посвящена первая часть одиннадцатого тома 1903 года издания, где был помещен свод уставов учебных учреждений и учебных заведений Министерства народного просвещения.

Данная группа источников обеспечила изучение целого ряда ключевых аспектов проблематики народного образования Верхнего Поволжья в XIX – начале XX века. Комплексный анализ законодательных материалов позволил проследить малейшие изменения политики правительства по отношению к начальному, среднему и высшему народному образованию; выявить, насколько государственная власть была заинтересована в поддержке школьного строительства в стране; раскрыть степень приоритетности реформирования системы отечественного народного образования в сравнении с реформами в других сферах жизнедеятельности государства; осветить предпринятые на высшем уровне усилия по подбору и содействию реализации образовательных программ (в т. ч. введения всеобщего обучения) на территории России; показать проблемы, с которыми столкнулись реформаторы при осуществлении школьных преобразований и т. д.

Законодательные акты включают в себя многочисленные указы, положения, правила, уставы, Высочайше утвержденные программы начальных, средних и высших учебных заведений. Эти документы определяли функции административных и общественных органов, в ведении которых находилось народное образование в рассматриваемое время; выстраивали внутреннюю структуру системы отечественного просвещения и регламентировали основные принципы управления ею².

Проанализировав весь комплекс законодательной документации в сфере народного просвещения, опубликованный на страницах ПСЗ и СЗ в начале XIX столетия, следует отметить его малочисленность, свидетельствующую о невысоком уровне важности вопросов образования в глазах государственной власти. Содержание указанных актовых материалов (особенно тех

из них, которые определяли структуру российской образовательной системы и её управленческий аппарат) указывает на поворот правительства Николая I с **первых лет его царствования к консервативной линии** в данном вопросе³.

Характеризуя законодательные материалы второй половины XIX – начала XX века, вошедшие в ПСЗ и СЗ, следует обратить внимание на их значительно возросшее количество и существенно изменившееся содержание. Если во второй четверти XIX столетия речь в статьях государственных законов, посвящённых развитию школьного дела, шла в основном о максимальном внедрении сословных принципов в сферу отечественного образования и науки, то к пореформенному периоду и следующему за ним временному отрезку, за исключением этапа контрреформ второй половины 1880 – первой половины 1890-х гг., предметом повышенного внимания стало развёртывание сети учебных заведений на территории страны и всесословность народного просвещения времени Александра II. Период контрреформ Александра III в области образования ярко характеризуется известным указом «О кухаркиных детях» 1887⁴, по сути возрождающим сословность образования в Российской империи. Согласно указу директорам гимназий предписывалось воздержаться от приема детей лакеев, поваров, кучеров, кухарок и т. п., потому что «их не следует выводить из той среды, к которой они принадлежат». Гимназия оставалась единственным средним учебным заведением, дававшим аттестат зрелости, который обеспечивал право поступления в университет. Гимназия давала глубокие академические знания. 40% учебного времени уходило на изучение древних, так называемых «мертвых», языков – латинского, древнегреческого. С 1861 по 1895 г. количество гимназий и численность гимназистов возросли в 2, 5 раза.

Основные направления государственной политики в отношении народного образования во второй половине XIX в. получили отражение в Высочайше утвержденных 14 июля 1864 г. «Положении о начальных народных училищах», 25 мая 1874 г. «Положении о начальных народных училищах», 13 июня 1884 г. Правилах о церковно-приходских школах и Высочайше утверж-

денных 4 мая 1891 г. Правилах о школах грамоты и циркулярах Святейшего Синода по этим вопросам⁵.

Законы, распоряжения, правила, инструкции и др. материалы собраны Г. Фальборком и В. Чарнолуским в специальном издании «Настольная книга по народному образованию»⁶. Законодательные постановления и правительственные распоряжения также публиковались в периодической печати начала XX века⁷. Среди них законы по отпуску средств на нужды образования, указы Сената, распоряжения Министерства народного просвещения и др.

Из указанного перечня документов распоряжения правительства в целом и Министерства народного просвещения вкуче с циркулярами Святейшего Синода в частности не являются законодательными нормами. Согласно традиционному определению, законом в юридическом смысле слова является нормативный акт, принятый высшим органом государственной власти. Рассмотрим нормативные акты, не являющимися законами.

К нормативным материалам относятся постановления по школьным делам Совета министров Российской империи и распоряжения Министерства народного просвещения. Часть из них была помещена в «Особом журнале Совета министров»⁸. Различные постановления и распоряжения Министерства народного просвещения XIX столетия также опубликованы в специальных ведомственных сборниках⁹.

К нормативным актам относятся уставы начальных, средних и высших учебных заведений. Анализ и сравнение их содержания помогает зафиксировать изменения правительственной политики в области начальной и средней школы в XIX – начале XX века. Существенное значение для раскрытия темы также имеют уставы Московского, Петербургского, Казанского, святого Владимира (Киевского), Харьковского, Томского, Новороссийского (Одесского), Виленского, Дерптского и других императорских университетов¹⁰.

Таким образом, изучение всего комплекса законодательных и нормативных материалов рассматриваемого периода позволяет дать развёрнутую характеристику учебному процессу в началь-

ных, средних и высших учебных заведениях как центра страны, так и её регионов.

Примечания

См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 9-е издание. СПб., 1909; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 7-е издание. Петроград, Киев, 1915; Вернадский Г. В. Обзор истории права Русского государства XVIII–XIX вв. (Период империи). Прага, 1924 и др.

² См.: Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. М., 1989. Т. 7. Документы крестьянской реформы; Свод уставов учебных заведений и учебных заведений ведомств МНП. СПб., 1893. Т. 2; и др.

³ Например, указ 1827 г. разрешал приём в высшие учебные заведения лиц «только свободного состояния», а Школьный устав 1828 г. положил в основу народного просвещения узкосословные принципы, ликвидировав преемственность между низшей, средней и высшей школой.

⁴ См.: Борисова А. В., Иерусалимский Ю. Ю. Культура России в пореформенный период (1860–1890-е гг.). Ярославль, 2004.

⁵ См.: ПСЗ-II. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. № 41068; ПСЗ-II. Т. 49. Отд. 2. СПб., 1876. № 53574; и др.

⁶ См.: Фальборк Г., Чарнолуский В. Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и пр. по школьному и внешкольному образованию народа. СПб., 1904.

⁷ См.: Русская школа. 1912. № 1. С. IV–VII; № 9–12; 1913. № 9. С. I–XXXVI; и др.

⁸ См. например: Особые журналы Совета министров Российской империи. 1911 год. М., 2002. С. 212–214 и др.

⁹ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864; Т. 2. Царствование императора Николая I. 1825–1855. СПб., 1864; Т. 3. Царствование императора Александра II. 1855–1864. СПб., 1865; Т. 4. Царствование императора Александра II. 1865–1870. СПб., 1871. Т. 5. Царствование императора Александра II. 1871–1873. СПб., 1877; Т. 6. Царствование императора Александра II. 1874–1876. СПб., 1878; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1834. СПб., 1866; Т. 2. 1835–1849. СПб., 1866 и др.

¹⁰ См.: Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1805. № 9; Устав Императорского Дерптского университета // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения.

СПб., 1875. Т. 1. Царствование Александра I. 1802–1825. Стлб. 6–11; Общий устав Императорских российских университетов 5 июля 1835 года. СПб., 1836 и др.

И. Ю. Шустрова

Родильно-крестильная обрядность верхневолжских крестьян (XIX – начало XX в.)

Семья представляет собой социальный институт, в рамках которого осуществляется этнокультурная трансмиссия воспроизводства этноса, не случайно одной из ее функций было сохранение и передача традиций. Данная функция реализовывалась в обрядово-праздничной культуре крестьянского общества. Обряды и праздники содействовали стабильным отношениям между общиной и семьей, способствовали социализации детей и подростков, являлись предметом социального контроля. Основу комплекса семейной обрядности составляют свадебный, родильно-крестильный и похоронно-поминальный циклы, которые нередко называют обрядами жизненного цикла. Рождение и принятие нового члена в коллектив всегда занимало заметное место в системе традиционных ценностей.

Главное назначение супружества – рождение и воспитание детей, то есть продолжение рода. Такого мнения придерживались во всех социальных слоях населения, различия были лишь в понятиях «ценности» каждого из детей в семье – мальчика, девочки, первого, второго ребенка и последующих.

Среди простых людей бездетность рассматривалась как несчастье, как наказание за грехи или следствие проклятия или порчи. Бездетность нередко была камнем преткновения во взаимоотношениях супругов, источником конфликтов. Семейная ситуация несколько менялась, если они брали воспитанников: усыновляли или удочеряли в большинстве своем сирот своей родни или посторонних. Семья становилась, по народным представлениям, полноценной и подобной обычным. Упоминания «приемышей»

нередки в исповедных росписях. Так, в 1800 г. в д. Сосновец прихода с. Борисоглебского на Соге Пошехонского уезда Ярославской губернии в семье пятидесятишестилетнего Василия Иванова и его сорокашестилетней жены Катерины Логиновой упомянут «принятый ими в усыновление» Акинфий Козмин двадцати трех лет и его жена Ирина Иванова двадцати одного года¹.

Далеко не случайно в свадебном обряде мы встречаем немало действий, которые должны были стимулировать чадородие молодых (осыпание новобрачных зерном, обычай класть на брачное ложе зерна пшеницы или овса, сажать молодых на шубу, расстеленную мехом вверх и пр.). Репродуктивной способности молодоженов придавали большое значение. Приведем одно из свидетельств И. В. Костоловского: «При выборе женихов и невест... крестьяне... с большим недоверием относятся к производительной способности "двойнишных" людей... Мне приводилось слышать в народе такие фразы: "Хотели ноне мясоедом-то посвататься к NN, и хорошая бы девка-то, да забоялись, ведь она, говорят, двойнишная, – робыт-то носить не будет..."»².

Многочисленные приметы и запреты, рациональные и иррациональные рекомендации, которые касались поведения беременной женщины, роженицы, новорожденного и их родственников, свидетельствуют о том, что благополучие будущего ребенка считалось практической необходимостью для семьи³. Зачавшая женщина становилась как бы нечистой и по народным представлениям, и по религиозным канонам. Беременная женщина была в определенной мере существом амбивалентным: она могла оказывать и благотворное, и неблагоприятное действие на окружающих⁴. В качестве примера можно привести поверье, бытовавшее в Пошехонском уезде: если «тяжелая» женщина будет присутствовать при чистке колодца, то вода в нем делается «дурной»⁵. Беременную не приглашали в кумы: это повредило бы ребенку, которого крестят. Ее не приглашали быть свахой: у невесты будет тяжелая жизнь. Считалось, что, если жатву откроет беременная, вся жатва будет тяжелой. Запреты дородового периода были основаны на представлениях о том, что будущему ребенку могут повредить те или иные обстоятельства.

Обычаи и обряды периода беременности в основном своем содержании носят «запретительный» характер. Еще до рождения будущая мать соблюдала ряд запретов, чтобы оградить его и себя от влияния злых духов. Зачавшей женщине нельзя было смотреть «на уродов и слепых», чтобы эти недостатки не передались ребенку; нельзя было смотреть на пожар, чтобы у новорожденного не появилось на теле темное пятно вроде ожога⁶ и т. д.

Некоторые исследователи совершенно справедливо предлагают группировать следующим образом запреты для беременных, необходимые для благополучия: 1) ребенка; 2) самой матери; 3) окружающих – людей, животных, растений, вещей⁷.

Заметим, что существовали некоторые приметы, по которым можно предсказать пол ожидаемого младенца. Для благополучия самой беременной предписаний и запретов намного меньше, чем связанных с судьбой будущего младенца.

Саму беременность, как и время родов, было принято как можно дольше скрывать, не в последнюю очередь из-за боязни сглаза. Еще в первой трети XX в. в крестьянской среде сохранялось представление о том, что роды будут тем мучительнее, чем больше людей знает о них. Вплоть до начала XX в. кое-где в деревнях принято было помещать роженицу на период родов в какое-либо нежилое помещение – чулан, сарай, баню или хлев⁸.

Общепринято было приглашать к роженице какую-нибудь опытную родственницу или знакомую, которая могла бы в случае необходимости оказать ей помощь. Институт повитух существовал у многих народов Европейской России – русских, коми, эстонцев, карелов, удмуртов, белорусов⁹. Повитухи оказывали элементарную акушерскую помощь, совершали соответствующие религиозно-магические действия, которые в первую очередь должны были облегчить роды и обеспечить здоровье ребенку и матери. Повитуха, или повивальная бабка, являлась, как правило, пожилой женщиной, у которой были свои дети. Предпочтение отдавалось уважаемым вдовам и вообще тем женщинам, которые вели безупречную нравственную жизнь. Повивальная бабка, у которой умирали свои дети, могла «обречь» новорожденного на смерть. По свидетельству А. В. Балова, в Пошехонском уезде в

конце прошлого столетия верили, что «повитый ею младенец непременно умрет»¹⁰.

Для этого занятия, по народным представлениям, непригодны были девушки и молодые женщины. Именно поэтому во второй половине XIX в. **недоверие вызывали акушерки («белоручка», «барышня», «девица да молодая»)**¹¹. Богатый личный опыт, который приобретался повитухами при оказании помощи роженицам, знание необходимых обрядов и действий магического характера, полученное от старших повитух, создавали хорошую репутацию женщинам, занимающимся этим ремеслом¹².

В случае трудных родов принято было развязывать узлы, распускать косы роженицы, открывать «царские врата» в церкви. Для ускорения родов повитуха могла послать мужа ломать изгородь (Юрьевский уезд Костромской губернии)¹³. Часто зажигали венчальные или освященные свечи, чтобы «вызвать на свет родственную огню душу ребенка»¹⁴. Считалось, что такие действия помогут младенцу появиться на свет. О родовспоможении у крестьян написано немало¹⁵, не останавливаясь подробно на данном вопросе, обратимся к характеристике некоторых примет и поверий, связанных с роженицей и новорожденным.

Про родившую женщину говорили, что она «оговорила», «раскуталась» (Пошехонский уезд Ярославской губернии). После родов ей давали пить толокно, пиво, чаще водку. Через два – три дня она принималась за свои домашние дела¹⁶.

Предметы туалета новорожденного в крестьянской среде были традиционны для русского населения. Младенцу готовили пеленки, свивальник – узкую длинную полотняную ленту, наголовник – кусок мягкого полотна, сорочку и одеяльце. В Ярославской губернии бытовали люльки двух видов: зыбка и люлька. Первая представляла собой овальный ящик из луба с дном из тонких дощечек, вторая – квадратную раму с холстом¹⁷.

Можно говорить о том, что широко было распространено представление об особенной подверженности влиянию нечистой силы в первые дни после родов матери и ребенка. Новорожденного, по народным поверьям, могли подменить, его мог унести домовый, поэтому еще несколько дней после родов повитуха

оставалась в доме. В качестве оберега, если ребенка приходилось все-таки оставлять одного, использовался веник-голик или посох; от «сглаза» можно было уберечь младенца, взяв уголь из печи и бросив его через себя на перекрестке¹⁸.

Источники описывают обычай «запекания» слабых младенцев: ребенка закутывали в одеяло и держали несколько минут в раскаленной печи¹⁹. В источниках приводятся записи заговоров от болезней младенца²⁰.

Существовало и множество других суеверных запретов для блага ребенка. По свидетельству А. В. Балова, в Пошехонском уезде в конце 80-х гг. XIX в. крестьяне верили, что нельзя качать люльку, когда в ней нет ребенка: «ребенок от этого непременно умрет»²¹.

Обряд очищения водой повитухи и роженицы был известен всем восточным славянам и имел множество различных вариантов в деталях. Чаще всего практиковались «размывки» (размывание рук). В некоторых местах «размывки» включали множество магических действий: в кружку с чистой водой клали овес, ячмень, монеты; трижды обсекали топором березовый веник и обсеченные листья бросали в воду; клали веник в корыто на топор, если родился мальчик, на гребень – если девочка²². Вот как происходило очищение роженицы и повивальной бабки в начале XX в. в Рыбинском уезде: «Бабушка-повитуха после того, как примет от родильницы ребенка, в тот же день пойдет с родильницей в баню, где родильницу бабушка моет. Затем дня через четыре или пять пойдут размываться повитуха с родильницей опять в баню. Вперед вымоются, а потом сядут обе на полок, или на лавочку, в бане друг к другу лицом, а ноги также протянут друг к другу. Тут бабушка берет печатку... мыла и намыливает родильнице по локоть руки, родильница берет таким же порядком мыло и намыливает бабушке по локти руки, а это делается до трех раз... После этого так же друг другу до трех раз поливают воду... Каждая повитуха считается нечистой до получения молитвы родильной... Бабушка даже не пойдет к другой родильнице, не сделав размывания с первой»²³.

Сведений о проведении роженицы в имеющихся источниках очень мало. Упоминается, что в первые дни после родов приходили соседки, поздравляли, приносили для угощения «на зубок» пирог. Не располагая многочисленными фактами, согласимся с мнением М. М. Громыко, считающей что проведение является одним из видов общинной взаимопомощи²⁴.

Крестины устраивали, как правило, на третий день после рождения. Крестный отец, согласно каноническим установлениям всех христианских церквей, это прежде всего «восприемник» при крещении, то есть принятии ребенка «в лоно церкви». В действительности роли и функции крестного отца значительно шире. Он должен был оставаться в течение всей жизни «духовным отцом», воспитателем и руководителем в юности и в молодости, его постоянным опекуном и советником даже в зрелые годы. Крестный обязан был дарить крестнику подарки в знаменательные дни. Поэтому по возможности старались выбрать крестных из числа зажиточных людей.

А. В. Балов отмечал: «Воспринимающие ребенка при крещении должны твердо помнить примету: "Какова первая кума, такова будет и жена"»²⁵. На свадьбе и похоронах крестные родители («божат», «божатка», «кум», «кума», «кока»²⁶) играли большую роль, чем родители. У многих народов важную роль в жизни ребенка играет и крестная мать²⁷. Приглашение в восприемники считалось у всех христианских народов честью, и отказываться в таких случаях было нельзя (лишь беременность служила уважительной причиной для отказа)²⁸.

В Кологривском уезде Костромской губернии в начале XX в. существовал обычай дарения крестинных денег новобрачным в свадебные дни. На княжом столе приносили тряпичную куклу, мать жениха обращалась к родителям молодой: «Ну и дочка у вас – в ночь родила!». Те отвечали: «Жених, может, скакал, ломал по огородам, вот и подкинули». Продолжением диалога была реплика родителей невесты: «Нет, порода-то ваша». После этого все гости давали деньги на крестины ребенка²⁹.

Крестинный обед, который устраивался после церковного обряда, предполагал присутствие на нем крестных, близких род-

ных и повивальной бабки. В качестве обрядовых блюд можно упомянуть хлеб и кашу. Хлеб, как правило, приносили кумовья. Отрезанную от хлеба краюшку клали в колыбель младенцу. В некоторых местах ребенка укладывали на шубу, расстеленную шерстью вверх, и с обеих сторон клали по целому ржаному хлебу, «чтоб был здоров и богат»³⁰. Каша – жидкая с молоком и густая с маслом – была важным ритуальным блюдом. За второй кашей происходило дарение: отец ребенка брал у всех гостей ложки и втыкал в кашу, гости выкупали ложки, полученные деньги шли родильнице³¹. В Костромской губернии кумовья поднимали горшок с кашей кверху, иногда ставили на полавошник с пожеланиями новорожденному расти большим, «до полавошника»³².

Обрядовое кормление отца новорожденного «испорченной» едой был однотипен у русских. Кашу круто солили, перчили, смешивали с уксусом, хреном и заставляли отца съесть ложку этой каши. Можно предположить, что этот акт символизировал установление родственной связи между новорожденным и отцом, который должен перенести страдания, аналогичные родовым у жены. Крещение было прочно связано с именемнаречением у русских в XIX в.³³

Как видим, обряды родильно-крестильного цикла могут быть разделены на несколько групп: 1) действия, направленные на обеспечение безопасности беременной женщины; 2) само рождение; 3) очищение матери и повивальной бабки; 4) прием в общину ребенка. Родильные и крестильные обряды обычно рассматривают как единое целое. Структура родильно-крестильного цикла однотипна у русских разных территорий и включает такие этапы, как стимулирование чадородия, беременность, роды, послеродовое очищение, крестины.

Примечания

¹ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 344. Л. 3 об., 5 об. и др.

² Костоловский И. В. Народные поверия о бесплодии близнецов (Ярославской губернии) // ЖС. 1911. Вып. 3–4. С. 499.

³ Соболев А. Обряды и обычаи при рождении младенца и колыбельные песни Владимирской губернии. Владимир, 1912. С. 42.

⁴ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903. С. 330; См. также: Ганцкая О. А. Польская семья. Опыт этнографического изучения. М., 1986. С. 139.

⁵ Балов А. В. Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии // ЭО. 1890. № 3. С. 91.

⁶ Соболев А. Указ. соч. С. 42–44.

⁷ Ганцкая О. А. Указ. соч. С. 139.

⁸ Орлов У. Из области предрассудков и суеверий в Романово-Борисоглебском уезде // ЯГВ. 1891. № 49. См. также: Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 35–36; Листова Т. А. «Нечистота» женщины (родильная и месячная) в обычаях и представлениях русского народа // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 151–174.

⁹ Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка у русских западных областей РСФСР // ПИИЭ. 1982. М., 1986; С. 65–66; Её же. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX века) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 142–174.

¹⁰ Балов А. В. Указ. соч. С. 91.

¹¹ Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина ... С. 344.

¹² Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 319; Листова Т. А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой. С. 142–170.

¹³ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX века. М., 1984. С. 102.

¹⁴ Балов А. В. Рождение и воспитание... С. 92.

¹⁵ Федоров В. А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX в. – начало XX в.) // Вестн. Мос. ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 4. С. 3–21; Баранов Д. А. «Незнакомые» дети (к характеристике образа новорожденного в русской традиционной культуре) // ЭО. 1998. № 4. С. 110–122; Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / сост. Е. А. Белоусова. М., 2001.

¹⁶ Балов А. В. Рождение и воспитание детей... С. 94.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Орлов У. Из области предрассудков...

¹⁹ Балов А. В. Рождение и воспитание... С. 91.

²⁰ Лавров В. Божатки в Мологском уезде // ЯГВ. 1869. № 6; Якушкин Е. Молитвы и заговоры в Пошехонском уезде. Ярославль, 1869. С. 2.

²¹ Балов А. В. Народные суеверия и предрассудки в Пошехонском уезде // ЯГВ. 1888. № 43.

²² Орлов У. Из области предрассудков...; Попов Г. Русская народная медицина... С. 353.

²³ ГАЯО.Ф. 582. Оп. 1. Д. 363. Л. 22.

²⁴ Громыко М. М. Обычай помочей у русских крестьян XIX века // СЭ. 1984. № 4–5.

²⁵ ЯГВ. 1888. № 43.

²⁶ Лавров В. Божатки...; Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива императорского географического общества. Вып. 2. Пг., 1916. С. 648.

²⁷ Косвен М. О. Кто такой крестный отец // СЭ. 1963. № 3. С. 95.

²⁸ Листова Т. А. Кумовья и кумовство в русской деревне // СЭ. 1991. № 2. С. 37–52; Её же. Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка у русских западных областей РСФСР // Полевые исследования института этнографии (ПИИЭ). 1982. М., 1986; С. 60–68; Её же. Программа сбора материала по обычаям и обрядам, связанным с рождением ребенка // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 292–307; Её же. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX века) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 142–170; Её же. Обряды и обычаи, связанные с крещением. Родильные обряды и обычаи // На путях из Земли Пермской в Сибирь (Очерки этнографии северно-уральского крестьянства XVII–XX вв.). М., 1989. С. 268–286; Её же. «Нечистота» женщины (родильная и месячная) в обычаях и представлениях русского народа. С. 151–174; Носова Г. А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М., 1993; Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993; Топорков А. Л. Перепекание детей в ритуалах и сказках восточных славян // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 114–118.

²⁹ Лавров В. Божатки в Мологском уезде // ЯГВ. 1869. № 6.

³⁰ Орлов У. Из области предрассудков...

³¹ Сумцов Н. Ф. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Ноябрь. Ч. 212. С. 35.

³² Зеленин Д. К. Описание рукописей... С. 650.

³³ См.: Бестужев-Лада И. В. Исторические тенденции развития антропонимов // Личные имена. Проблемы антропонимики. М., 1970. С. 24–25; См.: Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов (тради-

ции и процессы обновления). Ижевск, 1984. С. 64–65; Голубева С. Г., Шустрова И. Ю. Личные имена русских крестьян Верхневолжского региона в XIX веке // «Минувших дней связующая нить...»: V Тихомировские чтения. Ярославль, 1995. С. 68–70; Никонов В. А. Обычай связанных имен у тюркоязычных народов // СЭ. 1973. № 6. С. 82–89; Его же. Личное имя – социальный знак // Глазами этнографов. М., 1982. С. 27–50; Парфенова Н. Н. Историческая антропонимия как характеристика положения русской женщины (по данным деловой письменности Зауралья XVI–XVIII веков) // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен: Материалы Международной конференции 1993 г. М., 1994. С. 376, 378; Её же. Из истории русских личных женских имен // Ономастика Поволжья (Материалы шестой конференции по ономастике Поволжья). Ч. 1. М., 1991. С. 76. А. В. Суслова и А. В. Суперанская приводят данные Н. М. Тупикова, зафиксировавшего 5 300 мужских и 50 женских личных имен в древнерусском именнике. См.: Суслова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. Л., 1978. С. 43. См.: Антропонимика. М., 1970; Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970; Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959; Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974; Ономастика Поволжья. Горький, 1971; Этнография имен. М., 1971; Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1965; Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1979; Тыминский М. В. Неофициальные антропонимы в современном русском языке (семантический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1988; Щаницын В. А. Народные личные имена. М., 1989; Шумилов Е. Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки: Географические названия и фамилии Пермского края. Пермь, 1991; Ономастика Поволжья (материалы шестой конференции по ономастике Поволжья). Ч. 1. М., 1991; Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред О. Н. Трубачева. М., 1994; Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. М., 1995; Подюков И. О Ваньке-встаньке и Марье Икотисне // Родина. 1996. № 6. С. 73–75; Баранов Д. А. «Незнакомые» дети (к характеристике образа новорожденного в русской традиционной культуре) // ЭО. 1998. № 4. С. 110–122; Mitterauer M. Ahnen und Heilige: Namengebung in der europäischen Geschichte. Munchen, 1983. 483 S. и др.

Административно-территориальные реформы второй половины XIX века

Административные реформы являются одним из важных способов решения стоящих перед государством и обществом проблем. Продуманное административно-территориальное деление, оптимальная структура органов власти и четкое разграничение их полномочий необходимы для укрепления российской государственности в современных условиях. В связи с этим представляется актуальным обращение к историческому опыту административно-территориальных реформ в России, проведенных в пореформенный период, когда началась трансформация всего государственного управления империи и в обществе активно шли дискуссии о правовом государстве.

Много сделали для сбора и систематизации фактического материала по истории административно-территориальных реформ в Российской империи представители государственной школы историографии¹. Интерес к проблеме преобразований в государственном строе заметно оживился в 1860-х гг., когда вопрос о проведении реформ был поставлен всем ходом развития страны². Фундаментальный труд Г. Джаншиева, выдержавший многочисленные переиздания, был специально посвящен реформам Александра II³. Однако в силу понятных причин с 1920-х гг. основное внимание в исторической литературе начало уделяться проблемам рабочего движения и классовой борьбы, и административно-территориальные реформы пореформенного периода долгое время рассматривались главным образом в трудах обзорного характера.

Только в годы «перестройки» стали шире изучаться реформы второй половины XIX века⁴. С начала 1990-х гг. проблемы развития государственной службы и административно-территориальных реформ заняли место в числе тем, наиболее активно исследуемых историками⁵. В настоящее время в результате расширения проблемного поля исторических исследований появ-

вились взвешенные и аргументированные объяснения тех процессов, которые происходили в административно-территориальном делении империи и обеспечивали относительную эффективность функционирования губернского звена в аппарате управления⁶.

Источники изучения административно-территориальных реформ и всего местного управления в пореформенный период весьма разнообразны. Это законодательные материалы, делопроизводственная документация правительственных учреждений, отчеты губернаторов, официальные справочники по личному составу, периодическая печать, воспоминания и дневники⁷. Дореволюционное законодательство регламентировало деятельность местных органов власти и фиксировало изменения в административно-территориальном делении империи⁸. Одним из наиболее обширных и значимых является комплекс фондов Министерства внутренних дел в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Наиболее важны для изучения реформ управления фонды канцелярии министра внутренних дел (Ф. 1282), Департамента общих дел МВД (Ф.1284), Хозяйственного департамента МВД (Ф. 1287). Весьма представительны по объему и информативны по содержанию фонды самих местных учреждений, отложившиеся в местных государственных архивах. Они дают обширный по объему и уникальный по содержанию материал о проведении административно-территориальных реформ. Это прежде всего фонды губернских правлений и канцелярий губернаторов⁹.

Реформы, проведенные при императоре Александре II, внесли в государственный строй новые элементы, были созданы крестьянские сословные учреждения, земские и городские органы общественного управления, выборные органы суда (мировые судьи). Вводился принцип всесословного комплектования армии. Правительство стремилось укрепить государственный аппарат в центре и на местах и усилить связь коронной администрации с населением. При Александре III был начат курс контрреформ. В итоге даже при появлении новых органов общественного и крестьянского сословного управления Россия осталась империей с неограниченным самодержавием и в стране в основном сохрани-

лись дореформенные государственные учреждения, особенно в организации администрации и полиции.

В деятельности МВД во второй половине XIX столетия все большую роль играли административно-полицейские задачи. Основным недостатком административного деления страны правительство считало «слишком слабое влияние на ход местного управления, и потому усиление сего влияния должно быть главной целью предстоящих преобразований. В основу организации местного управления должно быть положено начало единства власти. Все местные учреждения должны быть учреждениями правительственными, находящимися в связи с центральной правительственной властью»¹⁰.

Административно-территориальное деление страны в пореформенный период не претерпело существенных изменений по сравнению с первой половиной столетия. Империя разделялась на губернии, области и градоначальства¹¹. При административно-территориальном делении не учитывался национальный состав населения, что не являлось проблемой для регионов с преимущественно однородным составом населения, но усугубляло социальные противоречия в сложных по составу национальностей губерниях.

Правительство продолжало курс на сокращение числа «посредников» между центральной и местной властью. В 1856 г. упразднили должность генерал-губернатора Витебского, Смоленского и Могилевского, в 1866 г. – Санкт-Петербургского и т. д. В 1879–1880 гг. должность генерал-губернатора временно восстанавливалась в столице, а в 1872 г. Санкт-Петербург выделился в особое градоначальство. К концу века осталось 10 генерал-губернаторств: девять на окраинах государства, а десятое в Москве, где более четверти века генерал-губернатором являлся князь В. А. Долгоруков¹².

В 1870-х гг. на территории Европейской России располагалось 48 губерний и 2 области, а всего в государстве насчитывалось 60 губерний и 15 областей. К началу XX столетия в составе империи было уже 78 губерний, 18 областей, 4 градоначальства¹³. Только девять губерний России сохранили свои границы со вре-

мени губернской реформы 1775 г., в том числе все четыре губернии Верхнего Поволжья – Тверская, Ярославская, Владимирская, Костромская. Согласно законодательству каждая губерния состояла из уездов и городов.

От первой половины XIX в. сохранились станы – административно-полицейские округа во главе со станowymi приставами. Они были более мелкими, чем уезды, территориальными единицами. Центром стана являлось местечко или заштатный город. В основном на территории каждой губернии учреждалось по 20 – 30 станов, и на каждый уезд приходилось в среднем по два стана (всего в Российской империи около 1,2 тыс. станов). Так, во Владимирской губернии было 26 станов, в Костромской – 24, в Тверской – 22, в Ярославской – 20.

Указом от 9 июня 1878 г. в каждом стане была создана должность ближайшего помощника станowego пристава – полицейского урядника. Урядники должны были содействовать охране личности, имущества и порядка, следить за содержанием в порядке дорог и мостов и за предупреждением пожаров. К примеру, на 1885 г. в Ярославском уезде числились 8 полицейских урядников и одно место в д. Путилово Осеневской волости было вакантным¹⁴. В 1898 г. во Владимирской губернии открылась специальная школа для подготовки полицейских урядников. Ее заведующим стал полицмейстер, коллежский ассессор В. А. Иванов. В 1899 г. в школе работали шесть преподавателей¹⁵. Нижними полицейскими чинами в уезде были сотские, десятские и рассыльные. Сельская полиция выполняла правоохранительные и административно-хозяйственные функции.

В ходе проведения крестьянской реформы 1861 г. в России проводилось разделение уездов на волости – новые единицы словного крестьянского управления. При этом был использован опыт введения волостей для государственных крестьян, начатый в период правления Павла I. В волости объединялись «селения крестьян и прочих сельских обывателей», ее население составляло от 300 до 2 тыс. человек мужского пола. Так, например, в 1889 г. в составе Ярославской губернии числилось 164 волости¹⁶. Министр внутренних дел П. А. Валуев в докладе императору от 1

сентября 1861 г. сообщал, что в Тверской и Костромской губерниях волости окончательно образованы, «кроме некоторых мировых участков» в последней¹⁷. Деление Костромской губернии на волости завершилось к началу 1870-х гг. В 12 уездах губернии создали 269 волостей. В конце XIX в. в этой губернии было ликвидировано 11 волостей, но еще 6 создано¹⁸. В итоге общее число волостей в Костромской губернии составило 264.

При этом управление уезда оставалось в руках местного дворянства. Дворянские сословные учреждения не претерпели существенных изменений по сравнению с предыдущим периодом. Уездный исправник назначался губернатором из дворян. Двух дворянских заседателей в уездное полицейское управление избирало уездное дворянское собрание. Уездный предводитель дворянства председательствовал в уездных присутствиях и комитетах, которые часто играли роль исполнительных инстанций для губернских органов.

Реформа 1861 г. наложила на трехзвенное деление «губерния – уезд – волость» сеть округов: военного, учебного, судебного, путей сообщения, полицейского управления, фабричной инспекции и акцизный. Например, в окончательном варианте деление на военные округа было утверждено в 1864 году. При этом власть крупных администраторов значительно выросла. Так, московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков и сменивший его в 1891 г. великий князь Сергей Александрович координировали деятельность по борьбе с антиправительственными выступлениями во всем Московском военном округе, объединявшем 12 центральных губерний России. Из вариантов деления территории страны самым дробным являлось административно-территориальное, и ни один из других видов деления не нарушал границ губерний и областей.

Случаи изменения административного статуса населенных пунктов в пореформенный период были редкими. В частности, во Владимирской губернии 21 июля 1871 г. с. Иваново и Вознесенский посад преобразовали в безуездный город Иваново-Вознесенск, вошедший в Шуйский уезд¹⁹. Превращение местечка Никольского во Владимирской губернии в крупный промышлен-

ный центр поставило на повестку дня вопрос о преобразовании его в город. В 1889 г. Товарищество Никольской мануфактуры возбудило ходатайство о соединении местечка Никольского и соседнего с ним села Зуева в один административный центр с передачей в Богородский уезд Московской губернии. Покровская уездная и Владимирская губернская земские управы требовали, наоборот, с Зуево отдать в Покровский уезд Владимирской губернии, так как на его территории находились и другие фабрики Морозовых – Вауловская и Городищенская. В итоге МВД отклонило ходатайство владельцев фабрики²⁰.

В 1884 г. в Тверской губернии обсуждался вопрос о переводе уездного центра из Весьегонска в заштатный город Красный Холм. Инициатором этого стала Весьегонская уездная земская управа, которая считала Красный Холм «более центральным для уезда». Об этом было сообщено губернатору А. Н. Сомову, и он передал вопрос на рассмотрение в Весьегонскую и Краснохолмскую городские думы²¹. После обсуждения в министерстве такое изменение признали нецелесообразным.

Местные учреждения в каждой губернии различались: «1) предметами их ведомства; 2) пространством земли, на котором действие управления распространяется и 3) степенью власти их в разрешении дел»²². По второму основанию выделялись учреждения губернские, уездные, городские, участковые, волостные и сельские. На начало 1870-х гг. губернских учреждений МВД насчитывалось 13.

Последний всплеск внимания правительства к проблемам местного управления в пореформенный период произошел, когда в 1881–1885 гг. работала комиссия под председательством статс-секретаря М. С. Каханова²². В 1870-х гг. он был управляющим делами Комитета Министров, в 1880 г. стал товарищем министра внутренних дел, а затем членом Государственного Совета. В Кахановскую комиссию, наряду с представителями центральных учреждений, были приглашены «местные сведущие люди», которые могли внести ценные предложения по проблемам местного управления²³. Комиссия обсуждала вопрос об объединении деятельности местных административных учреждений и о

расширении их компетенции за счет центральных учреждений. Были получены отзывы 30 губернаторов об устройстве местного управления, но эти предложения по большей части остались нереализованными. В июле 1885 г. материалы «упраздненной Особой комиссии для составления проектов местного управления» поступили в архив МВД²⁴. В дальнейшем проекты местной реформы обсуждались в начале XX века по инициативе министров внутренних дел В. К. Плеве и П. А. Столыпина.

Таким образом, в пореформенный период административно-территориальные реформы проводились одновременно с изменениями в системе сословного и общественного управления. Они дали как примеры укрупнения схем территориального деления страны (округа), так и более мелкие, чем уезд и стан, административные единицы – волости. Административная целесообразность зачастую вступала в противоречие с российской реальностью, когда сословные привилегии дворян и соответственно сословная неполноправность крестьянского населения не позволяли выстроить четкую вертикаль власти сверху донизу. Нельзя забывать и о том, что деление империи строилось по административному основанию без учёта национального и экономического принципов. Соответственно в административной системе сохранялись «болевые точки», которые не являлись опасными в сравнительно спокойные периоды – такой была вторая половина XIX столетия, но могли стать очередными узлами противоречий в эпоху войн и революций, на пороге которой стояла Российская империя.

Примечания

¹ См.: Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1993–1999; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 ч. СПб., 1896–1903; Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. М., 1993 и др.

² Градовский А. Д. История местного управления в России СПб., 1868; Его же. Обзорение государственных учреждений. СПб–М., 1881; Лохвицкий А. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб., 1864. Ч. 1 и др.

³ Джаншиев Г. Эпоха великих реформ. Исторические справки. 7-е изд. М., 1898.

⁴ Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х гг. XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 3–24; Шумилов М. М. Губернская администрация и органы центрального управления России во второй половине XIX в.: учеб. пособие к спецкурсу. Л., 1988; Его же. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991 и др.

⁵ Архипова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России, XVIII–XX века: учеб. пособие. М., 2000; Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991; История государственного управления в России: учебник для вузов. М., 2002; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): в 2 т. СПб., 1999 и др.

⁶ Ахтямов К. Ш. Органы административно-территориального управления на Южном Урале в 1881–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2000; Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917): дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2004; Злобин Ю. П. Изменения в административно-территориальном устройстве Оренбургской губернии во второй половине XVIII – начале XX века // Проблемы истории Оренбургского края: сб. ст. Оренбург, 2004. С. 11–32; Кантимирова Р. И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Sterlitaamak, 2000 и др.

⁷ Джунковский В. Ф. Воспоминания: в 2 т. М., 1997; Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М., 1961; Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: в 2 т. М., 1966; Календарь Ярославской губернии на 1885 г. Ярославль, б.г. и др. Также см.: Балацкая Н. М., Раздорский А. И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1836–1917): Предварительный список. СПб., 1994.

⁸ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Издание 1876 г. СПб., 1876; Государственный строй Российской империи накануне крушения: Сб. законодат. актов / сост. О. И. Чистяков, Г. А. Кутьина. М., 1995; Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1987 и др.

⁹ Например, см.: Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 15; 40; Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 7; Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56, 466; Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 72; 73; 77 и др.

¹⁰ Министерство внутренних дел: Исторический очерк. СПб., 1902. С. 173.

¹¹ Общее учреждение губернское // Свод законов Российской империи. Изд. 1876 г. СПб., 1876. Т. 2. Ч. 1. Гл. 1. Ст. 3.

¹² Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях / сост. В. Кривенко. СПб., 1889. С. 53.

¹³ Военно-статистический сборник. Вып. IV: Россия. СПб., 1871. С. 6; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 209; Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. С. 54–65.

¹⁴ Календарь Ярославской губернии на 1885 г. С. 63–64.

¹⁵ Список лиц, служащих во Владимирской губернии. Владимир, 1899. С. 20.

¹⁶ Ярославский календарь на 1889 г. Ярославль, 1888. С. 5.

¹⁷ Отмена крепостного права: Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861–1862 гг. М.–Л., 1950. С. 67.

¹⁸ Справка об изменениях административно-территориального деления Костромской области (губернии) // Государственный архив Костромской области: Путеводитель. Кострома, 1962. С. 284.

¹⁹ Административно-территориальное деление Владимирской области: Справочник. Ярославль, 1983. С. 22–23; Балдин К. Е., Л. А. Кохова От кустарного села к индустриальному «мегаполису». Иваново, 2004. С. 178.

²⁰ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 235. Л. 3 об., 16.

²¹ Общее учреждение губернское. Ст. 10.

²² Ахун М. Источники для изучения истории государственных учреждений царской России (XIX–XX вв.). Архивное дело. 1939. № 1. С. 84.

²³ Кочаков Б. М. Русский законодательный документ XIX–XX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. М.–Л., 1937. С. 349.

²⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 26. Л. 1–6; Шумилов М. М. Губернаторские канцелярии и губернские правления в России 50-х – 80-х гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 197.

Из истории российской адвокатуры (вторая половина XIX – начало XX в.)

Одним из важнейших результатов судебной реформы 1864 г. является появление независимой адвокатуры. Она привнесла в российское судопроизводство новое, не характерное для самодержавной империи демократическое начало и стала силой, способной ограничить господство чисто государственных начал в суде в интересах справедливого отношения к участникам судебного процесса.

На начальном этапе введения Судебных уставов 1864 г. общество привлекало введение открытого гласного суда, где есть состязание защиты и обвинения, независимые присяжные заседатели, гласность заседаний. Поэтому на первых порах любое судебное дело вызывало интерес общества, для которого раньше зал суда был закрыт. Именно в 1860-е гг. появилась плеяда молодых, энергичных и талантливых адвокатов – К. К. Арсеньев, Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасович, А. И. Урусов и др., – получивших признание в обществе своим участием как в гражданских судебных делах, так и в политических процессах. Громкие судебные дела о преследовании печати, нечаевцах, В. Засулич, о Морозовской стачке и мн. др., в которых участвовали именитые адвокаты, оставили заметный след в истории России, так как в них были подняты важные политические и социальные вопросы. Исход этих процессов, с одной стороны, характеризовал адвокатуру как независимую организацию, отстаивающую принципы судебной реформы 1864 г. и общечеловеческое достоинство граждан, а с другой стороны, показывал стремление правительства по-прежнему диктовать свои условия суду и обществу. С первых шагов адвокатура своим участием в состязательности процессов стала давать живой материал, показывающий язвы общественной жизни, вскрывала глубинные психологические причины тех или иных событий. Можно смело сказать, что именно адвокаты часто формировали отношение общества к тем или иным судебным процессам.

С самого начала деятельности адвокатуры наметилась ее оппозиционность правительству, которая проявилась главным образом в политических процессах. Каждый раз, когда правительство задумывало подобные судебные процессы как показательные, стремясь дискредитировать обвиняемых, общество во главе с адвокатурой выступало против подавления личности. Например, один из видных юристов того времени И. В. Гессен отмечал, что «свои профессиональные задачи адвокатура подчиняет требованиям социальных условий и усматривает свою задачу в том, чтобы помогать слабейшему в жизненной борьбе»¹.

Роль присяжных поверенных как представителей русской общественности, которые не только сочувствовали освободительному движению, но даже поддерживали его, не устраивала правительство, видевшее в этом угрозу государственным устоям, поэтому политические процессы быстро закончились, а двери заседаний все чаще стали закрываться. Известный адвокат М. М. Винавер писал: «Гласность, участие адвокатуры и, вероятно, еще кое-какие реквизиты судебных уставов признаны были несоответствующими государственным интересам; и хотя государственные преступления не переставали совершаться, процессы о них исчезли из судебных мест и перешли в ведение особой, подземной, во тьме совершаемой, юстиции. Адвокатура лишилась самой видной платформы для своей деятельности и вместе с ней лишилась общественного сочувствия»². Вместе с введением «системы закрытых дверей», которая в первую очередь касалась политических дел, запрещалось освещать и многие судебные процессы в прессе³. Контрреформы 1880-х гг. существенно ослабили адвокатуру. В этот период она больше была занята своими внутренними профессиональными проблемами.

Однако, несмотря на попытки государства ущемить права присяжных поверенных и свести на нет проявление демократических настроений, адвокатура к концу XIX в. сумела не только устоять, но и выдвинуть для решения ряд важных общественных задач. Адвокат М. М. Винавер отмечал, что «в 1880–1890-е гг. появился важный социальный вопрос, который выдвинул совершенно новые факторы общественной борьбы»⁴. Судебные процессы в это

время все чаще велись не отдельными защитниками, а группой лиц, сделавших своей профессиональной и общественной задачей отстаивание групповых интересов против незаконных стеснений со стороны правительственной власти. Подобная практика проявилась в создании молодыми адвокатами во многих городах России профессиональных союзов, объединений, главной задачей которых была организация политических и гражданских защит.

Так, в 1893–1894 гг. в Москве группой молодых помощников присяжных поверенных был создан так называемый «Бродячий клуб», в который входили П. Н. Малянтович, Н. К. Муравьев, Н. В. Тесленко и др.⁵ Клуб ставил своей задачей поднять профессиональный и общественный престиж адвокатуры. С этой целью члены клуба старались иметь своих представителей во многих судопроизводственных структурах. Так, они вошли в состав консультации при съезде мировых судей. Эта консультация предназначалась для оказания помощи рабочим и крестьянам, которые хорошо знали свои обязанности, но не имели представления о своих правах и не могли их отстаивать.

Члены клуба не ограничились этой формой деятельности и принимали активное участие в защитах на выездных сессиях окружного суда⁶. С течением времени кружок разросся, пополнился новыми участниками, которые выезжали в другие губернии на защиты по разным делам, привлекавшим общественное мнение: рабочие беспорядки, крестьянские аграрные выступления, национальные волнения и др.

В свою очередь, в С.-Петербурге был создан аналогичный кружок специалистов, в который входили братья М. и В. Беренштамы, В. С. Елпатьевский, А. А. Исаев, В. Н. Новиков, П. Н. Переверзев и др. Этот кружок находился в районе Шлис-сельбургского тракта, где располагались рабочие кварталы. Молодые юристы стремились оказывать необходимую юридическую помощь рабочему люду. Они помогали составлять коллективные требования к работодателям по улучшению своих условий труда и жизни, грамотно оформлять ходатайства в различные инстанции, разрешать спорные бытовые вопросы. Население окраин относилось к их помощи с доверием, обращаясь

не только за юридическими советами, но и за содействием в повседневной жизни.

Примеру столиц последовали и провинциальные города. Конечной целью стало сближение всех этих организаций. Как отмечал И. В. Гессен, «чем дальше, тем все больше процессы о всяких беспорядках – аграрных, фабричных, о сопротивлении властям – приобретали характер процессов-монстров с массой подсудимых. Соответственно этому, увеличивалось и число защитников, и на разбирательстве таких дел встречались присяжные поверенные и их помощники со всех концов России»⁷. Позднее эти связи организационно оформились в съезд адвокатов, состоявшийся в Москве 15 февраля 1903 г. На съезде было принято решение организовать систематическую коллективную борьбу с произволом администрации и суда, заявить о необходимости законодательных реформ, расширяющих права населения и участвовать в обсуждении этих преобразований. Второй съезд, еще более многочисленный, состоялся в октябре 1904 г. Главным предметом обсуждения стал вопрос о выступлении адвокатов с конституционными заявлениями.

Интересен следующий факт, хорошо характеризующий взаимоотношения власти и адвокатуры. Так, в С.-Петербурге на 21 ноября 1904 г. было намечено общее собрание присяжных поверенных в честь празднования сорокалетнего юбилея судебной реформы 1864 г., но оно не состоялось, так как двери в здание судебных установлений были закрыты. Председатель совета был вынужден объяснять прибывшим, что утром ему от имени инспектора здания было объявлено, что собрание не разрешается, так как его цель не соответствует назначению. Тем не менее собрание состоялось в здании городской думы, где была принята резолюция об изменении в России государственного строя (введение представительного строя)⁸. Сам факт проведения подобного собрания и принятие резолюции о необходимости изменения формы государственного правления говорил о том, что адвокатское сообщество воспринимало себя как важный политический и общественный орган в стране.

Принятая съездом резолюция нашла позитивный отклик и у провинциальных коллег. Начавшийся подъем настроения при

общности взглядов привел к созыву всероссийского съезда адвокатов, который проходил с 28 по 30 марта 1905 г. в помещении Вольного экономического общества в С.-Петербурге и собрал примерно 200 делегатов.

Делегаты съезда заявили, что посвятят свои заседания главным образом рассмотрению общеполитических задач, поскольку без их разрешения невозможно достичь чисто профессиональные цели адвокатского сообщества. Съезд провозгласил необходимость создания Всероссийского союза русской адвокатуры, целью которого должна была стать не только профессиональная деятельность его членов, но и общественная, включающая задачу политического освобождения России на началах демократической конституции.

Всероссийский союз, по мнению его участников, должен был сочетать в своей работе профессиональные знания с активной гражданской позицией. В его резолюции были зафиксированы следующие положения: объединить, расширить и умножить учреждения, стремящиеся выполнять общественные задачи адвокатуры, например по оказанию юридической помощи народу и защите лиц, привлекаемых к политическим делам и пострадавших за свои убеждения; помочь законодательной работе будущего российского парламента разработкой и обсуждением законопроектов; разработать и усовершенствовать правила адвокатской этики; содействовать осуществлению мероприятий по материальному обеспечению членов адвокатского сословия и их семейств на случай смерти, болезни или неспособности к труду и т. д.⁹ Несмотря на обширность поставленных задач, приоритет съездом, как видно из постановления, был отдан обсуждению общественно-политических задач как первостепенных.

Неудивительно, что власти С.-Петербурга попытались не допустить проведение съезда. Полиция в течение трех дней разносила делегатам съезда объявления о запрете публичных собраний. Поэтому в течение 28–30 марта делегаты проводили свои заседания, переходя с одной частной квартиры на другую, и подчинились требованию властей только после заявления полиции о готовности применить силу.

Вскоре после съезда некоторые его члены за участие в Союзе адвокатов, были привлечены к жандармскому дознанию. Как только об этом стало широко известно, в жандармское управление стали поступать заявления от множества адвокатов о принадлежности их к этому союзу. Данное обстоятельство и повлекло прекращение полицейской активности.

5–6 октября 1905 г. в Москве состоялся второй съезд адвокатов. На него прибыло 60 делегатов от 24 местных отделений Союза. Председателем съезда был избран М. М. Винавер. На съезде первостепенным вопросом было отношение делегатов съезда к выборам и участию в работе создаваемой Государственной думы как важнейшему политическому событию в стране. После активных выступлений более 20 ораторов съезд принял резолюцию, признавшую необходимым «самое деятельное участие как в предвыборной агитации, так и в самой думе исключительно для того, чтобы добиваться учреждения правильного народного представительства... с законодательной властью»¹⁰. Затем началось обсуждение вопроса об участии адвокатов в начавшейся в то время политической забастовке, которое закончилось постановлением, что такое участие в данный момент неприемлемо. Участники съезда уделили пристальное внимание и проблемам своей профессиональной и организационной деятельности. Среди них были следующие: об установлении тесных связей между местными отделениями Союза, издании собственного печатного органа, о разработке правил адвокатской этики, создании кассы страхования и суда чести.

На съезде вновь возникли столкновения с местной администрацией и полицией, которые приняли еще более резкие формы. Так, в ходе одного заседания полиция вошла в здание и потребовала прекращения съезда. Его участники отказались подчиниться, а оратор продолжил свое выступление. В результате городовые вывели его из зала, а само заседание было закрыто. Позже оно возобновилось на квартире присяжного поверенного В. В. Пржевальского и продолжалось до появления полиции, снова разогнавшей делегатов. На следующий день собрание проходило на квартире В. А. Морозовой. После доклада В. А. Маклакова о смертной казни последовала двухчасовая дискуссия,

в ходе которой делегаты признали смертную казнь позорным явлением, объявили общественный бойкот всем причастным к ее применению и учредили особую лигу для борьбы со смертной казнью. Полиция появилась и в этой квартире, но адвокаты заявили, что они завершили свою работу и присутствие здесь полиции неуместно. Представитель власти тщетно пытался потребовать резолюцию о закрытии собрания, но таковую не получил и вынужден был покинуть собрание.

Подобная попытка властей закрыть съезд способствовала еще большему росту оппозиции в юридической, в том числе и адвокатской, среде, которая усилила свое внимание и интерес к политической жизни страны. Данное обстоятельство способствовало укреплению и росту ее общественного веса, а стало быть, адвокатура становилась крайне неблагонадежной для существующего режима. Более того, уже в ближайшие после съезда дни его участники активно включились в политическую борьбу, которая способствовала появлению Манифеста 17 октября 1905 г. о гражданских свободах, а также созданию буржуазных политических партий, в которые вошли многие адвокаты. В результате целый ряд присяжных поверенных подвергся обыскам и арестам, зачастую с последующей высылкой за пределы своей губернии. Только из Москвы за два года, с 1902 по 1904 г., было выслано 12 адвокатов. Например, адвокаты Синицын и Плаксин, защищавшие забастовочные требования уфимских рабочих, почти накануне процесса были арестованы и высланы в Архангельскую губернию, а присяжный поверенный Н. Д. Соколов, выступивший гражданским истцом в кишиневском процессе по еврейскому погрому, был арестован, посажен в тюрьму, а затем подвергнут административной высылке¹¹.

Одним из поводов к столкновению адвокатуры и правительства стало сфабрикованное дело М. Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве двенадцатилетнего подростка А. Юшинского в Киеве в 1911 г. Петербургский союз адвокатов единодушно принял резолюцию, в которой содержался категорический протест против проведения этого позорного процесса. В результате окружной суд признал всех подписавших этот протест виновны-

ми, из них двое были приговорены к 8-месячному тюремному заключению, остальные получили наказание в размере шести месяцев тюрьмы. Осужденные адвокаты получили поддержку общества, выразившуюся в огромном количестве присланных приветствий и в организованном в их честь банкете¹².

Таким образом, к началу XX века адвокатура оформляется в сильную профессиональную корпорацию, главной задачей которой было решение важных политических и социальных вопросов, отстаивание идеи правового гражданского общества. Создание молодыми адвокатами союзов и кружков явилось началом формирования будущих политических партий.

Можно констатировать, что адвокатура за свое почти пятидесятилетнее существование выросла в довольно мощную и крепкую самоуправляющуюся организацию. Этому предшествовала долгая борьба адвокатского сообщества за свое независимое положение. Судебные уставы 1864 г. способствовали появлению целой плеяды талантливых адвокатов, которые понимали свои задачи не в узко-профессиональном смысле, а в общечеловеческом и общественном, стремясь отстаивать элементарные права граждан.

В целом отметим, что судебная реформа 1864 г. не только создала новые судебные институты, но и сформировала совершенно новый пласт юридических кадров. В ходе практической деятельности у молодых юристов формировались взгляды на свое служение в профессии и в общественной жизни. К началу XX века адвокаты представляли собой не отдельную юридическую корпорацию, а важную общественную силу, которая влияла и на политическую жизнь страны.

Примечания

¹ Гессен И. В. История русской адвокатуры: Адвокатура, общество и государство. 1864–1914. Т. 1. М., 1914. С. 383.

² Винавер М. М. Адвокатура и правовое государство. СПб., 1905. С. 25.

³ Козлинина Е. И. За полвека. 1862–1912 гг. Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 364–365.

⁴ Винавер М. М. Указ. соч. С. 27.

⁵ Козлинина Е. И. Указ. соч. С. 401–402.

⁶ Маклаков В. А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006. С. 240–241.

⁷ Гессен И. В. Указ. соч. С. 392.

⁸ Там же. С. 413–417.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Хроника // Право. 1904. № 44. С. 3059.

¹² Гессен И. В. Указ. соч. С. 467.

Т. И. Волкова

Земства и развитие библиотечного дела, народных чтений и кинематографа на селе в начале XX в. (на материалах девяти губерний Центральной России)

Просветительная работа земств в сельской местности в рассматриваемый период была продумана таким образом, чтобы создавать разные типы культурных учреждений, работа которых была бы направлена на формирование и понимание общих ценностных основ и ориентаций людей. Земские деятели осознавали, что значительное воздействие на духовную жизнь может оказать литература, открывающая читателям разные культурные миры, культуру «другого». Поэтому земства обеспечивали крестьянам доступ к литературе.

В начале XX в. большее развитие, чем прежде, получила библиотечная деятельность земских структур, выразившаяся в создании и устройстве публичных и народных (в том числе и школьных) библиотек. Оживление библиотечного дела началось после отмены в 1905 г. специальных ограничительных правил, установленных для бесплатных народных библиотек еще в 1890 и 1904 гг. и затруднявших их создание на местах. Новые правила 1906 г. упростили создание библиотек: разрешение на их открытие и надзор за их деятельностью возлагался отныне на учебные учительские советы и инспекцию народных училищ. Они (пра-

вила) освобождали учредителей библиотек от обязанности руководствоваться при выписке книг каталогами ученого комитета Министерства народного просвещения.

Поэтому вначале XX столетия активно развивались публичные библиотеки, которые земства создавали и содержали на свои средства в губернских и уездных городах, а к 1917 г. их организовывали и в крупных селах. Сама постановка вопроса об открытии и учреждении этих структур везде была приблизительно одинаковой. В качестве примерной схемы земскими учреждениями использовались правила Марьино-Рощинской земской публичной библиотеки Московского уезда. Эта библиотека, как гласила инструкция, «имела целью доставить читателям возможность пользоваться чтением за самую умеренную цену»¹. С книгами и периодическими изданиями подписчики могли знакомиться в читальном зале и получать их на дом. Организацию и содержание библиотеки брало на себя уездное земство. Финансовые средства складывались из читательских взносов, ассигнований губернского и уездного земств, пожертвований частных лиц и учреждений. Годовая плата за пользование книгами из библиотеки не должна была превышать 3 руб. Размер взноса в этих пределах устанавливало общее собрание членов библиотеки. Годовые подписчики разделялись на три разряда по размеру их взноса: лица первого разряда вносили плату за пользование книгами 3 руб., второго – 1 руб. 50 коп., третьего разряда – 60 коп. в год. При этом плата залога могла быть рассрочена. Собранию библиотеки предоставлялось право освобождать от взносов некоторых читателей, скажем земских служащих.

Все остальные земские публичные библиотеки, открывавшиеся в губерниях по своей внутренней организации мало чем отличались от библиотек Московского земства. Поэтому и по своей организации, и по составу книжных коллекций земские публичные библиотеки относились к числу образцовых провинциальных библиотек. Их книжный фонд составляли сотни и даже тысячи изданий русских писателей и журналы: «Исторический вестник», «Новое время», «Русская старина», «Журнал для всех»,

«Образование», «Отечественные записки», «Семья и школа», «Нива» и другие популярные издания.

После проведения первого Общеземского совещания по народному образованию в 1911 г., где было принято решение о создании в каждой губернии библиотечной сети, эти публичные библиотеки стали выполнять функции центральных и районных библиотек.

Однако приоритетными для большинства земств оставались бесплатные народные библиотеки и библиотеки-читальни, позволявшие пользоваться литературой в самом помещении. Они создавались, как правило, при земских волостных управах и земских школах. Земства как органы местного самоуправления были заинтересованы прежде всего в общедоступности своих культурно-просветительных учреждений, отсюда одним из лучших способов приобрести знания и информацию представлялось учреждение бесплатных народных библиотек. Именно они в полной мере отвечали принципу, на котором земские структуры стремились осуществлять всю свою деятельность, – бесплатности земских учреждений, удовлетворению общественных потребностей на общественные средства.

Каждое уездное земство разрабатывало свой устав и правила функционирования библиотек. Наиболее удачным, по мнению современников, был признан устав, который составило Дмитровское земское собрание Московской губернии в 1905 г. В нем определялось, что библиотека управляется советом, в состав которого входили: попечитель, избираемый собранием, библиотекарь, учителя школ, входивших в район селений, пользующихся библиотекой, представители от сельских обществ и волостей, субсидирующих ее, так же как и уездная земская управа. Все они избирались на трехлетний срок. Не реже одного раза в год совет созывал общее собрание читателей, где заслушивался отчет и представлялась расходная смета, обсуждались текущие вопросы. Таким образом, разработанные правила предусматривали широкое привлечение общественности к организации и деятельности библиотеки.

Как было отмечено ранее, после издания новых правил об открытии народных библиотек с 1906 по 1912 гг. наибольшее их количество составляли пришкольные земские библиотеки.

Так, по отчету дирекции народных училищ Костромской губернии за 1912 г. из 378 народных библиотек, имеющихся в крае, 204 были открыты при земских школах. При этом учебниками были снабжены почти полностью все училища. Библиотечные фонды подразделялись на три вида: учебники, книги для учащихся (руководства и пособия) и книги для учащихся по внешкольному чтению на дому. В Рязанской губернии в 1910 г. из 216 народных библиотек 186 числились при земских школах.

Однако следует заметить, что не каждая школа, принадлежавшая земству, непременно имела в качестве своего подразделения учебную библиотеку.

Скажем, в Ярославской губернии в 1909 г. из 363 земских школ библиотек как таковых не было в 89, что составляло 18 % от их общего числа. Из остальных 274 выдавали книги только учащимся, а во всех прочих ими могли пользоваться все желающие. Самым благополучным уездом по этому показателю являлся Даниловский, где все земские начальные учебные заведения (20 школ) имели собственные библиотеки. В столичной Московской губернии ситуация выглядела следующим образом. Школьные библиотеки имелись в 421 начальном земском училище из 430, функционирующих в губернии в 1910 г. При этом наилучшее обеспечение школьными библиотеками имели Верейский, Клинский и Московские уезды. Здесь процент отсутствия библиотек при школах составлял не более трех. В свою очередь, Тверская губернская земская управа в своем докладе по народному образованию уже в 1902 г. констатировала, что пришкольные библиотеки организованы и функционируют во всех земских уездных начальных училищах края.

Переходя к цифровому материалу о количестве земских народных библиотек в целом, включая и те, что создавались, как правило, при земских и волостных управах, сразу отметим, что наибольшее их количество приходилось на Московскую губернию. В ней к 1913 г. земских библиотек было 482. Что же касается библиотечной сети в других исследуемых губерниях, то здесь статистика следующая. В Ярославской губернии их было 403, в Костромской – 398, во Владимирской – 310, в Тверской – 253, в

Смоленской – 249, в Рязанской – 226, в Тульской – 124, в Калужской – 77.

Однако приведенные данные не в полной мере будут отражать реальную картину приобщения гражданского населения к информационно-просветительским центрам без такого важного показателя, как число жителей, приходящихся на одну библиотеку, с учетом возможности ее посещения. По этому параметру вновь лидерами являлись Московская, Ярославская, Костромская и Владимирская губернии. Здесь показатель колебался от 3400 жителей в Московской губернии до 5 500 во Владимирской. В Тульской, Рязанской и Калужской он варьировался от 12 900 до 19 500 жителей².

Подобная ситуация во многом объяснялась разными финансовыми возможностями земств. Так, губернии с более развитой промышленной инфраструктурой и предпринимательской деятельностью, с более высоким уровнем покупательской способности и концентрации населения были и более экономически предприимчивы. Отсюда объемы ежегодных доходов земских бюджетов также были значительно весомее, а стало быть, и шире возможности самих земских учреждений.

Так, по данным выставки Северного края, проведенной Ярославским земством в 1903 г. по итогам земской деятельности в области народного образования, видно, что наибольшие ассигнования на содержание и создание бесплатных народных библиотек были выделены Московским земством. Они составили на указанный год 9 тыс. 908 рублей. Это был самый высокий показатель финансовых затрат по данной статье расходов среди всех земских губерний России. Ярославское, Владимирское и Костромское земства, у которых также насчитывалось более значительное количество народных библиотек, тратили на их содержание от 4 тыс. 400 рублей (Ярославская губерния) до 2 тыс. 200 рублей (Костромская губерния). В то же время у Смоленского и Тульского земства, которые не являлись «передовыми» в данной области, эти расходы составляли 1 тыс. 575 рублей и 1 тыс. 275 рублей соответственно³. При этом Тульское земство даже возбудило ходатайство перед Министерством народного просвещения о дополнительном пособии на устройство библиотек. Пособие

вновь открывающимся библиотекам определялось чаще всего в 120–150 рублей.

Книжный фонд сельских народных библиотек был довольно значительным и мог удовлетворять спрос на адаптированные для малограмотных людей научные и художественные издания. В среднем на каждую библиотеку, по отчетам уездных управ, приходилось 800–1000 книг. При этом наибольшее их число составляла беллетристика – 61 % (включавшая как наиболее пользующиеся спросом сочинения Л. Толстого, В. Гарина, Н. Некрасова и В. Дорошевича), издания религиозно-нравственного содержания – 13 %, научная и научно-популярная, включая сельскохозяйственную тематику, – 26 %⁴.

В 1907–1908 гг. многие земства, так же как и в системе здравоохранения и начального образования, переходили к созданию библиотечных участков, с тем чтобы эти культурно-просветительные учреждения максимально приблизить к населению, к их читателю. Таким стандартным районом считался участок площадью в 30 квадратных верст с 5-ти верстным радиусом.

С этого времени устройство народных библиотек приобрело более планомерный характер, а руководителем библиотеки становился не законослужитель и не учитель (как было ранее), а библиотекарь с образовательным цензом не ниже среднего, принятый земством на работу. При этом на заведующего крупной районной библиотекой-читальней возлагались функции координатора внешкольной деятельности в нескольких волостях, включая обязанности по руководству сельскими библиотеками, проведение народных чтений и бесед. Он участвовал в заседаниях школьной и библиотечной комиссии как у себя в уезде, так и в аналогичных губернских структурах, а затем знакомил работников внешкольного образования своей местности с постановкой культурно-просветительной работы на всей территории губернии. В течение 1911–1917 гг. всеми земствами были учреждены и должности уездных заведующих внешкольным образованием, содержание которых брали на себя в основном губернские управы. Их оклады в среднем составляли 1500 рублей в год. На эту должность принимались лица с хорошей эрудицией и образова-

нием, ибо при составлении каталогов для библиотек, что входило в непосредственные обязанности заведующих, было необходимо знание не только литературы и библиографии, но и самой психологии читателя, а также специфики работы сельских народных библиотек.

Население к созданию и развитию библиотечной сети относилось с воодушевлением и заинтересованностью, часто проявляя определенную инициативу. Как отмечалось в документах Общеземского съезда по народному образованию, «в Костромской губернии инициатива населения в отношении внешкольного образования, не считая активного и всегда сочувственного участия гласных-крестьян в обсуждении соответствующих мероприятий на земских собраниях, выражается главным образом по вопросу об устройстве библиотек на местах»⁵.

Владимирская губернская земская управа привела весьма любопытные статистические данные за 1909 г., показывающие сравнительное участие различных учреждений (в том числе сельских обществ) и частных лиц в открытии и обустройстве народных библиотек. Так, инициатива создания 105 библиотек принадлежала: уездным управам в 28 случаях, учителям – в 20, сельским и волостным обществам – в 11, священникам – в 7, земским начальникам – в 5, обществам трезвости – в 2. Если принять во внимание, что в числе частных лиц могли быть и представители крестьянства, то его участие было выше указанной цифры (в 11 случаях)⁶.

Материальное содействие со стороны крестьянского мира проявлялось в весьма разнообразных формах. Скажем, волостные (Костромская губерния) и сельские (Раненбургский уезд Рязанской губернии) сходы выделяли общественные средства на устройство и содержание библиотек, сбор частных денежных пожертвований был осуществлен в Дмитровском уезде Московской губернии, а в Зарайском уезде Рязанской губернии были проведены пожертвования библиотекам книгами и журналами, в Епифанском уезде Тульской губернии крестьяне на своих подводах безвозмездно ездили в город за книгами.

По отзыву известного российского книговеда, библиографа и писателя Николая Александровича Рубакина, трудно было пе-

реоценить благотворное влияние библиотек-читален на просвещение взрослой части сельского населения. Наблюдения позволили автору сделать яркие бытовые зарисовки: «Посещавшие читальню в первый раз обычно вели себя робко и конфузились, но если интересы крестьянина получали удовлетворение, то библиотека становилась для него близкой, и он старался привлечь в нее односельчан»⁷.

Популярной формой просветительской деятельности на селе в рассматриваемый период являлись народные чтения и беседы-лекции, которые влияли на изменение системы взглядов крестьянского населения и вызывали живой общественный интерес. Это было новое направление в земской практике с точки зрения расширения культурного пространства в традиционном укладе деревенской жизни. По мнению земских гласных, подобные чтения были той же школой, только для взрослых.

До начала XX в. для организации лекций и бесед требовалось разрешение попечителя учебного округа и разрешение губернатора. Однако в 1902 г. эти функции были переданы училищным советам, а после революции 1905–1907 гг. к этой форме мероприятий стали применяться нормы «Правил о публичных собраниях», что позволило проводить их явочным порядком. При этом к чтениям допускались только печатные сочинения, утвержденные Министерством народного просвещения, указанные в особых каталогах.

По содержанию и направленности разрешались беседы и лекции по следующей проблематике: духовно-нравственной, исторической, медицинской, по художественной литературе, естествознанию, географии и биографиям выдающихся деятелей.

Развитие народных чтений, так же как и народных библиотек, было тесно связано с земской школой. Преобладающим типом народных чтений были те, которые проводили земские учителя, пожелавшие участвовать в подобной форме работы безвозмездно или за небольшое вознаграждение. Реже в качестве лекторов выступали священники, земские врачи, агрономы, земские инструкторы. Эти лекции не давали слушателям каких-либо цельных и системных знаний, однако имели большое познавательное значение и открывали путь для более планомерных

культурно-просветительных мероприятий. Большинство из них проводилось в школьных зданиях, уездных управах, впоследствии в народных домах. Организацией подобных чтений занимались исключительно уездные земства.

Еще одним типом народных чтений, значимость которых все более осознавалась в 1900-е гг. и активно поддерживалась земской практикой, являлись систематические циклы общеобразовательных лекций и курсов по различным научным дисциплинам. Большинство земств здесь придерживалось специальной программы.

Так, для организации подобных мероприятий губернские земства приглашали штатных лекторов, как правило с высшим или средним специальным образованием, которые получали денежное вознаграждение за свой труд. Скажем, приглашенный лектор Ярославского губернского земства г. Н. А. Мамырин провел с 14 апреля по 1 ноября 1916 г. 38 лекций для населения края. Губернская земская управа определила ему годовое жалованье в 1 800 руб. и оплатила все разъездные расходы, а Тверское губернское земство пригласило в 1916 г. для чтения лекций и проведения систематических общеобразовательных курсов уже штат лекторов-инструкторов, которые должны были охватить своей деятельностью все школьные районы края. Владимирское губернское земство на очередном заседании еще в 1902 г. приняло решение выплачивать штатным лекторам по 1 рублю за проведенное занятие. Большинство всех народных чтений проводилось с демонстрацией «теневых картин» на экране (аналог современных слайдов), которые, так же как и «волшебные фонари» (диапроекторы), приобретались либо губернской, либо уездными управами.

Так, в мае 1905 г. Московским уездным собранием было принято предложение гласного Н. Ф. Михайлова об организации для населения цикла лекций, посвященного памяти Н. В. Гоголя. Для реализации этого мероприятия было решено закупить «теневые картины» для «волшебного фонаря», его произведения, использовать воспоминания друзей и соратников. Аналогичные по тематике мероприятия были проведены в Звенигородском уезде с октября по апрель этого же года. В соседнем Можайском уезде кружком общественности по содействию начальному образованию были

организованы популярные чтения при 6 земских школах. В состав этого кружка входило около 100 человек. Это были земские врачи, учителя и должностные лица. На их взносы и средства земства был куплен «волшебный фонарь» и диапозитивы. Организация цикла лекций была следующей: в каждую школу из состава кружка выделялся ответственный, который обеспечивал регулярное проведение мероприятий, а уездная управа – их оплату. В этот период в Московском крае начали практиковаться лекции и беседы по медицине и гигиене, особенно после холерных бунтов в конце 90-х гг. XIX столетия. Наиболее активно такие чтения проводились в Московском, Подольском и Клинском уездах.

Подобная форма просветительной работы со стороны земских структур на селе прижилась и получила развитие. Так, в Ярославской губернии общее количество чтений в сельской местности в 1900 г. составило 167, в 1901 г. – 185, в 1902 г. их уже насчитывалось 1 278, в 1903 г. – 2 785, в 1904 г. – 4 517, а в 1916 г. – 5 275. Нетрудно заметить, что если 1900 и 1901 гг. были периодом становления публичных чтений представителями сельской интеллигенции, то с 1902 г. эти мероприятия проводились уже во всех уездах края. Регистрация показывала, что контингент взрослых составлял около 65% присутствующих, остальные были преимущественно подростки. Наибольшей популярностью пользовались беседы-лекции по беллетристике и религиозно-нравственным проблемам. Сильное впечатление на слушателей производили «теневые картины», сопровождающие рассказ лектора. Посмотреть на диковинные изображения собиралось до ста человек, а число желающих присутствовать на этих мероприятиях ограничивалось подчас только размером помещения.

В Тверском крае, по данным губернской управы, количество проведенных чтений только в земских школах за период 1912–1917 гг. было следующим: в 1912–1913 гг. – 233, в 1913–1914 гг. – 273, в 1914–1915 гг. – 313; в 1915–1916 гг. – 319, в 1916–1917 гг. – 535. Здесь наиболее популярными были беседы по религиозно-нравственной, исторической и географической проблематике. Аналогичная картина наблюдалась и в Московской губернии, там также слушатели взрослого и подросткового возраста наиболь-

ший интерес проявляли к религиозно-нравственным и историческим темам. Как отмечалось в отчетных докладах губернской управы, «с большим интересом и охотой слушаются чтения из Священной истории, русской истории, исторические рассказы и "Жития святых"»⁸. Общее число лекций-бесед, проведенных земством только на базе начальных школ края, в 1910 г. составило 353, а в 1914 г. – 637. Вместе с тем количество всех состоявшихся чтений в 1914 г. (включая их проведение в других учреждениях и структурах) было внушительным – 7 388. А вот в Смоленской губернии земство с 1909 г. приложило энергичные усилия к организации цикла чтений и бесед по сельскохозяйственной проблематике, цель которых заключалась в пропаганде хуторского хозяйства, новых способов ведения животноводства, разъяснении основ мелкого кредита и кооперации, что было связано с проведением правительственной аграрной реформы. В 1914 г. во всех уездах губернии лишь указанных лекций было проведено 540, на них присутствовало 22 тыс. человек. При этом 75 % всех участников чтений составляли крестьяне. В целом земская статистика по внешкольному образованию дает следующую типичную картину проведения народных бесед: на каждом занятии в среднем присутствовало 140 слушателей, при этом показатель мог колебаться от 30 до 300 человек, ¼ часть из них были дети, такое же количество составляли подростки, все остальные – взрослые.

Наряду с показом «теневых картин», в земских губерниях в начале XX столетия началась новая практика культурно-просветительной работы – устройство кинематографических демонстраций. Сразу отметим, что кинематограф был воспринят земствами прежде всего как вид учебного пособия, способствующий наглядности обучения, расширению кругозора слушателей. Поэтому к проведению учебных кинематографических сеансов привлекались лекторы и учителя, дававшие пояснения к демонстрационному материалу.

Скажем, Кинешемская земская управа в 1913 г. приобрела за 200 руб. экспонировавшийся в Костроме на юбилейной выставке киноаппарат «Кок» фирмы Патэ. Предполагалось, что на средства земства будет учреждена должность разъездного учителя-

демонстранта, в функции которого входило посещение местных школ с демонстрацией и пояснением учебных кинолент. Калужская губернская управа также закупила ряд подвижных кинематографических аппаратов «Кок» фирмы Патэ для организации в уездах кинопросмотров. Среди показываемых картин были «Породы рогатого скота» и «Зоологический сад». За билет на сеанс бралась плата в размере 10 коп., но крестьяне шли на просмотр весьма охотно, говоря, что «на водку больше расходовали». В отчете Ярославской губернской управы за 1915 г. отмечалось: «правильно организованный кинематограф может иметь громадное просветительное и образовательное значение»⁹. В этом же отчете констатировалось, что киноаппараты системы «Кок» имеются в 5 уездных управах (Ярославской, Мологской, Мышкинской, Романо-Борисоглебской и Рыбинской), а также при губернской управе. Угличское земство купило более совершенный аппарат системы «Кинокс». Общее же количество кинолент, которыми располагало губернское земство, составляло 40, а их копиями, по мнению управы, должны быть снабжены все районные центры внешкольного образования.

Наряду с учебными кинолентами земства приобретали и художественные короткометражные фильмы. Предпочтение отдавалось лентам с участием любимицы немого кинематографа, популярной актрисы Веры Холодной, снявшейся в фильмах «Песнь торжествующей любви», «Молчи, грусть, молчи», «Последнее танго», «Позабудь про камин...».

Сельское население относилось к показу этих кинолент с восхищением, и количество посетителей на сеансах доходило до 200 человек, а в Московской губернии и до 300. Крестьяне объясняли эту ситуацию следующим образом: все равно эти деньги они просидят в трактире, а после кинематографа у них «на другой день будет много разговору»¹⁰. Поэтому на подобные сеансы часто попадали далеко не все желающие.

Таким образом, результатом деятельности рассматриваемых нами земств в девяти губерниях Центральной России стало формирование к 1910-м гг. сети библиотек, организация народных чтений и кинопросмотров. Программа культурно-просветительных

мероприятий на селе изменяла культурную среду и ментальность крестьянского населения.

Примечания

¹ Ежегодник внешкольного образования. Вып. II. М., 1908. С. 57.

² Сводка сведений о состоянии земской статистики народного образования. Харьков, 1914. Выборка и подсчеты наши.

³ Итоги земской деятельности в области народного образования по данным Ярославской выставки Северного края (1903 г.). Ярославль. 1904. С. 24–25.

⁴ Вологдин Б. П. Бесплатные библиотеки в Ярославской губернии в 1913 году. Ярославль. 1915. С. 7–8; ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 6. Д. 895. Л. 16, 18.

⁵ Труды Общеземского съезда по народному образованию. М., 1912. Т. 9. С. 241–242.

⁶ Там же. С. 243–244.

⁷ Цит. по: Земское самоуправление в России 1864–1918. М., 2005. Кн. 2. С. 151.

⁸ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Д. 367. Л. 19.

⁹ Доклады Ярославской губернской земской управы Ярославскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1915 г. Ярославль, 1915. С. 42.

¹⁰ Цит. по: Земское самоуправление в России 1864–1918. С. 152.

В. П. Федюк

Вторая Дума и ее роль в истории российского парламентаризма

Отправной точкой в истории российского парламентаризма принято считать 27 апреля 1906 г. – день, когда начала работу первая Государственная дума. Период ее существования был бурным и непродолжительным. Ввиду постоянных конфликтов с исполнительной властью Дума была распущена после 72 дней работы. В это время часть думских депутатов находилась в Лондоне в составе парламентской делегации. О том, что Думы больше нет, они узнали во время приема у британского премьер-министра Кэмпбелл-Баннермана. В приветственной речи тот по-

пытался утешить гостей из России, произнес знаменательную фразу: «Дума умерла – да здравствует Дума!» Эти слова едва не вызвали международный скандал. В Петербурге их восприняли как демонстративную поддержку английскими властями распущенного парламента. С большим трудом министру иностранных дел А. П. Извольскому удалось убедить Николая II в том, что английский премьер лишь перефразировал известный лозунг времен французской монархии «Le roi est mort – vive le roi!».

В эпоху Бурбонов эта фраза символизировала неизбежность монархических основ. Сейчас официальные английские власти этим выражали надежду на то, что роспуск Думы не означает конец российского парламентаризма как такового. Но ни в окружении царя, ни в правительстве об этом никто и не думал. В Петербурге хорошо понимали, что возвращение к самодержавию сильно повредит международному имиджу России. Новый премьер П. А. Столыпин, несмотря на свое участие в разгоне Думы, был убежденным сторонником парламентской модели. Другое дело, что в его понимании парламент должен был стать более управляемым и склонным к сотрудничеству с правительством.

Это обстоятельство было главным во время выборов во II Думу. Проходили они в начале 1907 г. и заметно отличались от предыдущих. На этот раз власти попытались провести целенаправленную селекцию, с тем чтобы в Думу не попали радикальные элементы. Результат был не слишком удачным. Новая Дума оказалась левее своей предшественницы. Большинство революционных партий игнорировали выборы в I Думу. Теперь они приняли самое активное участие в избирательной кампании. Итогом стало появление в Думе социал-демократической фракции в составе 64 депутатов, группы, представлявшей партию эсеров (38 человек). Вместе с трудовиками и другими мелкими фракциями левые контролировали в Думе почти 200 мест.

Благодаря усилиям правительства в Думе появилось заметное правое крыло (49 человек). К правым примыкали и депутаты, избранные от «Союза 17 октября» (35 человек). Главным отличием партийного состава новой Думы стало заметное сокращение численности кадетской фракции. В ней насчитывалось 124 че-

ловека, то есть в два раза меньше, чем в Думе первого созыва. Сами кадеты объясняли это теми препятствиями, которые ставились перед ними в ходе выборов. Но несомненно, что свою роль в падении популярности кадетов сыграло их поведение в период работы I Думы. **Разочаровавшиеся избиратели отдали предпочтение правым или социалистам, за счет чего кадеты, представлявшие центр, и оказались в проигрыше.**

Еще одной особенностью новой Думы стало почти полное отсутствие в ее составе узнаваемых лиц. Суд по делу о Выборгском воззвании позволил властям устранить от избирательной кампании наиболее ярких депутатов предыдущей Думы. Тем же, кто пришел им на смену, еще предстояло завоевать известность. Забегая вперед, скажем, что именно во II Думе начали карьеру многие самые известные политики последних лет императорской России. Достаточно привести лишь несколько имен: среди кадетов – П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, среди правых – В. М. Пуришкевич, В. В. Шульгин, среди социалистов – И. Г. Церетели.

Официальное открытие Думы состоялось 20 февраля 1907 г. Все прошло буднично и почти незаметно. На этот раз не было толп зевак у Таврического дворца, не было приема у императора. Статс-секретарь И. Л. Голубев зачитал парламентариям приветственное послание Николая II. После этого один из депутатов-монархистов встал и провозгласил «Ура!» в честь императора. В этот момент произошел неприятный инцидент. Правые депутаты встали и хором крикнули «Ура!». Левые и кадеты продолжали молча сидеть на своих местах. Эта демонстрация заранее не планировалась, но впечатление она произвела самое тяжелое. С этого момента царь и правительство уверовали в то, что новая Дума пойдет по пути своей предшественницы.

Первым шагом нового парламента стало избрание председателя. На это место был избран представитель кадетской фракции Ф. А. Головин. На выборах он прошел голосами кадетов и социалистов. Последние демонстративно уклонились от постов в парламентском руководстве, но не возражали против поддержки кадетов. Головин был менее яркой фигурой, чем председатель первой Думы С. А. Муромцев. «Муромцев импонировал своей

величавой наружностью, авторитетностью тона, знанием дела. Обратные чувства вызывал Головин; закрученные кверху усы, высокий крахмальный воротник, картавый голос производили немного комическое впечатление»¹. Тем не менее Головин был человеком честным и ответственно подходил к возложенным на него обязанностям.

Контуры будущих отношений правительства и Думы должны были быть очерчены в декларации председателя Совета министров. Все ждали этого дня с нетерпением. Но накануне произошло совершенно неожиданное событие. В ночь на 2 марта 1907 г. обрушился потолок Екатерининского зала, где обычно заседали депутаты. Тяжелые куски штукатурки, весом по несколько десятков килограммов, разнесли мебель и испортили пол. Если бы обрушение произошло во время заседания Думы, убитые и раненые исчислялись бы десятками. На короткое время возникла версия о террористическом акте, но расследовавшая дело комиссия выяснила, что причиной был недоброкачественный ремонт.

Так или иначе, Думе пришлось искать помещение для продолжения работы. В качестве такового был избран зал Дворянского собрания. Именно здесь 6 марта 1907 г. П. А. Столыпин и выступил перед депутатами с правительственной декларацией. Уже само появление премьера показало, что времена изменились. Это был не равнодушный ко всему Горемыкин. Депутат Шульгин вспоминал об этом так: «Столыпин был именно таков, каким должен быть премьер-министр: внушителен, одет безукоризненно, но без всякого щегольства. Голос его не был колокольным басом, но говорил он достаточно громко, без напряжения. Особенность его манеры говорить состояла в следующем. Его речь плыла как-то поверх слушателей. Казалось, что она, проникая через стены, звучит где-то на большом просторе. Он говорил для России... Словом, в его манере и облике сквозил всероссийский диктатор»².

П. А. Столыпин раскрыл перед депутатами широкую программу задуманных правительством реформ. Речь шла о наделении крестьян землей за счет государственных фондов, о введении местного самоуправления на уровне отдельных общин, о легали-

зации профессиональных организаций рабочих и так далее. Выступление Столыпина было составлено в очень конструктивных тонах, он не устал подчеркивать, что реформы возможны только в результате согласованной деятельности законодательной и исполнительной власти. Правительство протягивало Думе руку, но та не захотела принять ее.

Как уже отмечалось, во II Думе были достаточно широко представлены радикальные социалисты. На этот раз они не бойкотировали выборы, как это было в случае с Думой первого созыва, но и не собирались всерьез заниматься парламентской работой. Для них Дума была только трибуной, а главной целью продолжало оставаться вооруженное восстание. Один из таких депутатов – грузинский социал-демократ Ираклий Церетели взял слово после выступления Столыпина.

Речь Церетели прозвучала как прямой вызов правительству. Создавалось впечатление, что он даже не слушал Столыпина, а подготовил текст заранее. Выступление Церетели закончил словами: «Мы знаем, оно (правительство) показало, что оно подчинится только силе. Мы обращаемся к народному представительству с призывом готовить эту силу». В ответ на эти слова раздались выкрики справа, и заседание вылилось в шумный скандал. Очередных ораторов уже не слушали, крики из зала стали напоминать прямые оскорбления. Председатель поднял вопрос о прекращении прений.

Но Столыпин не мог позволить, чтобы последнее слово осталось за его противниками. Он вторично поднялся на трибуну, чтобы ответить на критику в адрес правительства. На этот раз премьер-министр был намеренно резок. «Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти, паралич воли и мысли, все они сводятся к двум словам: "Руки вверх!"». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: "Не запугаете!"»³. В зале поднялся шум. Аплодировала правая часть аудитории, аплодировали министры в своей ложе. Депутат Маклаков вспоминал: «Правительство в этот день на глазах у всех обрело и главу и оратора... Впечатление во всей стране было громадное»⁴.

Выступление в Думе превратило Столыпина из очередной проходной фигуры на премьерском посту в первое лицо после царя. Но в истории второй Думы день 6 марта 1907 г. стал началом конца. Обсуждение правительственной декларации показало, что парламентское большинство не настроено на конструктивное сотрудничество с правительством, а сознательно ведет дело к разрыву. В понимании левых радикалов, чем хуже обстояли дела у Думы, тем лучше было для революции. Дума должна была умереть для того, чтобы подтолкнуть народ к восстанию.

В самом сложном положении оказались кадеты. Накануне созыва Думы они планировали блокироваться с социалистами, правые и октябристы воспринимались кадетским руководством как политические враги. Но после неудачного опыта первой Думы кадеты вовсе не хотели досрочного роспуска ее преемницы. Лозунгом кадетов стали слова «беречь Думу», но осуществить это, оставаясь в союзе с левыми, было крайне трудно.

В повестке дня Думы было много вопросов первостепенной важности – помощь голодающим, решение земельной проблемы. Но депутаты предпочли начать с вопроса, практически не столь значимого, зато очень эффектного. Речь шла о военно-полевых судах, учрежденных распоряжением Совета министров в августе 1906 г. Они предназначались для ускоренного судопроизводства по делам о лицах, обвиняемых в убийствах, разбое, нападении на военных и полицейских в тех случаях, когда за очевидностью преступления не было необходимости в дополнительном расследовании. Военно-полевые суды работали при закрытых дверях и не позже чем через двое суток выносили приговор, вступавший в законную силу через 24 часа.

Несомненно, что военно-полевые суды представляли собой грубое нарушение принципов демократического судопроизводства. По существу они являлись инструментом государственного террора, созданным для того, чтобы пресечь последние всплески революции. Отмена военно-полевых судов была делом благородным, но проблема заключалась в том, что и само правительство не настаивало на продолжении их существования. В соответствии с Основными законами, правительство должно было внести по-

ложение о военно-полевых судах на утверждение Думы. Если это не было бы сделано, то с апреля 1907 г. действие военно-полевых судов прекращалось автоматически.

Левые депутаты Думы хорошо понимали это, но дебаты по поводу отмены военно-полевых судов давали возможность заявить о себе на всю Россию. Защитников военно-полевой юстиции в Думе фактически не оказалось, но правые предложили дополнить тему принятием декларации, осуждавшей революционный террор. Однако здесь они встретили непробиваемую стену в лице не только социалистов, но и кадетов.

Можно понять, почему против осуждения революционного террора выступили социал-демократы и социалисты-революционеры (эсеры). Эти партии, особенно последняя, самым активным образом использовали террор как средство политической борьбы. Труднее разобраться с позицией кадетов. Большая часть депутатов от кадетской партии принадлежала к верхушке российской интеллигенции, это были люди образованные и воспитанные в духе идеалов гуманизма. Тем не менее с удивительным упорством они отвергали саму постановку вопроса об осуждении революционного террора.

Объяснение этому нужно искать в тех стереотипах поведения интеллигенции, которые были свойственны ей с момента зарождения. Русская интеллигенция изначально определила, на какой стороне баррикады ей находиться. Все, что исходит от власти, — зло, революция же есть долгожданное очищение. Реальные события 1905–1907 гг. в значительной мере поколебали эту веру, но не уничтожили ее окончательно. В понимании российских либералов революционеры были союзниками, так же как защитники режима — естественными врагами. Это и заставляло депутатов-кадетов, вопреки своим моральным принципам, выступать против осуждения террора.

Надежды на то, что новая Дума станет местом спокойной законодательной работы, не сбылись. Она, как и ее предшественница, все более явственно трансформировалось в революционную трибуну. В таких условиях судьбу Думы не трудно было предугадать.

Уже через считанные недели после начала работы Думы слышались разговоры о том, что в ближайшее время она будет распущена. Это свидетельствовало о том, что исполнительная власть так и не нашла пути взаимодействия с властью законодательной. А если та не выказывала стремления подчиниться, ее надо было распустить, тем более что в недавнем прошлом был тому прецедент. Если накануне роспуска первой Думы правительство и царское окружение испытывали некий страх перед возможными последствиями такой акции, то теперь такого сдерживающего фактора уже не было. Более того, легкость, с какой была распущена первая Дума, даже провоцировала аналогичное поведение по отношению к ее преемнице.

После принятия в апреле 1906 г. новых Основных законов Россия формально перестала быть абсолютной монархией, но фактически ни одно серьезное политическое решение по-прежнему не могло быть принято без согласия императора. Что касается Николая II, то его позиция по отношению к Думе долгое время отличалась неопределенностью. Но настроения царя в значительной мере зависели от тех информаторов, которые сообщали ему о происходящем в Таврическом дворце. По большей части это были все те же министры – люди, настроенные в отношении парламента откровенно враждебно. Они делали все для того, чтобы заставить царя распустить Думу, используя при этом каждый промах депутатов.

Надо сказать, что сама Дума давала достаточно поводов для царского недовольства. Примером может служить событие, вошедшее в историю российского парламента под названием «зурабовский инцидент». Он произошел на заседании 16 апреля 1907 г. в ходе обсуждения вопроса о численности контингента новобранцев, призываемых на военную службу. В этот раз, как это уже бывало и раньше, левые фракции использовали дискуссию по вполне конкретному вопросу для провокационных политических заявлений.

Взявший в ходе прений слово депутат социал-демократ А. Г. Зурабов заявил, что российская армия способна лишь на роль инструмента репрессий против инакомыслящих. «Наша ар-

мия в самодержавном государстве не будет никогда приспособлена, сколько бы с этих скамей ни говорили, в целях внешней обороны, что вот такая армия будет великолепно воевать с нами и вас, господа, разгонять и будет всегда терпеть поражения на востоке»⁵. Надо вспомнить, что менее чем за два года до этого завершилась русско-японская война, фактически закончившаяся для России поражением. Многими в стране это было воспринято крайне болезненно, непродуманные слова Зурабова прозвучали как прямое оскорбление.

В зале поднялся шум. Сидевшие в правительственной ложе министры демонстративно поднялись и вышли. Председатель думы Головин попытался найти выход из ситуации. Он заявил, что оратора неправильно поняли, и предложил Зурабову пояснить свои слова. Вторично получив слово, Зурабов заявил, что говорил об армии самодержавной России, теперь же Россия – страна конституционная. Выглядело это объяснение очень неубедительно, если вспомнить, что во фразе, вызвавшей скандал, было использовано будущее время.

Конфликт нарастал. Головин объявил перерыв на 10 минут, растянувшийся на два часа. Во время перерыва присутствовавший на заседании премьер-министр П. А. Столыпин объявил Головину, что связался по телефону с царем. По его словам, Николай II был страшно возмущен и счел выступление Зурабова оскорблением армии и его самого как ее верховного вождя. Столыпин заявил, что единственным способом сгладить ситуацию может стать удаление Зурабова с заседания Думы. Парламентский регламент предусматривал такую меру, но ее применение должно было поддерживать большинство депутатов. Между тем фракции социал-демократов, социалистов-революционеров, а также трудовики заявили, что они будут голосовать против удаления Зурабова.

Головин попытался найти компромисс. Когда заседание Думы возобновилось, он объявил, что знакомство со стенограммой убедило его в том, что Зурабов действительно позволил себе недопустимые высказывания. По этой причине он, как председатель, лишает Зурабова слова и выносит ему замечание. Совер-

шенно неожиданно Головин поставил этот вопрос на голосование (прежде председательские решения не требовали баллотировки), и левые фракции не успели среагировать должным образом. Часть социалистов чуть ли не бегом направилась к дверям, чтобы демонстративно проигнорировать голосование, часть осталась в зале, не решаясь подать голос ни за, ни против.

В итоге создалось впечатление, что Дума осудила поступок Зурабова. Сам Головин на следующий день побывал у Столыпина и военного министра А. Ф. Редигера и принес им официальные извинения. Однако на практике «зурабовский инцидент» стал решающим шагом к роспуску Думы. Царь остался недоволен поведением депутатов и по-прежнему считал себя оскорбленным. В свою очередь, депутаты-социалисты были возмущены провокационным, как им казалось, поведением председателя. Социал-демократическая фракция потребовала отставки Головина, в то время как кадеты полностью поддерживали его. В парламенте назревал раскол, что мешало Думе противостоять наступлению со стороны правительства.

Новое обострение конфликта последовало 7 мая 1906 г. Накануне заседания в кулуарах Таврического дворца начали циркулировать слухи о том, что полицией задержана группа лиц, готовивших покушение на императора. Пользуясь присутствием в зале премьер-министра Столыпина, часть членов монархических фракций направила в президиум запрос об обстоятельствах дела. Получив слово, Столыпин подтвердил факт раскрытия заговора, но оговорил, что заговорщики были вовремя арестованы и их деятельность успеха не имела. На скамьях, где сидели монархисты, это заявление было встречено бурными овациями. Правые фракции внесли на голосование резолюцию, содержащую осуждение любых попыток революционного террора. При голосовании этого вопроса социалистические фракции вновь демонстративно удалились. Создается впечатление, что социалисты делали все для того, чтобы Дума была как можно скорее распущена. Возможно, это действительно было так. Социалисты, независимо от партийной принадлежности и нюансов доктрины, в равной мере были настроены против парламентских методов. Незначитель-

ность представительства в Думе лишала их надежды серьезно повлиять на принимаемые решения. Если бы Дума действительно стала устойчивой и работоспособной, это откололо бы от левых часть либеральной интеллигенции. Между тем роспуск Думы только играл им на руку, поскольку позволял и дальше говорить о «преступном режиме».

В этой ситуации очень многое зависело от позиции премьера Столыпина. Только он мог убедить царя еще раз попытаться найти общий язык с парламентом. Столыпин, несмотря на репутацию жесткого политика, вовсе не был принципиальным противником сотрудничества с Думой, скорее наоборот. Но у Столыпина были свои причины быть недовольным поведением Думы. Главным делом всей его жизни была аграрная реформа, призванная снять остроту земельного вопроса. В тогдашних условиях это было почти равнозначно иммунитету от новой революции. Главным содержанием аграрных проектов Столыпина была передача земли в частную собственность крестьянам. Это и было закреплено указом от 9 ноября 1906 г. Указ разрешал крестьянам выходить из общины даже без ее согласия. Последствия этого могли быть весьма далеко идущими.

Однако проблема была в том, что указ от 9 ноября 1906 г. был принят в порядке 87-й статьи Основных законов. Она позволяла принимать срочные законодательные акты без решения Думы, если та в этот момент по каким-то причинам не функционировала. Указ и был принят после роспуска первой Думы и до начала работы второй. Но после начала работы Думы указ должен был быть ею одобрен, иначе он автоматически терял силу.

Для Столыпина одобрение указа от 9 ноября было вопросом принципиальным. Депутаты должны были понимать, что эта мера направлена на пользу крестьянам, но это совсем не означало, что они были готовы ее одобрить. В неприятии аграрной реформы Столыпина удивительным образом сошлись и крайне правые, и крайне левые. Для левых, выдвигавших лозунги национализации земли, неприемлема была сама идеология столыпинской реформы. Для правых это означало угрозу помещичьему землевладению.

10 мая 1906 г. Столыпин выступил на заседании Думы с речью, посвященной аграрной реформе. Премьер-министр и так уже заслужил репутацию умелого оратора, но в этом выступлении он превзошел самого себя. Завершая речь, он сказал: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»⁶. Эти слова были встречены бурными аплодисментами справа и угрожающим молчанием левой половины зала.

Надо сказать, что выступая с думской трибуны, Столыпин знал, что судьба парламента уже предрешена. События, которым суждено было стать началом конца Думы, начались еще двумя неделями раньше, но долгое время оставались в строжайшем секрете. К весне 1907 г. революционное движение в России уже очевидно шло на спад, но рецидивы его до конца еще не были преодолены. В столицах и крупных городах действовали десятки подпольных кружков, участники которых не оставляли надежды на новые вооруженные выступления. Один из таких кружков работал среди солдат Петербургского гарнизона. Само существование его не было секретом для полиции. Дело в том, что секретарем кружка была некая Екатерина Шорникова, фигурировавшая в полицейских досье под кличкой «Казанская». Еще живя в Казани и будучи гимназисткой старших классов, она была завербована в качестве секретного агента. Переехав в столицу, она не прекратила сотрудничества с полицией и по ее заданию внедрилась в упомянутый солдатский кружок⁷.

Полиция не спешила арестовывать членов кружка, рассчитывая на то, что они помогут выйти на след более серьезных фигур. Так оно и произошло. Очередное собрание участников солдатского кружка состоялось 29 апреля 1907 г. в общежитии Петербургского политехнического института. На этот раз встреча была особенной, на собрании присутствовал почетный гость – депутат Думы Л. Ф. Герус. В ходе обсуждения было решено подготовить от имени солдат особый наказ (петицию) для оглашения с трибуны парламента. Текст наказа был подготовлен журналистом

В. Г. Войтинским, а редактирование и переписка начисто были поручены секретарю кружка – Шорниковой. Естественно, что на следующий день этот документ лежал на столе начальника Петербургского охранного отделения.

В этой связи надо вспомнить, что в Думе не успел затихнуть шум, вызванный «зурабовским инцидентом». Оглашение солдатского наказа вновь подняло бы вопрос об армии, что было чревато новым скандалом. Начальник Петербургского охранного отделения генерал А. В. Герасимов не решился самостоятельно принимать решение и сообщил о полученной информации П. А. Столыпину. Тот приказал установить за участниками кружка тщательную слежку, но арест произвести только в том случае, если они вновь попытаются встретиться с депутатами Думы. Для Столыпина такая встреча давала желанную возможность повлиять на Думу, а при необходимости могла служить поводом для ее роспуска.

Далее события развивались стремительно. Вечером 5 мая 1907 г. на квартиру депутата И. П. Озоля, где собралась социал-демократическая фракция, явилась группа солдат, переодетых в гражданское. Охранное отделение было немедленно проинформировано об этом, но когда на место прибыла полиция, то никого, кроме депутатов, она не застала. Как позже выяснилось, депутаты-социалисты предполагали что-то подобное и поспешили отправить гостей по домам через черный ход.

Полицейским депутаты заявили о своей парламентской неприкосновенности. Это несколько смутило жандармского офицера, и, пока тот связывался с начальством, депутаты сумели уничтожить часть компрометирующих документов, в том числе и солдатский наказ.

Задуманная Столыпиным акция сорвалась – доказать контакты депутатов с революционерами с точки зрения закона было невозможно. Но тогдашняя Россия к верховенству закона привыкала с трудом. Для Столыпина и его подчиненных проблемы не существовало. Состав солдатской депутации был хорошо известен полиции по информации Шорниковой. В тот же вечер были произведены аресты, и часть арестованных описала подробности своего визита. Был восстановлен и пропавший наказ – в

дело была пущена копия, еще ранее доставленная Шорниковой в охранное отделение.

7 мая 1907 г., выступая на заседании Думы, Столыпин кратко проинформировал депутатов о произошедшем. Подробности рассказаны не были, и у слушателей сложилось впечатление, что это очередной инцидент, неприятный, но отнюдь не роковой. Однако все было сложнее. Началось следствие, которое пришло к выводу об участии депутатов социал-демократов в подготовке военного заговора. Утром 1 июня 1907 г. председатель Думы Головин получил записку Столыпина с просьбой дать ему слово на ближайшем заседании Думы. На заседании (оно было объявлено закрытым для прессы и публики) Столыпин потребовал лишить парламентской неприкосновенности социал-демократическую фракцию в полном составе и дать согласие на арест 16 ее членов. На решение этого вопроса правительство давало Думе срок до 7 часов вечера следующего дня.

Заявление Столыпина вызвало среди депутатов раскол. Как и следовало ожидать, правые высказались за немедленно удовлетворение требований правительства, левые – за их безусловное отклонение. По настоянию кадетов, еще надеявшихся на компромисс, была создана специальная комиссия, призванная разобраться в обстоятельствах дела. Она заседала в течение всего дня 2 июня. К назначенному часу председатель комиссии доложил Головину, что материалы могут быть подготовлены не раньше чем через сутки. Головин по телефону проинформировал об этом канцелярию премьер-министра, но никаких гарантий относительно будущего Думы не получил.

На следующий день депутаты, как обычно, съехались в Таврический дворец. Они нашли дворец закрытым, а на дверях был наклеен царский указ, распускавший Думу и назначавший новые выборы на сентябрь. На этот раз роспуск Думы не вызвал ничего подобного Выборгскому воззванию. Наученные опытом предшественников, парламентарии понимали, что любые акции протеста обернутся только против них самих.

Вторая Дума просуществовала немногим дольше первой – 102 дня. Но, несмотря на всю схожесть ситуации, между первой и

второй Думами были серьезные отличия. Первая Дума воспринимала себя как революционный конвент и даже не пыталась вести нормальную законотворческую работу. Ее состав был в значительной степени случаен, а большинство депутатов полностью лишены политического опыта. Вторая Дума характеризовалась уже более сложной расстановкой политических сил, что давало возможность находить баланс между правым и левым крылом. Хотя вторая Дума тоже злоупотребляла политическими декларациями, но делала это с большей осторожностью, чем ее предшественница. В свою очередь, правительство тоже приобрело опыт работы с парламентом, и не во всем этот опыт был отрицательным. После двух неудачных попыток найти принципы конструктивного взаимодействия исполнительной и законодательной властей третья попытка обещала быть более успешной. Так оно в действительности и произошло, но это сюжет, заслуживающий отдельного рассказа.

Примечания

¹ Маклаков В. А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. М. 2006. С. 60.

² Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М. 1990. С. 60.

³ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. СПб. 1907. С. 169.

⁴ Маклаков В. А. Указ. соч. С. 130.

⁵ Записки А. Ф. Головина // Красный архив (Москва). 1926. Т. 19. С. 115.

⁶ Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия. М. 1991. С. 96.

⁷ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М. 1991. С. 109.

А. В. Урядова

Экономика периода «военного коммунизма»: эмигрантская апперцепция

К рассмотрению экономической политики и народного хозяйства в годы «военного коммунизма» эмиграция приходит не

ранее 1920–1921 гг. Как правило, в его развитии она выделяла два этапа. Этапом анархии, стихийного разрушения всех основ общества называл первый этап П. Сорокин, а второй (1921–1922 гг.) – стадией деспотического коммунизма, или коммунистического деспотизма, при котором «диктатура коммунистов, поддерживающая анархию, с одной стороны, с другой, пытается ввести бунтующую стихию в определенное русло... создать новый коммунистический строй»¹. С. Н. Прокопович датировал первый с 1917 по середину 1918 г., но, отмечая отсутствие его самостоятельного значения, в отличие от П. Сорокина, считал его временем, которое власть потратила для овладения страной и аппаратом управления. И только второй этап он связывал собственно с «политикой военного коммунизма». Другой экономист, П. Бурышкин, подразделял этот период также на две части, но несколько иначе: 1) 1918 – первая четверть 1920 г. – «военный коммунизм» – появление советского правительства, овладение властью и вооруженная борьба за существование; 2) с первой четверти 1920 г. до декретов о введении НЭПа – период мирного строительства, т. е. воплощение в жизнь «идей социалистической доктрины». Б. Ильяшевич на основе изучения развития законодательного процесса в Советской России также выделял два периода развития советского законодательства – этап «коренной ломки старого строя» и «промежуточный» переход от первого этапа к НЭПу, считая эти этапы частями единого процесса². Для Б. Бруцкуса водоразделом двух периодов (без вмешательства государства и при его участии) явился «Закон о социалистическом землеустройстве» от 14 февраля 1919 г.³

Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП) считал целью «самоукрепление» большевиков⁴. Экономист С. С. Маслов среди задач Советской власти этого периода называл: 1) уничтожение эксплуатации пролетариата буржуазией, 2) уничтожение частной собственности на средства производства в промышленности и на транспорте и перевод ее в общенародную, следовательно, национализацию. Последнее, по его мнению, неизбежно должно привести к плановому хозяйству⁵.

Особое внимание эмигранты уделяли методам проведения реформ, сходясь во мнении, что они носят не экономический, а политический характер, и даже более того, представляют революционное насилие. Причины такого перекоса Маслов видел не столько в нежелании использовать экономические методы, сколько в отсутствии рабочего аппарата у большевиков⁶. Г. Г. Швиттау же писал о неопределенности разграничения функций власти (как высшей, так и местной), которая и являлась, по его мнению, одним из главных недостатков в руководстве экономикой⁷. С ним соглашался и Л. М. Пумпянский, называя этот период временем политической и хозяйственной анархии, разрушившей экономическое равновесие⁸. Применяемые методы, с точки зрения С. С. Маслова, вели к вырождению и бюрократизации государства, порабощению личности, превалированию охранно-политических, а не хозяйственных интересов⁹.

Эта особенность (приоритет политики над экономикой), по мнению русского зарубежья, характеризовала все реформы этого периода. П. Струве, выступая в мае 1921 г., сделал следующие выводы: «Хозяйство советской России влечет призрачное существование, реальностью же является могущественная политическая организация, опирающаяся на армию и на господство в ней скованной железной дисциплиной партии. И в то же время – и в этом заключается парадоксальность того явления, которое представляет советская власть, – от призрачной коммунистической экономики, эта, казалось бы, могущественная политическая власть и организация не могла отказаться, ибо на ней и ею она только и держится... Полное удушение как экономической, так и личной и имущественной безопасности городского населения есть одно из основных условий экономического упадка и регресса советской России. Но в то же время именно это удушение есть, безусловно, необходимое условие политического господства коммунистической партии»¹⁰. О политической детерминированности экономического развития писал и С. Н. Прокопович¹¹. Кооператор Г. Радченко причиной этого считал внутреннюю и внешнюю войны¹².

Надо сказать, что ряд эмигрантов связывал тяжелое экономическое положение в 1918–1920 гг. в РСФСР не только собственно с политикой большевиков, но и с наследием прошлого¹³, отмечая вынужденный характер политики «военного коммунизма» (мировая и гражданская войны, интервенция и блокада)¹⁴. С этим был не согласен С. Н. Прокопович, считавший «военный коммунизм» реальным представлением большевиков (на том этапе) о коммунизме¹⁵. Такой же точки зрения придерживался и П. Б. Струве. Более того, некоторые эмигранты подчеркивали, что Советская Россия жила не вопреки, а благодаря наследию прошлого, благодаря его экономическим ресурсам и запасам. Это заставляло их считать РСФСР «антитезой» с экономической точки зрения (богата природными ресурсами, но бедна). Понятно, что старые запасы не бесконечны, поэтому, полагал «Руль», поскольку большевики сами не способны их производить, они должны отвоевывать себе территории для их пополнения. Некоторые эмигранты и Гражданскую войну считали не борьбой с контрреволюцией, а именно завоеванием хлеба. Уже тогда русское зарубежье стало использовать термин «советский империализм», называя его «реальным экономическим фактом»¹⁶.

Анализируя жесткий режим советской экономики, В. Коковцов считал, что он строится на следующих принципах: 1) тяжелые налоги; 2) ценовая политика, заключающаяся в: а) неимоверном росте цен на товары, произведенные на национализированных заводах; б) падении цен на сельхозпродукцию. Поэтому государство живет исключительно за счет крестьян, причем это касается не только государственного и местного бюджета, но и убыточной промышленности, транспорта и внешней торговли¹⁷.

Какие мероприятия Советской власти выделяли еще эмигранты в этот период? НТСНП писал о запрете свободной торговли, захвате всех банков и промышленных предприятий, введении продналога¹⁸. Противники Советской власти подмечали, что национализация принесла лишь полное расстройство промышленности, торговли, денежного обращения, рост безработицы, инфляцию, экономический хаос и анархию¹⁹. В эмигрантской периодике рисовалась безрадостная жизнь в Советской России, голод, разорение,

запустение, атмосфера физической и нравственной убогости²⁰. В резолюции Конференции конституционных монархистов по докладу С. С. Ольденбурга, указывалось, что в мероприятиях военного социализма и в законодательстве большевиков своего апогея достигла роль государства, при том что народ не выступает против этого, отчасти под влиянием чрезмерного налогового бремени, а отчасти в связи с тем, что целью такого социалистического уклона является упрощение госаппарата и сокращение госрасходов²¹. П. Б. Струве писал, что производство было подорвано, произошла деморализация труда, наступил голод. Он не видел в этой политике экономического смысла, указывая, что власть существовала исключительно за счет старых запасов²². А. Югов отмечал развитие диспропорции в народном хозяйстве, его разрушение как единого организма, уничтожение торгового аппарата, финансово-кредитной системы при наличии жесткой централизации²³.

Серьезнейший анализ этого периода провел С. Н. Прокопович. Основной его чертой он называл расчет на тотальное плановое производство* и распределение материальных благ. Кроме этого, он выделял следующие характерные черты военного коммунизма: 1) уничтожение рыночной связи между субъектами хозяйствования; 2) уничтожение хозяйственного характера управления национализированными предприятиями; 3) уничтожение личной заинтересованности работающих на национализированных предприятиях в производительности труда; 4) продразверстка. Вначале Прокопович считал главной причиной такой политики ориентацию на близкую мировую революцию; чуть позже он добавил к этому стремление большевиков конкретизировать опыт хозяйственных мероприятий Германии и адаптировать их к российским условиям²⁴. Участники экономического кабинета акцентировали свое внимание также на катастрофическом падении народного дохода, развале промышленности и разорении сельского хозяйства, финансовом и продовольственном кризисе 1921 г.

Отмечались и некоторые положительные черты советских преобразований. Г. Радченко призывал эмиграцию подходить к советской экономике не с буржуазной точки зрения, а используя социалистическую экономическую теорию. Он отмечал такую

характерную черту этого периода, как попытку уничтожения в России товарных отношений, т. е. перехода прямым путем не к социализму, а к коммунизму с его натуральными формами производства и распределения. Несмотря на стихийность, отмечал автор, в это время появился такой важный новый элемент, как «сознательное начало регулирования экономической жизни»²⁵.

Интересно отметить, что, говоря о начальном периоде «военного коммунизма», эмигранты акцентировали внимание в основном на развале промышленности, торговли, транспорта, города вообще. Меньше уделяли внимания крестьянству и сельскому хозяйству. Вероятно, в связи с тем, что эмиграция разделяла мнение, изложенное в одном из информационных сообщений Штаба главнокомандующего русской армией ген. Врангеля, «за первый период пребывания большевиков у власти крестьянство не было ни политически, ни экономически затронуто новым режимом, наоборот, оно получило от него некоторые выгоды: захват частных помещичьих земель и инвентаря и временную и относительную политическую свободу»²⁶. Ухудшение положения на селе нередко связывалось опять же с промышленностью, прогрессирующий развал которой «нарушил нормальную экономическую связь промышленности с сельским хозяйством, города с деревней, и последняя из равноправного экономического субъекта сделалась исключительно объектом самой жесткой, хищнической эксплуатации в пользу города и власти. Город почти ничего не производил, правящий класс паразитировал, власть не давала деревне никаких ценностей, но брала от нее все»²⁷. Поэтому, по мнению русского зарубежья, и начинается применение репрессивных мер против крестьянства.

А. Шилков был не согласен с тем, что начальный этап «военного коммунизма» не затронул деревни. Напротив, с момента смены власти, по его мнению, крестьянство было поставлено в неравное положение, его политические права были ограничены конституцией, жизнь деревни была отдана на усмотрение и произвол местных диктаторов. Он считал, что, как только обнаружилась острая экономическая зависимость города от деревни, началась эра борьбы с крестьянством, экспроприации. Даже в 1922 г.

он не верил в мирное разрешение конфликта, доказательством чему называл подготовку нового похода в деревню для отбирания продналога при участии ЧОНов²⁸.

Авторы-эмигранты подчеркивали растущий разрыв между городом и деревней. Детально анализировал экономическую ситуацию в сельском хозяйстве А. В. Пешехонов, который писал об изменениях в нем, приведших к низким урожаям, урону скотоводства, падению доходности крестьянского хозяйства, ухудшению питания крестьян. По его мнению, промышленность пострадала за эти годы еще больше и к 1920 г. дошла «до степени крайнего упадка»²⁹.

Серьезное внимание анализу сельского хозяйства уделяли некоторые партии, делающие ставку в т. ч. и на крестьян. Так, в серии «Популярная библиотека "Свободной России"», издаваемой в Праге Республиканско-Демократическим Союзом, в 1926 г. вышла брошюра «Враги крестьянства», в которой давался детальный разбор советского земельного законодательства, основных мероприятий большевиков в отношении крестьянства, анализ сложившейся ситуации. Оценивая продразверстку и результаты советской аграрной политики к началу 1920-х гг., авторы констатируют следующее: зажиточные крестьяне разорены, беднота не поднялась, крестьяне уравнены в своем материальном положении. Это уравнивание в сторону общего обеднения и разорения, с одной стороны, должно было убедить крестьян в общности их политических и хозяйственных интересов, а с другой, показало, что насильно коммунистический строй установить нельзя, поскольку коммуны, совхозы, призванные заменить зажиточные хозяйства, также не дали прибыли. Продразверстка оценивалась как мероприятие, разжигавшее Гражданскую войну и спровоцировавшее массу восстаний, т. е. еще более осложнившее ситуацию³⁰. В результате – падение и разрушение сельского хозяйства.

Анализируя, земельные реформы советской политики, М. И. Горемыкин отмечал: 1) резкое сокращение посевных площадей, средней посевности двора; 2) практически полное исчезновение крупных хозяйств (только 10 % обращены в совхозы, но результаты их работы неудовлетворительны); 3) после вве-

дения комбедов – сокращение, а затем и уничтожение средних хозяйств. Результатом этих реформ, по его мнению, явился голод не только деревни, но и города, что, в свою очередь, привело к насильственной экспроприации продуктов питания, спекуляции. Он, один из немногих, отмечал и такой внешнеполитический аспект, как прекращение вывоза хлеба за границу, что не могло не сказаться и на положении там. Из сказанного он делал вывод о необходимости восстановления крупных и средних хозяйств³¹. Об уменьшении размеров крестьянских хозяйств писал и Прокопович, сравнивая данные 1922 г. и 1917 г.³².

Экономический кабинет С. Н. Прокоповича считал сельское хозяйство доминирующим в экономике России и потому уделял ему самое пристальное внимание в своих научных исследованиях. Разработкой этого сюжета применительно к периоду «военного коммунизма», занимался на страницах «Экономического вестника» экономист-аграрник Б. Бруцкус. Он весьма положительно оценивал «Закон о социалистическом землеустройстве» и считал, что при определенных условиях он мог привести к торжеству «аграрно-демократического строя». Другое дело – реализация этого закона и вообще советская аграрная политика периода «военного коммунизма», которая, по его мнению, носила характер «черного передела» и явилась одним из важнейших факторов распада народного хозяйства³³. С. Н. Прокопович, в целом разделяя взгляды Б. Бруцкуса, полагал, что «черный передел» – понятие скорее образное, на самом деле как такового передела всей земли между всем населением не было, хотя он и отмечал приток городского населения в деревню и наделение его землей³⁴. В целом же Б. Бруцкус точно подметил основную тенденцию преобразований в сельском хозяйстве – уравнивание и лишь затем приведение земли в порядок. Это было сделано, по мнению эмигрантов, опять же исходя из политических, а не экономических задач. В целом русским зарубежьем констатируется ухудшение ситуации в сельском хозяйстве: сохранение прежнего малоземелья, крайняя бедность крестьянства, разрушение крупных крестьянских хозяйств, атрофирование рыночных черт и превращение его в натуральное хозяйство, при котором деревня работает на себя, а не на город.

Эмигранты внимательно следили за изменениями экономической ситуации в России. Так, во второй половине 1920 г. они отметили некоторый ее подъем, что объясняли ликвидацией антибольшевистских фронтов и распространением Советской власти на не столь истощенные губернии, еще имеющие запасы³⁵, т. е. опять же не сменой экономической политики, а появлением новых ресурсов.

С. Маркуев, представитель Русского отдела Международного аграрного бюро, считал, что кризис (который, по его мнению, возник потому, что в Советской России перестали заниматься земледелием) со временем приведет к падению Советской власти³⁶. П. Н. Милюков же полагал, что экономические и социальные трудности заставят большевиков вернуться к государственной системе, основанной на свободной хозяйственной инициативе и частной собственности³⁷. С. Н. Прокопович писал, что катастрофическое падение уровня производительности к началу 1921 г. вынудило Советскую власть отказаться от политики «военного коммунизма» и признать необходимость частичного восстановления рыночных отношений³⁸. С ним были согласны многие эмигранты, видевшие в развале экономики в годы «военного коммунизма» одну из причин поиска большевиками другого пути и введения НЭПа. Однако это было сделано, по их мнению, с запозданием, подтверждением чему стал голод 1921 г.

Примечания

¹ Сорокин П. Россия после нэпа (к пятилетнему юбилею октябрьской революции) // Крестьянская Россия: сб-к статей по вопросам общественно-политическим и экономическим. Прага, 1923. Ч. II. С. 140–141.

² См. подробнее: Ручкин А. Б. Российское зарубежье 1920-х годов: проблемы адаптации ученых-эмигрантов на примере экономического кабинета С. Н. Прокоповича. М., 1999. С. 115.

³ Бруцкус Б. Об эволюции земельной политики советской власти // Экономический Вестник. 1923. № 1.

⁴ Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Курс Национально-Политической Подготовки. Белград, 1939. Ч. IV. С. 98–100.

⁵ Маслов С. С. Россия после 4-х лет революции. Население. Промышленность. Транспорт. Сельское хозяйство. Государственная власть. Образование. Духовные запросы. Печать. Париж, 1922. Т. 1. С. 68.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Швиттау Г. Г. Революция и народное хозяйство в России (1917–1921). Центральное кооперативное издательство, 1922.

⁸ Пумпянский Л. М. НЭП (опыт характеристики советской экономики). Берлин: Основа, 1923. С. 7, 64.

⁹ Маслов С. С. Россия после 4-х лет революции... Т. 1. С. 81–83.

¹⁰ Струве П. Итоги и существо коммунистического хозяйства. Париж, 1921. С. 28–29.

¹¹ Прокопович С. Н. Новая экономическая политика // Экономический вестник. Берлин, 1923. Кн. 1.

¹² Радченко Г. Социально-экономическая структура СССР. Прага. 1928. С. 5, 13, 15.

¹³ См. например: Финансовые проблемы России // Голос России. 1919. 25 марта. № 25.

¹⁴ Приложение к «Социалистическому вестнику». 1924. № 12–13. С. 2.

¹⁵ Прокопович С. Н. Что дал России НЭП ... С. 19–21.

¹⁶ Маракуев С. Что нужно русскому земледельцу [Международное Аграрное Бюро. Русский отдел]. Прага, 1921. С. 5; А. З. Хозяиничанье Советской России // Руль. 1921. 19 апреля. № 127; Ракетов А. Очерк экономического и финансового положения современной России: По официальным данным. Ревель: Варрак, 1921. С. 3.

¹⁷ Compté W. Kokovtsoff. Sixième année de Dictature bolchévique. Paris: Typographie Philippe Renouar, 1924. P. 6.

¹⁸ Национально-Трудовой Союз Нового Поколения... С. 98–100.

¹⁹ Как большевики расходуют народные деньги. Архангельск, 1919. С. 3–9; Виршубский Г. О большевизме // Виленское слово. 1921. 4 мая; Соболев А. Современное экономическое положение России. Харбин, 1921. С. 30.

²⁰ См. например: Агония столицы // Голос России. 1919. 28 марта. № 28.

²¹ Труды учредительной конференции Русского Народно-Монархического Союза (Конституционных Монархистов) с 25 марта по 5 апреля 1922 года. Мюнхен: Восстановление, 1922. С. 46.

²² Струве П. Б. Итоги и сущность коммунистического хозяйства. С. 7–9.

²³ Югов А. Кризис НЭПа // Социалистический вестник. 1923. № 21–22.

* Плановый характер советской экономики большинство эмигрантов оспаривало, аргументируя это в т. ч. метаниями советской власти в экономических вопросах из стороны в сторону.

²⁴ Прокопович С. Н. Что дал России НЭП... С. 19–21.

²⁵ Радченко Г. Социально-экономическая структура СССР. С. 15.

²⁶ ГАРФ. Ф. 7518. Оп. 1. Д. 4. Л. 209.

²⁷ Там же.

²⁸ Шилков А. Крестьянство и советская власть // Крестьянская Россия. Сборник статей по вопросам общественно-политическим и экономическим. Прага: Крестьянская Россия. Ч. I. 1922. С. 69.

²⁹ См.: Пешехонов А. В. Современная Россия в цифрах // Записки института изучения России. Т. 1. 1925. С. 149–152, 154, 156.

³⁰ См.: Враги крестьянства. Прага: Издание Республиканско-Демократического Союза, 1926. С. 9–19.

³¹ Труды учредительной конференции Русского Народно-Монархического Союза ... С. 52–54.

³² Прокопович С. Н. Что дал России НЭП ... С. 62.

³³ Бруцкус Б. Об эволюции земельной политики советской власти...

³⁴ См.: Ручкин А. Б. Российское зарубежье 1920-х годов... С. 130–132.

³⁵ Гефдинг Ф. Материальное истощение советской России // Руль. 1921. 9 февр. № 70.

³⁶ Маракуев С. Что нужно русскому земледельцу. Прага, 1921. С. 5.

³⁷ См.: Антропов П. К. История отечественной эмиграции: учеб. пособ. в 4 кн. Астрахань, 1996. Кн. I Ч. 1. С. 96.

³⁸ См. подробнее: Бачурина О. Н. Проблемы советской России в работе С. Н. Прокоповича «Народное хозяйство» // Наука, культура и политика русской эмиграции. СПб., 2004. С. 165.

Н. В. Рябинина

Динамика подростковой преступности в 1920-е годы (на примере региона Верхнего Поволжья)

Одной из социальных аномалий, обострившихся в послереволюционный период, была подростковая преступность. Она, с

одной стороны, являлась следствием роста детской беспризорности, а с другой стороны, была связана с падением общего уровня жизни в стране, обнищанием огромного количества семей. Данные негативные процессы стали наблюдаться уже в начале Первой мировой войны и еще более усилились в ходе войны Гражданской. К 1920 г. детская преступность возросла более чем вдвое по сравнению с 1913 г., на 38,5 % по сравнению с 1916 г.¹ и продолжала увеличиваться.

Для изучения детской преступности и выработки методов борьбы с нею уже в 1918 г. в Петрограде был открыт Государственный институт дефективного ребенка². С этой же целью проводились различные съезды и конференции специалистов. Первоначально, по их мнению, выделялось «два фактора влияния на развитие подростковой преступности: 1) личные свойства отдельного индивидуума (не каждый беспризорный и тем более ребенок из семьи становится преступником); 2) социальные условия»³. Причем акцентировался первый фактор. Именно поэтому вслед за уничтоженным термином «малолетний преступник», появилось новое, не менее ужасное определение таких детей – «морально-дефективные».

Дореволюционная «исправительная» система для несовершеннолетних преступников также была признана негодной. Во главу угла теперь ставилось не наказание, а перевоспитание таких детей. 14 января 1918 г. был принят декрет СНК, по которому период так называемого «полного психического невменения» за противозаконные деяния был увеличен с 10-летнего возраста (как было в старом уголовном законодательстве) до 17 лет⁴, а позднее – по декрету от 4 марта 1920 г. – до 18 лет⁵. По всей стране создавались комиссии по делам несовершеннолетних, в которые передавались все материалы по такого рода преступности. Они рассматривали эти дела и определяли меру воздействия за тот или иной проступок. В центре такая Комиссия была создана в январе 1918 г. сначала при Наркомате государственного призрения, а затем, в марте 1920 г., она была передана в ведение Наркомата просвещения⁶. На местах комиссии по делам несовершеннолетних создавались при соответствующих отделах гу-

бернских и уездных исполкомов. Как центральная, так и местные комиссии должны были состоять из обязательных представителей Наркоматов (или отделов) просвещения, здравоохранения, народного суда. В более поздних декретах – от 30 июля 1920 г., 22 мая 1922 г., 26 марта 1926 г. – представительство и функции комиссий уточнялись⁷.

Основным способом перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей считалось помещение их в детские дома для «морально-дефективных» детей. Таких специализированных детских домов насчитывалось по РСФСР в 1919 г. 58, в 1920 г. – 69, в 1921 г. – 66, в 1922 г. – 115⁸. Кроме того, на практике использовался еще ряд мер воздействия: беседа и внушение, передача на поруки родителям или родственникам, установление опеки, устройство на работу или в школу ФЗУ.

В начале 1920-х гг. к уже имевшимся негативным факторам, вызывавшим рост детской беспризорности и преступности (к последствиям войн, разрушенной экономике), добавился еще один – стихийное бедствие – засуха в хлебопроизводящих районах Поволжья, Украины, Северного Кавказа. Следствием этого стали голод и волна беженцев. На 1921–1922 гг. приходится пик детской беспризорности и преступности. Только по официальным данным, беспризорных детей в это время насчитывалось 7 млн человек⁹. По приблизительным подсчетам местных губОНО, из каждых 100 беспризорных детей 80 совершали какое-либо правонарушение¹⁰. Хотя, конечно, только малая часть этих преступлений регистрировалась и тем более раскрывалась. Комиссии по делам несовершеннолетних были завалены работой – детская преступность росла, но в то же время из-за отсутствия средств штаты сотрудников этих комиссий сокращались, ликвидировались многие уездные комиссии. В Ярославской губернии с октября 1921 г. по октябрь 1922 г. действовало 5 таких комиссий, которые за указанный период разобрали 550 дел о 697 несовершеннолетних¹¹. А уже в следующем году лишь 254 дела о 474 несовершеннолетних¹², хотя преступность отнюдь не сократилась.

Подавляющее большинство преступлений, совершенных подростками, составляли разного рода кражи – денег, вещей, про-

дуктов. В 1922 г. по РСФСР их было 91,2% от всех видов правонарушений несовершеннолетних¹³. В рассматриваемом регионе имущественные преступления также преобладали, но, кроме них, несовершеннолетние совершали значительное количество и более серьезных проступков – разбоев, изнасилований, убийств. По Рыбинской губернии, например, процентное соотношение различных правонарушений за 1921г. выглядело следующим образом: кражи составляли 50%, хулиганство – 33%, азартная карточная игра – 8%, спекуляция – 6%, подлог документов – 2% изнасилования – 6%, убийства – 2% (всего было разобрано 460 дел)¹⁴.

Меры воздействия были различными. Они зависели от тяжести содеянного, количества правонарушений, совершенных ранее, наличия или отсутствия семьи. Что касается последнего фактора, то, по данным на 1922 г., из каждых ста несовершеннолетних, привлекавшихся в Москве за разные правонарушения, только 22,1% были круглыми сиротами и беспризорными. Все остальные имели семьи, но чаще неполные: 32,3% имели только мать, 8,1% – только отца¹⁵. Основную часть детей-правонарушителей в 1921–1922 гг. старались направлять в детские дома на перевоспитание; имеющих семьи нередко отправляли на поруки родителям или родственникам; значительный процент составляли побегі. По Ярославской губернии эти данные выглядели следующим образом: из 474 детей-правонарушителей, прошедших в 1922 г. через комиссии по делам несовершеннолетних, 44% было отправлено в детдома для нормальных детей, 22% – в детские дома для «морально-дефективных», 6% – к родителям или родственникам, 28% составляли случаи побегов¹⁶.

Большую роль в борьбе с детской преступностью играло создание сети специализированных учреждений: приемников, распределителей, детских домов. В регионе Верхнего Поволжья в начале 1920-х годов наиболее удачно эта сеть функционировала в Иваново-Вознесенской губернии. Для работы с детьми-правонарушителями там имелось шесть комиссий по делам несовершеннолетних, наблюдательно-распределительный пункт, в задачи которого входило «стационарное исследование психофизики ребенка и ее отклонений от нормы». При наблюдательно-

распределительном пункте была оборудована психологическая лаборатория. Кроме того, дети находились под наблюдением невролога и психиатра. В губернии действовали также два детских дома для «морально-дефективных» детей; один – для девочек, другой – трудовая колония «Ломы» для мальчиков¹⁷. Совместное содержание мальчиков и девочек, как это практиковалось в детских домах для нормальных детей, в данном случае считалось нецелесообразным.

В Ярославской губернии сеть учреждений для несовершеннолетних правонарушителей имела значительные пробелы. Отсутствовал распределитель, и детей из приемника без какого-либо серьезного изучения отправляли в детские дома или применяли другие меры воздействия. Не было также специализированного детского дома для девочек-правонарушительниц, поэтому их, в зависимости от проступка, либо просто отпускали, либо направляли в детские дома для нормальных детей, либо сажали в тюрьмы¹⁸. Еще хуже дело обстояло в Рыбинской губернии. Там не было не только распределительного, но и приемного пункта для детей-правонарушителей. Дети изначально содержались «под стражей при общегражданской милиции и в доме лишения свободы»¹⁹.

К середине 1920-х гг., в связи с ликвидацией последствий голода и постепенным оздоровлением общей экономической ситуации в стране, количество беспризорных детей значительно сократилось. По данным Деткомиссии при ВЦИК, к 1925 г. их насчитывалось 275 000 человек²⁰. При этом, однако, появились новые негативные явления, порожденные «застойностью» беспризорности. «Беспризорные знают многие отрицательные стороны жизни: среди них развиты картежные азартные игры, потребление спиртных напитков и суррогатов их, нюханье кокаина, половой разврат, а основными средствами их существования являются нищенство, торговля и кражи»²¹. Деткомиссия при ВЦИК, Нарком просвещения А. В. Луначарский в своих докладах, выступлениях били тревогу: «Такое положение вещей грозит тяжелыми последствиями, как для самих беспризорных детей, так и для государства в целом. И эта угроза, по мере того, как армия

беспризорных, уменьшаясь количественно, укрепляется, квалифицируется, становится все более и более реальной»²².

Естественным следствием «застойности» беспризорности стал рост детской преступности, причем не столько количественный (по сравнению с 1921–1922 гг.), сколько качественный. Многочисленные сообщения с мест отмечали беспомощность комиссий по делам несовершеннолетних в борьбе с детской преступностью, безнаказанность преступлений, говорили о настоящей «эпидемии детской преступности», которая все усиливается²³. В исследуемом регионе самый большой процент правонарушений приходился на крупные города – Иваново-Вознесенск, Кострому, Ярославль, Рыбинск. В материалах прокуратуры Иваново-Вознесенска в 1926 г. отмечалось, что «беспризорными совершается ряд злостных хулиганств, насилий и ограблений, вплоть до убийств. На окраинах города ... вечерами ходить было опасно, население подвергалось избиениям и ограблениям. Жители окраин были терроризированы»²⁴. В Ярославле в городскую комиссию по делам несовершеннолетних в течение 1925/1926 г. поступило 497 дел о 741 правонарушителе²⁵. Для сравнения заметим, что в предыдущем году было зарегистрировано 667 правонарушителей, но не по городу, а по губернии в целом²⁶.

Основную массу совершенных преступлений по-прежнему составляли кражи. По Ярославской губернии, например, из 667 правонарушений, зарегистрированных в 1924/1925 г., были 452 кражи, т. е. примерно 68%²⁷. Но отличие от предшествующего периода 1921–1923 гг. состояло в данном случае в качественном изменении совершенных краж: они становились более продуманными, организованными, крупными. Из других преступлений назывались: хулиганство – 32 случая, повреждение чужого имущества – 29 случаев, нанесение ран и побоев – 17 случаев, подделка документов – 12 случаев, убийства – 5 случаев и пр.²⁸ Росло также число малолетних рецидивистов. В целом по РСФСР рецидивы составляли 21,6%²⁹.

Несмотря на изменение ситуации, меры воздействия оставались прежними. Значительная часть правонарушителей отделялась выговорами, внушениями и «разъяснением проступков». В

Ярославской губернии, например, в 1924/1925 г. эти меры были применены к 206 несовершеннолетним из 667 задержанных. Многие помещали в детские дома, главным образом, для «морально-дефективных» детей (в Ярославской губернии за указанный период – 107 человек), реже – в детские дома для нормальных детей (всего 17)³⁰. К другим мерам воздействия относились следующие: передача на поруки родителям, под присмотр обследователя-воспитателя; в единичных случаях – учреждение опеки, определение в школу, на работу, в больницу. Единственным существенным изменением, по сравнению с 1920–1922 гг., к середине 1920-х гг. стало увеличение количества дел о несовершеннолетних правонарушителях, переданных в Нарсуд. В Рыбинской губернии, в частности, в 1922/1923 г. из 190 дел, рассмотренных в комиссиях по делам несовершеннолетних, 101 было передано в суд³¹. В Костромской губернии за тот же период из 256 дел 56 было передано в суд³². И в дальнейшем, в 1923–1925 гг., в исследуемых губерниях количество дел, переданных в суд, продолжало составлять 15–20% от общего числа рассмотренных дел.

Законность данной меры была установлена 4 марта 1920 г. декретом СНК³³. Данный декрет, с одной стороны, подтверждал отмену судов и тюремного заключения для малолетних и несовершеннолетних, но, с другой стороны, в случаях «невозможности применения к несовершеннолетнему (14–18 лет) мер медико-педагогического воздействия» разрешал передавать дела в суд. При этом Наркомату юстиции вменялось в обязанность помещать несовершеннолетних отдельно от взрослых. Первоначально осуществление данной меры на практике представляло собой редкое исключение из правила. Но к 1923 г., как показывают приведенные данные, это уже становится скорее правилом, чем исключением из него, и говорит о том, что общая система перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей не работает.

В целом картина получалась следующая: правонарушитель либо практически уходил от ответственности – иногда официально, путем применения таких мер, как беседа, внушение и т. п., иногда – путем бегства, которое, особенно в уездах, достигало 30 % от количества задержанных³⁴; либо попадал в тюрьму; либо

отправлялся в детский дом. Последняя из названных мер, казалось бы, наиболее отвечала задачам перевоспитания, но и она на деле не могла решить проблему. Существовавшие детские дома были переполнены иногда на 30–40% от нормы³⁵, а для открытия новых не было средств ни в центре, ни на местах. Кроме того, положение в детских домах (материальное состояние, воспитательная работа) было очень далеко от идеала. Все это заставляло искать другие способы изменения ситуации, разрабатывать новые формы и методы работы.

Значительной вехой на этом пути стал Второй Всероссийский съезд СПОН (социально-правовой охраны несовершеннолетних), состоявшийся в ноябре 1924 г.³⁶ На нем не только были пересмотрены прежние способы ликвидации детской беспризорности и преступности, но и поставлены на повестку дня вопросы о необходимости более внимательного изучения данных явлений, выработки новых форм работы с такими детьми, профилактической деятельности. О. Л. Бем, С. С. Тизанова, Е. С. Лившиц, С. С. Моложавый, А. Залкинд подвергли критике взгляд на беспризорного ребенка и несовершеннолетнего правонарушителя как на дефективного, неполноценного. В качестве основной причины этих явлений теперь назывались не личные качества ребенка, а прежде всего тяжелые социально-экономические условия, в которые попадали дети, толкающие их на «борьбу за существование». «Есть определенная группа детей, – отмечал Е. С. Лившиц, – являющихся беспризорными и правонарушителями в силу своей дефективности, но этот процент крайне незначителен. Подавляющее большинство – жертвы обстоятельств: бедности жизни, неразвитости системы социальной защиты детей»³⁷.

В результате пересмотра взглядов на причины детской беспризорности и преступности теория «моральной дефективности» была отвергнута как ненаучная и ложная, а все учреждения для «морально-дефективных» предлагалось включить в общую сеть детских домов для нормальных детей. Постановление об этом было принято ВЦИК в 1924 г.³⁸ Однако для правонарушителей (с 14 лет), «не поддающихся медико-педагогическому воздействию» или приговоренных к лишению свободы, теперь, по новому

Исправительно-трудовому кодексу РСФСР, принятому указанным постановлением ВЦИК, предусматривалось помещение их в трудовые дома, колонии и другие учреждения Наркомата внутренних дел. Причем сроки пребывания в них не были четко определены. Несовершеннолетние должны были находиться в трудовых домах «вплоть до исправления», но не более достижения ими 20 лет.

Однако осуществление названных мер было делом непростым. Законы нередко расходились с действительностью. Часть детских домов для «морально-дефективных» детей действительно была включена в общую сеть, в других изменили лишь название (они стали называться детскими домами для трудновоспитуемых детей). В Ярославской губернии, например, из трех детских домов для «морально-дефективных» детей, имевшихся в 1925 г., к 1927 г. остался лишь один³⁹. Такой же была ситуация в Иваново-Вознесенской губернии⁴⁰. При этом новых труддомов создано не было, хотя периодически предпринимались попытки их организации. В целом по РСФСР сеть учреждений для несовершеннолетних правонарушителей сократилась со 187 учреждений в 1925 г. до 128 в 1927/1928 г.⁴¹ – в данном случае в подсчет были включены как существовавшие старые детские дома для трудновоспитуемых, так и новые труддома. В общей сложности в 1927/1928 г. в них находилось 7 105 детей, причем только около 2 000 мест приходилось на труддома⁴². Дальнейшее увеличение количества мест в труддомах или создание новых было признано нецелесообразным. Решено было направить усилия на улучшение состояния, изменение уклада уже имевшихся учреждений, что, безусловно, являлось весьма важным. Однако данные решения вызывают и серьезные сомнения в связи с тем, что в 1929 г. еще насчитывалось около 7000 несовершеннолетних, находившихся в общих местах заключения⁴³. В такой ситуации, наверное, требовались значительные и качественные, и количественные изменения либо полный переосмотр существовавшей «системы перевоспитания».

В пользу последнего говорил и тот факт, что при общем сокращении беспризорности (в 1927 г. количество уличных беспризорных, не охваченных ни одним из видов социальной помощи, составляло по РСФСР 75 000 человек⁴⁴, а к концу 1928 г. – уже око-

ло 15 000 человек⁴⁵) детская преступность оставалась еще очень высокой. Так, за 1927г. по РСФСР было привлечено к ответственности за какой-либо проступок 28 960 несовершеннолетних⁴⁶.

Все эти факты убедительно свидетельствуют о том, что проблема детской преступности даже в конце 1920-х гг. была еще очень далека от своего разрешения. Для изменения ситуации к лучшему требовались комплексные меры: дальнейшее оздоровление экономической ситуации в стране, большее внимание государства к социальной сфере в целом и нуждам семей в частности, пересмотр системы наказания подростков-правонарушителей, профилактика преступности, включающая в себя организацию учебы, труда и досуга детей и молодежи.

Примечания

¹ Детская дефективность, преступность и беспризорность. М., 1922. С. 19.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-482. Оп. 11. Д. 63. Л. 97.

³ Детская дефективность, преступность и беспризорность. С. 18.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1918. № 16. Ст. 227.

⁵ СУ. 1920. № 13. Ст. 83.

⁶ СУ. 1918. № 16. Ст. 227; 1920. № 13. Ст. 83.

⁷ СУ. 1920. № 68. Ст. 308; 1922. № 38. Ст. 267; 1926. № 19. Ст. 148.

⁸ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 11. Д. 63. Л. 67; Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921–1925 гг. М., 1926. С. 28.

⁹ ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 252. Л. 16.

¹⁰ Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 529. Л. 13.

¹¹ Наше хозяйство: Орган губернского экономического совещания при Ярославском губисполкоме. 1921 – октябрь – 1922. Ярославль, 1922. № 9–10. С. 128.

¹² Отчет Ярославского губисполкома 1922 – октябрь – 1923. Ярославль, 1923. С. 105.

¹³ Детская беспризорность и детский дом. М., 1926. С. 13.

¹⁴ РФ ГАЯО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 529. Л. 13.

¹⁵ Детская беспризорность и детский дом. С. 13.

¹⁶ Отчет Ярославского губисполкома 1922 – октябрь – 1923. С. 105.

¹⁷ Отчет Иваново-Вознесенского губисполкома за 1921/1922 г. Иваново-Вознесенск, 1922. С. 175.

¹⁸ Наше хозяйство. 1922. № 9–10. С. 128.

¹⁹ РФ ГАЯО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 529. Л. 13.

²⁰ ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 168. Л. 17.

²¹ Там же. Л. 13.

²² Там же.

²³ РФ ГАЯО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 453. Л. 10.

²⁴ Ржевский Г. Беспризорность и наши задачи // Вопросы просвещения (Иваново-Вознесенск), 1926. № 3–4. С. 4.

²⁵ Краткий отчет о работе Ярославского горсовета за 1925/1926 г. Ярославль, 1926. С. 42.

²⁶ Отчет Ярославского губисполкома за 1924/1925 г. Ярославль, 1926. С. 194.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Народное просвещение в РСФСР к 1926/1927 учебному году. М.–Л., 1927. С. 64.

³⁰ Отчет Ярославского губисполкома за 1924/1925 г. С. 194.

³¹ РФ ГАЯО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 453. Л. 10.

³² Отчет о деятельности Костромского губисполкома за 1922/1923 г. Кострома, 1923. С. 123.

³³ СУ. 1920. № 13. Ст. 83.

³⁴ Отчет Кинешемского уисполкома за 1924/1925 г. Кинешма, 1926. С. 127.

³⁵ ГАЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 594. Л. 156.

³⁶ Детская беспризорность и детский дом (сб. статей и материалов Второго Всероссийского съезда СПОН). М., 1926.

³⁷ Там же. С. 22.

³⁸ СУ. 1924. № 86. Ст. 870.

³⁹ Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921–1925 гг. С. 28; Народное просвещение в РСФСР в 1927/1928 г. М., 1929. С. 156.

⁴⁰ Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921–1925 гг. С. 28; Два года работы. Отчет Иваново-Вознесенского губисполкома за время с 1.10.1926 г. по 1.10.1928 г. Иваново-Вознесенск, 1928. С. 218.

⁴¹ Народное образование в СССР. Краткий свод статистических данных за 5-летие. 1921–1925 гг. С. 28; Народное просвещение в РСФСР в 1927/1928 г. С. 4, 162.

⁴² Народное просвещение в РСФСР в 1927/1928 г. С. 4, 162–167, 156–173; ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 392. Л. 44.

⁴³ ГАРФ. Ф. А-5207. Оп. 1. Д. 395. Л. 6.

⁴⁴ Там же. Д. 392. Л. 19.

⁴⁵ Там же. Д. 395. Л. 4.

⁴⁶ Народное просвещение в РСФСР в 1927/1928 г. С. 179.

А. В. Лебедев

Реорганизация управления железнодорожного транспорта СССР в середине 1930-х гг. (по материалам Верхнего Поволжья и Европейского Севера)

Железнодорожный транспорт СССР по праву считался одной из крупнейших отраслей народного хозяйства, которая имела ключевое значение в процессе обеспечения потребностей динамично развивающейся промышленности и укреплении экономического потенциала государства. Переход к плановой экономике и форсированным темпам индустриализации поставил перед транспортным комплексом Советского Союза новые задачи, которые очертили контуры необходимого наращивания перевозок. Однако уже в ходе реализации второго пятилетнего плана стало очевидно, что необходимо улучшение организации проектирования и строительства железных дорог.

Наряду с этим требовалось «оздоровление» внутренней работы железных дорог СССР, которые были не готовы к столь стремительному увеличению объёмов перевозок¹. На это влияли как недостатки профиля пути, затруднявшие развитие Северных железных дорог, так и слабая отдача от реализации всех мер, направленных на улучшение их работы². Отчасти это было вызвано тем, что катастрофически не хватало квалифицированного персонала, а имеющиеся специалисты под влиянием развернувшихся чисток самоустранились от ответственности, опасаясь возможных последствий. Основные службы дороги погрязли в текущей

работе, поэтому приказ о борьбе с крушениями был проработан формально и выполнен лишь на 60%.

Руководители Северных железных дорог не всегда соответствовали занимаемым ими должностям, погрязли в воровстве и пьянках, вследствие чего путевое хозяйство находилось в запущенном состоянии. В результате значительно возросло количество аварий и несчастных случаев, по признанию самих железнодорожников на 99% вызванных расхлябанностью и безответственностью работников железной дороги. В подобной атмосфере процветала совершенно бесполезная «суетня» и не могло быть и речи о какой-либо серьёзной борьбе с авариями и улучшении качественных показателей работы дороги.

Погоня за количественными показателями в ущерб работе Северных железных дорог и оторванность руководства железнодорожным ведомством от реального положения на местах требовали проведения реорганизация системы управления железнодорожным транспортом.

В рамках намеченных мероприятий в 1935 г. было создано Всесоюзное проектно-изыскательское объединение (Союзтранспроект), которому были переданы проектные конторы железных дорог и строительно-монтажных трестов³. Одновременно для повышения качества обслуживания железных дорог были созданы территориальные конторы, а типовое и специальное проектирование возлагалось на проектные конторы. Таким образом, были намечены перспективы модернизации транспортной структуры СССР по двум основным направлениям: создание сети территориальных и специализированных организаций, которые дополняли бы друг друга и были направлены на улучшение работы железных дорог.

В 1936 г. в системе НКПС было создано 14 территориальных строительно-монтажных и 5 всесоюзных специализированных трестов. И если специализированные тресты выполняли свои функции по отдельным отраслям железнодорожного строительства в масштабах всего государства, то создание территориальных трестов имело целью разграничение сфер деятельности железнодорожного транспорта в различных регионах страны.

14 мая 1936 г. НКПС СССР издал приказ «О разделении Северных железных дорог»⁴. В результате проведённой реорганизации появились две железные дороги – Северная и Ярославская, которые, наряду с Горьковской дорогой, вошли в состав Северного треста. Разделение Северных железных дорог было закончено к 30 июня, и 1 июля 1936 г. дороги приступили к работе в новых границах.

Северная железная дорога состояла из двух основных линий, проходящих по территории Европейского Севера СССР и пересекающихся в городе Вологде. Дорога проходила по территории 6 областей: Ленинградской, Архангельской, Вологодской, Кировской, Горьковской, Ярославской – и 1 автономной республики – Коми АССР. В её состав входило 8 отделений. Ярославская железная дорога была проложена по территории 6 областей центральной части страны: Московской, Ярославской, Калининской, Костромской, Ивановской, Владимирской – и включала 6 территориальных отделений.

Таким образом, на основании одной масштабной железнодорожной магистрали были созданы две более мелкие, каждая из которых проходила по территории с однородным экономическим потенциалом и однотипными природными условиями. Новая структура управления должна была улучшить работу железных дорог.

Хотя формирование двух дорог в целом прошло неплохо и не вызвало серьёзных затруднений, уже в августе 1936 г. плановые показатели работы Ярославской железной дороги стали снижаться, а к октябрю её «дела совсем покачнулись»⁵. В связи с этим Народный Комиссар Путей Сообщения Л. М. Каганович наложил на руководство Ярославской железной дороги дисциплинарное взыскание и объявил выговор, которые обязывали обслуживающий персонал обеспечить нормальную работу дороги. Положение дел на Северной железной дороге было не столь катастрофичным, однако и здесь имело место снижение количественных показателей.

Работа Ярославской и Северной железных дорог в первое время после реорганизации шла крайне неравномерно, для неё были

характерны большие колебания в погрузке и выгрузке, что свидетельствовало об отсутствии «органического оздоровления дорог»⁶.

Основная причина плохой работы изучаемых железных дорог заключалась в том, что изменение системы управления железнодорожным транспортом пришлось на тот момент, когда были значительно увеличены плановые показатели. В ситуации переустройства существующей организации управления железных дорог совершенно естественным стало снижение основных показателей их работы.

Таким образом, реформирование транспортной системы СССР, проходившее в условиях форсированного развития промышленности, имело определяющее значение для наращивания экономического потенциала, поскольку было направлено на устранение недостатков работы транспорта. Выход был найден как в техническом переоснащении железнодорожного транспорта, так и в реорганизации его управления, которое должно было максимально приблизить потребности промышленного производства на местах к возможностям транспортной системы государства. Однако политика реорганизации управления железных дорог СССР отличалась непоследовательностью. Система специализированных и территориальных трестов должна была облегчить управление железнодорожным транспортом, но форсированные темпы развития промышленности приводили к срыву перевозок и спаду основных показателей работы железных дорог.

Примечания

¹ ГАЯО. Ф. Р-2295. Оп. 6. Д. 5292. Л. 14.

² ЦДНИ ЯО. Ф. 2760. Оп. 1. Д. 2. Л. 125.

³ История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 гг. СПб., 1997. С. 71.

⁴ ГАЯО. Ф. Р-2295. Оп. 3. Д. 10. Л. 2.

⁵ ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 223. Д. 307. Л. 94.

⁶ Там же. Л. 95.

Б. А. Тюрин

Изменения избирательной системы Российской Федерации в 1993 г.

Вся первая половина 1993 г. в политической истории России была связана с многочисленными конфликтами между высшей законодательной властью в лице парламента и президентом, причём в центре дебатов обычно стоял вопрос о порядке формирования нового состава правительства и, как следствие, приобретении решающего влияния на характер и методы проводимого в стране экономического курса.

С запретом КПСС, развалом Советского Союза и уходом союзного президента, правительства и парламента с политической арены исчез сильный противник, наличие которого служило объединяющим началом для российской правящей элиты¹. Не менее важной причиной антагонизма между двумя ветвями государственной власти являлось также отсутствие у них начального опыта коллективного сотрудничества в рамках системы разделения властей, которой Россия, несмотря на свою богатую политическими событиями историю, почти не знала².

Стремясь обосновать своё право на определение содержания и методов проведения реформаторской политики, исполнительная и представительная ветви власти обращались к действовавшей в тот момент Конституции, причём сторонники президента прямо ставили под сомнение её легитимность. Несовершенство действовавшей Конституции в начале 1993 г. осознавали обе противоборствовавшие стороны, хотя выход из кризиса видели по-разному. Большинство народных депутатов предлагало продолжить внесение поправок в Основной Закон с целью придания ему ряда демократических черт, а президент и правительство выступали за скорейшее принятие новой Конституции, без которой дальнейшая серьёзная работа по реформированию страны ими не мыслилась.

К середине – второй половине 1993 г. на политической арене России, постоянно противостоя друг другу и борясь за власть,

окончательно сформировались два непримиримых антагонистских лагеря: лагерь президента (Б. Н. Ельцина) и лагерь парламента (председателя (спикера) Верховного Совета Р. И. Хасбулатова и вице-президента А. В. Руцкого)³. Рейтинги той и другой стороны оставались невысокими, хотя народное признание президента было всё же выше, чем парламента. Постепенно нарастающее политическое напряжение и взаимная ненависть данных оппозиционных лагерей вели к эскалации существующего конфликта и рано или поздно должны были выплеснуться в открытой схватке. Развязка наступила осенью 1993 г. и трагически завершилась кровопролитием на улицах столицы.

Президент Б. Н. Ельцин первым нанёс удар по своему политическому противнику, когда в выступлении по телевидению 21 сентября 1993 г. объявил о прекращении полномочий Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Тогда же вступил в силу президентский указ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» № 1400. Данный документ фактически вводил в стране временное президентское правление и означал кардинальную ломку существующего государственно-политического и конституционного строя⁴.

В целях вывода страны из экономического и политического кризиса на 11–12 декабря 1993 г. назначались выборы в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации, была образована Центральная избирательная комиссия по выборам в Государственную думу, в компетенцию которой входили организация выборов и обеспечение избирательных прав граждан РФ при проведении избирательной кампании 1993 г.

Председателем Центральной избирательной комиссии назначался Н. Т. Рябов, ему предлагалось до 29 сентября 1993 г. внести предложения по составу Комиссии. Кроме того, в соответствии с частью 6 статьи 13 «Положения о выборах депутатов Государственной думы» в состав комиссии включалось с правом совещательного голоса по одному представителю от каждого избирательного объединения, зарегистрировавшего свой список по общефедеральному избирательному округу⁵.

Итогом данного политического решения Б. Н. Ельцина стали события конца сентября – начала октября 1993 г. в Москве. Трагический результат противостояния двух ветвей власти в России сопровождался активными действиями сторонников президента, спешивших закрепить на практике достигнутые успехи и спешно дорабатывавших новый проект Основного Закона РФ. 15 октября 1993 г. последовал указ Б. Н. Ельцина «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации». Согласно президентскому указу голосование по проекту принятия новой Конституции должно было состояться одновременно с выборами Федерального Собрания России.⁶

Выборы 1993 г. в Российской Федерации проходили в обстановке высокой общественно-политической напряжённости и в ситуации роста активности электората. Немаловажным являлся также и тот факт, что по времени прохождения выборы совпали с референдумом по проекту новой Российской Конституции. Уже через несколько дней после подавления сопротивления сторонников Белого дома началось формирование политических блоков для участия в выборах в Федеральное Собрание.

О своём праве выдвинуть списки кандидатов в депутаты Государственной Думы по общефедеральному округу изначально заявили 35 общественных объединений. На регистрацию представили списки кандидатов уже от 21 избирательного объединения. Центризбирком зарегистрировал списки только 13 из них. Остальные политические объединения так и не смогли набрать необходимые для регистрации 100.000 подписей. Декабрьские 1993 г. парламентские выборы отличались разнообразием избирательной практики. Членов Совета Федерации избирали по мажоритарной системе в один тур в двухмандатных округах, образованных в рамках административных границ субъектов РФ⁷.

Мажоритарная система является наиболее распространённой на выборах избирательной системой большинства. По данной системе избранным считается тот кандидат, за кого было подано большинство голосов, а голоса, поданные за остальных кандидатов, пропадают. Мажоритарная система обычно применяется для выборов и одного должностного лица (президента, губернатора и

т. д.), и коллегиального органа государственной власти. Причём в этом случае обычно создаются одномандатные и двухмандатные избирательные округа, т. е. в каждом из них должен быть избран один или два депутата.

Основная идея системы пропорционального представительства партий и движений заключается в том, чтобы каждая партия получала в парламенте или ином представительном органе число мандатов, пропорциональное числу голосов, поданных за её кандидатов на выборах.

Однако данная система имеет не только достоинства, но и недостатки. К числу последних относится то, что голосование при пропорциональной системе проводится по многомандатным избирательным округам, в которых соперничают списки кандидатов, выдвинутые политическими партиями и движениями. В результате потенциальный избиратель вынужден выбирать не между персонами (как при мажоритарной системе), а между партиями, движениями и блоками, из которых ему известны в лучшем случае несколько лидеров. Недостатком использования данной системы является также возможное появление в палате множества мелких фракций, объединённых вокруг маловлиятельных, но амбициозных лидеров. Чтобы избежать нежелательной политической дробности парламентских палат, в России, как и в ряде других стран, введён так называемый заградительный пункт, т. е. установлен минимальный процент голосов избирателей (5 %), который должен набрать партийный список кандидатов для участия в пропорциональном распределении мандатов.

На выборах в Государственную думу 1993 г. была впервые в России применена смешанная система, согласно которой половина вакантных мест в Государственной думе рассчитывалась по мажоритарной системе (т. е. от каждого избирательного округа в парламент попадал победитель), а другая половина – по пропорциональной системе, означавшей распределение депутатских мандатов между партиями в зависимости от количества поданных за них голосов.

Важным фактором, определившим формирование оппозиционных партий и их агитационную деятельность, стало проявивше-

еся стремление федеральной власти действовать без учёта мнений региональных политических элит, что, безусловно, отталкивало регионы от центра. Респект местных Советов народных депутатов не устранил назревших противоречий, и напряжённость в отношениях центра и регионов сохранялась. На этом фоне в качестве одного из действенных компонентов предвыборных программ партий и блоков выдвинулась региональная проблематика⁸.

Президентский указ «О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации» регламентировал деятельность региональных органов представительной власти на местах. По нему выборы в органы местного самоуправления назначались по предложению вышестоящего главы администрации, который также определял и порядок выборов. Чиновникам местной администрации было разрешено совмещать свою должность с работой в представительном органе, а главе администрации – председательствовать на его заседаниях. Глава администрации также был вправе вынести предложение о местном самоуправлении на референдум и санкционировать увольнение с работы народного депутата⁹. Таким образом, права органов местного самоуправления были сильно урезаны и ограничены президентом.

В период октября – декабря 1993 г. во всей Российской Федерации борьбу за голоса избирателей вели 13 партий и политических блоков. Среди них были партии социалистической направленности – Коммунистическая партия Российской Федерации (далее КП РФ; лидер – Г. А. Зюганов), Аграрная партия России (далее АПР; лидер – М. И. Лапшин).

К партиям и политическим блокам либерального направления относились «Выбор России» (лидер – Е. Т. Гайдар), «Яблоко» (далее ЯБЛ; лидеры – Г. А. Явлинский, Ю. Болдырев, В. П. Лукин), Партия российского единства и согласия (далее ПРЕС; лидер – С. М. Шахрай), Российское движение демократических реформ (далее РДДР; лидер – А. А. Собчак).

Либерально-демократическая партия России (далее ЛДПР; лидер – В. В. Жириновский) была ориентирована на националистическую риторику и популизм. Политическое движение «Жен-

щины России» (лидеры – А. В. Федулова, Е. Ф. Лахова) выступало за защиту интересов женщин, охрану материнства и детства.

К числу менее заметных в политической жизни России партий следует отнести «Гражданский союз во имя стабильности, справедливости и прогресса» (лидер – А. И. Вольский), Демократическую партию России (далее ДПР; лидер – Н. И. Травкин), «Будущее России – Новые имена», «Достоинство и милосердие». Идеология «зелёных» нашла отражение в программных документах политического объединения «Кедр». Почти все перечисленные партии и политические блоки располагали своими региональными отделениями.

Опросы потенциальных избирателей накануне выборов выявили парадоксальное противоречие, возникшее в массовом сознании электората, когда избиратели испытывали глубокое отчуждение к выборам, но собирались принимать в них участие. Отчасти это обстоятельство объяснялось тем, что пропорциональная избирательная система мало соответствовала сложившимся политическим вкусам и пристрастиям электората¹⁰. Кроме того, события конца сентября – начала октября 1993 г. достаточно ясно показали основной части избирателей всю зыбкость и неустойчивость каких-либо конституционно-политических конструкций. В свою очередь, политические партии и блоки также испытали ряд сложностей при проведении своих избирательных кампаний. Например, партия экономической свободы и партия конституционных демократов, объединившиеся в избирательный блок «Август», вынуждены были сойти с предвыборной гонки, поскольку ими не было набрано необходимое количество подписей избирателей¹¹. Ряд партий радикальной и радикально-националистической направленности вообще не был допущен властными структурами до выборов (например, «Русское национальное единство» А. Баркашова¹²).

Таким образом, система выборов, используемая в ходе избирательной кампании 12 декабря 1993 г., была непривычна и сложна для потенциального электората. Выбор смешанной избирательной системы в качестве основной электоральной модели проведения избирательной кампании 1993 г. в России был не слу-

чаен. Прежде всего через данную избирательную практику предполагалось активно стимулировать становление многопартийной системы в стране. Кроме того, смешанной системе было отдано предпочтение, поскольку президент надеялся на электоральный успех реформаторских избирательных объединений¹³.

В ходе избирательной кампании 1993 г. население России впервые столкнулось с избранием кандидатов по партийным спискам и предложенным ему достаточно широким диапазоном выбора, что повлекло за собой возникновение некоторых трудностей в ходе процедуры самих выборов и заполнении бюллетеней¹⁴, невзирая на то, что разъяснения о порядке заполнения избирательных бюллетеней для голосования по выборам депутатов Совета Федерации и Государственной думы Федерального Собрания РФ и бюллетеня для всенародного голосования по проекту Конституции РФ поместило на своих страницах большинство периодических изданий¹⁵.

Голосование по общефедеральным партийным спискам было новинкой, обращения с которой большинство избирателей толком не знало. Предпочтение избирателей в ряде случаев отдавалось конкретному депутату, а не партийному списку, при этом больше доверяли тому депутату, который заключает прямой электоральный «контракт» с избирателями конкретного округа¹⁶.

Примечания

¹ См.: Россия: партии, выборы, власть / под ред. В. Н. Краснова. М., 1996. С. 110.

² См.: Согрин В. В. Политическая история современной России: 1985–1994. От Горбачёва до Ельцина. М., 1994. С. 153–154.

³ Противоположные версии развития событий в это время представили в своих записках, с одной стороны, президент и руководитель его службы безопасности, а с другой – председатель Верховного Совета (См.: Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994; Коржаков А. В. Борис Ельцин: От рассвета до заката. М., 1997; Хасбулатов Р. И. Великая российская трагедия. М., 1994. Кн. 1–2).

⁴ См.: Согрин В. В. Указ. соч. С. 163.

⁵ См.: Указ президента Российской Федерации о формировании Центральной избирательной комиссии по выборам в Государствен-

ную Думу Федерального Собрания Российской Федерации // Москва. Осень–93: Хроника противостояния. М., 1994. С. 119.

⁶ См.: Меркулов И. В. Разработка, обсуждение и принятие Конституции Российской Федерации (1990–1993 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 14.

⁷ См.: Афанасьев М. М. Поведение избирателей и электоральная политика в России // Полис. 1995. № 3. С. 105.

⁸ См.: Россия: партии, выборы, власть. С. 112.

⁹ См.: Исаков В. Б. Госпереворот. Парламентские дневники 1992–1993. М., 1995. С. 461.

¹⁰ См.: Левашов В. К., Хлопьев А. Т. Политические ориентации электората. М., 1994. С. 34.

¹¹ Предвыборные платформы партии экономической свободы и блока «Август» были опубликованы на страницах ярославских информационно-рекламных газет (См.: Ярославская неделя. 1993. 22 октября – 12 ноября).

¹² Программу РНЕ см.: Русский порядок. 1993. № 8.

¹³ См.: Макаренко Б. Новый закон о выборах и эволюция режима // Pro et Contra. 2006. Январь – февраль. С. 97; Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 393.

¹⁴ Образцы избирательных бюллетеней по выборам депутатов Государственной думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ по общефедеральному избирательному округу в Ярославской области, сообщения участковых избирательных комиссий и приглашения для участия в выборах см.: ГАЯО. Ф. Р-3703. Оп. 1; Коллекция листовок Ю. Ю. Иерусалимского. №№ 195; 196 и др.

¹⁵ См.: Золотое кольцо. 1993. 3 дек.: Рекламно-информационное и художественное приложение к газете «Городские новости». 1993. № 6; Ростовский вестник. 1993. 3 дек. и др.

¹⁶ См.: Макаренко Б. Указ. соч. С. 102.

ИСТОРИЯ ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ

Е. В. Спиридонова

В. А. Городцов и его роль в археологическом изучении Ярославского края

Василий Алексеевич Городцов (1860–1945 гг.) родился в с. Дубровичи Рязанской губернии в семье священника. Он начал учиться в Рязанской духовной семинарии, но курса не окончил, поступив в Московское военное юнкерское училище, а затем остался на военной службе. В 1892–1901 гг., когда его полк находился в Ярославле, Василий Алексеевич занимался археологическими исследованиями на территории губернии. Стал секретарем, затем правителем дел в ЯГУАК, входил в состав подкомиссии по охране и надзору за памятниками старины. Был членом Общества для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении, входил в состав Нижегородской и Рязанской ГУАК.

Именно В. А. Городцов исследовал первый и единственный к тому моменту памятник каменного века на территории Ярославского края. Эта неолитическая стоянка была обнаружена в 1899 г. некоей С. Н. Ивановой. В Инвентарной книге археологического фонда ЯИИМЗ под 1900 г. есть запись о разведочных раскопках Городцова в устье реки Учмы в Угличском уезде¹. В музее до сих пор хранятся резец, наконечник стрелы, скребло, скребок, кремневые орудия и 36 фрагментов ямочно-гребенчатой керамики, переданные археологом². Как ни странно, но сам Городцов, по-видимому, не придавал большого значения своим находкам и на одном из заседаний ЯГУАК заявил об отсутствии памятников каменного века на территории края³. Городцов отмечал, что в этот период (неолит) основными занятиями человека были охота

и рыболовство, была приручена собака. Человек уже умел обрабатывать растения для изготовления веревок и рыболовных сетей, чьи отпечатки встречаются на керамической посуде.

Что касается следующего этапа в археологической периодизации – энеолита, – этот период археологами тогда не выделялся как самостоятельный, хотя Городцов отмечал наличие здесь в III тыс. до н. э. некоей культуры, пережитка неолитической эпохи, самостоятельной, но подверженной незначительному влиянию Украины и Малой Азии⁴.

Вторым памятником, исследованиями которого занимался Городцов, был фатьяновский могильник у с. Великое (Черная гора). Он был случайно открыт при проведении земляных работ в 1889 г., когда крестьяне Клячин и Чулков нашли здесь 3 каменных клина и 2 каменных ножа и каменный молот-топор темно-синего цвета, кремневые клинья, большие и маленькие, «камешки вроде пуговок с разными черточками (бусы?)» под человеческими костями⁵. Затем, в 1891 г., на памятнике работал Я. А. Ушаков. Позднее ЯГУАК обратилась в ИАК с просьбой, «...имея в виду ее всегдашнюю готовность помочь своим меньшим братьям», либо выдать Открытый лист на производство раскопок, либо прислать специалиста. В 1895 г. исследования на территории могильника провел А. А. Спицын. В 1896 г. исследование могильника было продолжено Городцовым. Он отмечал, что в течение последних 50 лет крестьяне добывали здесь булыжник и дресву, а достаточно частые находки человеческих костей породили у местного населения предания о разбойниках. Археолог исследовал два погребения, и если первое из них было сильно повреждено и не могло свидетельствовать о погребальном обряде, то второе представляло собой овальную яму с крутыми стенами, по дну с восточной стороны шел спуск (ступени), на дне 4 крупных валуна и песок. В могиле была похоронена женщина средних лет в скорченном положении на правом боку. У правой руки умершей находилась бронзовая сверленная пластинка. У локтя – горшок с орнаментом из городков. В ногах – маленький горшок и 2 костяных орудия. Все находки были отправлены в Исторический музей⁶.

В 1899 г. Городцов продолжил исследование памятника, но каких-либо новых данных не получил, так как «большая часть погребений к этому времени была разрушена крестьянами»⁷. По-видимому, в этот период археолог колебался в датировке памятника, так как в отчете 1896 г. он писал, что могильник относится к эпохе раннего металла⁸, а в монографии, вышедшей в 1898 г., относил его к позднему неолиту⁹.

В. А. Городцов дал наиболее подробное для своего времени описание фатьяновской культуры. Он первым определил географические рамки ее распространения (Волго-Окское междуречье), составил подробную классификацию каменных и бронзовых топоров, керамики и костяных изделий. В частности, наиболее распространенными каменными изделиями древних фатьяновцев исследователь считал сверленные топоры (16 типов), из которых чаще всего встречались лопастные и ладьевидные, их Городцов относил к местной выработке, генетически связанной с югом. Помимо этого, в отдельную категорию выделялись клиновидные каменные топоры (2 типа). Далее археолог подробно рассматривал бронзовые топоры (6 типов), первый из которых был найден в 1908 г. на Фатьяновском могильнике (Ярославская губерния). Прочие изделия из камня, металла или кости рассматривались менее подробно, но и в этом случае археолог непременно называл местности, где были найдены наиболее типичные из них, и пытался сопоставить фатьяновские изделия с находками из других стран, относящимися к бронзовому веку. С большим вниманием относился он к керамическому материалу, выделяя 4 типа сосудов и подробно описывая орнамент.

Археолог относил начальный период культуры к первой половине II тыс. до н. э. и связывал ее с юго-востоком (Кавказ) и юго-западом. Он отмечал также некоторое сходство с приднепровской культурой и культурой шнуровой керамики¹⁰. Городцов не отрицал возможности обнаружения в будущем фатьяновских поселений, ставил под сомнение развитие земледелия и скотоводства у фатьяновских племен, считая основными их занятиями охоту и рыболовство. В связи с этим забавно выглядит утверждение И. А. Тихомирова о том, что фатьяновские черепа

принадлежали прагерманцам-неандертальцам, которые проникли в юго-западную Россию из Дунайской долины. Кроме того, краевед связывал распространение и медных, и железных вещей со славянами и считал, что произошло это только в VI веке¹¹.

Следует сказать, что, несмотря на то, что сегодня фатьяновская культура достаточно хорошо исследована, поселений, которые бы четко соотносились с фатьяновцами, не найдено ни одного. Городцовым были сделаны совершенно верные выводы о времени распространения на ярославских землях этих племен, выявлены особенности погребального обряда, наиболее типичные изделия местных мастеров. В настоящее время исследователи не отрицают и пришлый характер этой культуры, правда, связывают ее не с Кавказом, а с землями между Днепром и Вислой–Одесом¹². Что касается экономического развития фатьяновских племен, основой их хозяйства были охота, рыболовство и стойловое скотоводство, вопрос же о развитии земледелия до сих пор не решен окончательно.

Ярославским средневековьем Городцов интересовался гораздо меньше. В частности, в одной из своих работ он писал, что в состав финских племен входят угры и собственно финны¹³, хотя среди ярославских краеведов господствовало мнение о том, что смешивать эти народы не следует. В 1889 г. он исследовал Курганные могильники Угличского уезда у д. Кирияново. В ЯИАХМЗ были переданы железные наконечник стрелы и топор¹⁴. В 1902 г. провел раскопки Михайловского курганного могильника¹⁵. В 1903 г. они были продолжены силами учащихся 5–6 классов Ярославского кадетского корпуса¹⁶. Забавно, что, как писал его директор, раскопки эти были предприняты с целью «дать кадетам вверенного мне корпуса во время их пребывания на даче разумное занятие»¹⁷. Примечательно, что курганы копались «лопатами по пластам толщиной около 2–3 вершков», а то и вообще вручную, что для той поры было большой редкостью. Обычно археологи вскрывали курган колодцем сверху.

Помимо исследования уже открытых памятников, Городцов занимался и археологическими разведками. Так, в 1899 г. вместе с И. А. Тихомировым и Э. Н. Берендтсом он предпринял поход по

берегу Волги от Твериц до села Воздвиженье с целью проверить местные предания о наличии здесь «пановых могил», якобы относящихся к началу XVII века¹⁸. Правда, новых памятников в ходе данной экспедиции открыто не было.

Немалую роль В. А. Городцов сыграл в развитии археологии как науки. В начале XX в. выходят его курсы лекций по первобытной (исследование всех древнейших памятников человеческой культуры до появления о них исторических известий) и бытовой археологии, изучающей памятники «времени писанных документов, легенд и преданий»¹⁹. В курсе лекций, которые были прочитаны им для слушателей Московского археологического института, шла речь и о теории Дарвина, и о находках останков неандертальца и питекантропа. Археолог приводил несколько вариантов периодизации древнейшей истории человечества, в том числе и собственную, основанную на способе изготовления орудий труда. Так, каменный период он делил на эолитическую эпоху (пора «сомнительных» каменных орудий), палеолит (тесаные и сколотые орудия) и неолит (полированные и сверленные орудия), далее следует металлический период, который, в свою очередь, делится на бронзовую (медные, затем собственно бронзовые орудия) и железную эпохи²⁰. К вопросу о датировке того или иного периода археолог, опасаясь церковной цензуры, подходил весьма осторожно, стараясь не называть конкретных цифр и лишь соотносить археологические эпохи с геологическими периодами.

Еще одной важной частью деятельности археолога стали разработки в области методики археологических раскопок. В начале XX в. специальная Комиссия XIV археологического съезда поручила В. А. Городцову и Д. Я. Самоквасову составление подробного руководства по проведению раскопок. Из-за смерти Самоквасова руководство было опубликовано в 1914 г. за подписью одного Городцова. Автор четко определял цель археологических раскопок как «розыск материалов для освещения состояния культуры человека с древнейших времен», отмечал, что раскопки позволительны лишь лицам, получившим серьезную научную подготовку. Особое внимание исследователей он обращал на тот факт, что предпринятые раскопки необходимо доводить до кон-

ца, а ради проверки добытых раскопками результатов будущими археологами необходимо часть памятника оставлять не раскопанной: в могильнике – 1/2 курганов, на городище и стоянке не менее 1/2 площади. Исключением из этого правила может быть лишь большая вероятность уничтожения памятника²¹.

Подобное отношение к ведению раскопок и сейчас является основой политики Института археологии: «первостепенной задачей полевой археологии в настоящее время является сохранение археологического наследия для будущих поколений исследователей, что зафиксировано "Международной хартией по охране и использованию археологического наследия" (1990 г.) и "Европейской конвенцией по археологическому наследию" (1992 г.). В этой связи раскопкам прежде всего подлежат памятники, которые будут разрушены при производственно-строительных работах, а также памятники, разрушаемые в процессе природных воздействий»²².

Археолог обращал особое внимание коллег на тот факт, что, поскольку раскопки почти всегда приводят к полному разрушению памятника, на исследователе лежит нравственная ответственность перед наукой, так как сделанные ошибки исправляются с большим трудом. «Лучше совсем не производить раскопки, чем производить их неправильно»²³.

В. А. Городцов подробно останавливался на такой проблеме, как наиболее удобное время для проведения раскопок. В лесу, писал он, раскопки предпочтительнее проводить весной и осенью, когда зелень не мешает обнаружению памятника. Городцов подробно рассматривал вопрос, касающийся найма рабочих. Археолог отмечал, что лишние рабочие приносят больше вреда, чем пользы, и делал примерные расчеты необходимой рабочей силы: при исследовании курганов и городищ на 1 исследователя 10 рабочих, при этом на 1 рабочего должно приходиться не более 3 аршин траншеи. При работе колодцем 3х3 аршина – 1 человек, 4х4 аршина – 2 человека, 5х5 аршин – 3, 10х10 аршин – 12 человек и т. д.²⁴

Далее автор уделял внимание финансовым вопросам. Он писал, что на «одного энергичного исследователя» необходимо 400–500 руб. в месяц. Заранее следует побеспокоиться, совето-

вал он, и о средствах передвижения – запастись земскими подорожными²⁵. Кстати, судя по отчетам, самому ему приходилось довольствоваться 100–150 рублями, выделенными Археологической комиссией.

Городцов отмечал, что при планировании работ археолог обязан позаботиться о том, чтобы раскопки производились равномерно по всему району, а памятники исследовались либо наиболее типичные, либо наиболее важные. Археолог подробно описывал необходимый инвентарь и останавливался на ведении экспедиционной документации: черновые записи должны вестись непрерывно, ежедневно с утра до вечера: замечания, гипотезы, догадки («интимная отчетность, только для себя»). Беловые отчеты должны включать приходно-расходную тетрадь (даже если работы ведутся на собственные средства) и дневник, где описывается внешний вид памятника, способ раскопок, устройство и содержание памятника, а также чертежи, рисунки и фотографии²⁶.

Городцов давал в своей работе рекомендации по исследованию различных археологических памятников. Очень подробно он рассматривал раскопки погребений, причем не только в курганах, но и в грунтовых ямах. Археолог подробно объяснял возможные способы консервации костных останков. Он писал, что кости необходимо пропитать жидким горячим столярным клеем. Для этих же целей можно использовать также столярную политуру, спермацет, мастику из воска, смолы и гипса. При большой ценности, советовал исследователь, следует вырезать костяк вместе с почвой деревянным или металлическим ящиком²⁷.

Раскопки могильника должно вести широкими траншеями (3–6 аршин), которые помогают выявить могильные ямы. Для раскопок курганов археолог называл три способа: на снос (неизвестные устройства со многими погребениями), колодцем (малые и средние) и сквозными траншеями (большие). Способ, таким образом, зависит в первую очередь от величины и внутреннего устройства кургана. Деревянный гроб-колоду следует очистить и пропитать олифой. Несмотря на опыт исследователя, совершенно справедливо замечал археолог, нередко случаются пропуски погребений, поэтому во избежание ошибок необходимо уметь отличать материк от рытой

почвы, понимать значение трещин в насыпи, узнавать в насыпях выкинутую из могилы землю. К сожалению, подобные умения приходят лишь с опытом, поэтому, как уже было сказано, нередки случаи, когда курганы так и остаются недокопанными. Так, при раскопках курганов у деревни Костюрино в 1878 г. Я. А. Ушаков два из них объявил пустыми²⁸. На самом же деле погребение XI в. в одном из курганов оказалось несколько смещенным относительно центра – что и было обнаружено во время разведочных работ Ярославской археологической экспедиции в 1999 г.

Правильной методикой раскопок городищ Городцов считал глубокие траншеи до материка с одной или нескольких сторон памятника, а затем послойные раскопки горизонтальными пластами. Раскопки городов в те времена практически не велись, поскольку, как писал Городцов, «раскопки исторических городов в большинстве случаев малорезультатны, бедны и обходятся слишком дорого, ибо требуют обширных работ»²⁹.

Методическое руководство Городцова было написано на более высоком уровне, чем предыдущие, в частности вышедшее в 1895 г., автором которого был Спицын, и помимо текста содержало большое количество иллюстраций.

Таким образом, можно сказать, что время работы В. А. Городцова в Ярославле оказалось весьма плодотворным и для изучения Ярославской губернии в археологическом плане, и для развития археологии в целом. Им были исследованы два памятника каменного (неолита) и бронзового веков, проводились раскопки на средневековых курганных могильниках. Полученные здесь научные результаты и практические навыки впоследствии легли в основу ряда работ, посвященных методике археологических исследований и археологии в целом.

Примечания

¹ Инвентарная книга археологического фонда ЯИАМЗ. С. 64.

² ЯМЗ –7013.

³ Труды ЯГУАК. Кн. 6. Вып. 1. Ярославль, 1914. С. 38.

⁴ Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет императорского Российского исторического музея им. Императора Александра III в Москве за 1914 год. М., 1916. С. 223.

- ⁵ Архив ИИМК РАН. Д. 79/1895. Л. 7.
- ⁶ Городцов В. А. Раскопки могильника на Черной горе в окрестностях с. Великое Ярославской губернии и уезда. Ярославль, 1898. С. 3–7.
- ⁷ Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 84/1899. Л. 12.
- ⁸ Там же. Д. 65/1896. Л. 10.
- ⁹ Городцов В. А. Раскопки могильника на Черной горе... С. 7
- ¹⁰ Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи ... С. 127–169.
- ¹¹ Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы. Ч. 1 // Труды 2 областного тверского археологического съезда. Тверь, 1906. С. 128.
- ¹² Крайнов Д. А. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 74.
- ¹³ Городцов В. А. Бытовая археология. Курс лекций. М., 1910. С. 430.
- ¹⁴ ЯМЗ–7063.
- ¹⁵ Городцов В. А. Описание раскопок у с. Михайловское // Труды Ярославского естественно-исторического общества. Вып. 1, 2. Ярославль, 1902.
- ¹⁶ Городцов В. А. Раскопки у с. Михайловское // Северный край. 1903. 22 мая.
- ¹⁷ Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 117/1904. Л. 1.
- ¹⁸ ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 36.
- ¹⁹ Городцов В. А. Первобытная археология. Курс лекций. М., 1908. С. 8.
- ²⁰ Городцов В. А. Руководство для археологических раскопок. М., 1914. С. 91–92.
- ²¹ Там же. С. 5–6.
- ²² Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах. Утверждено Ученым советом Института археологии РАН 23 февраля 2001 г. М., 2001. С. 14–15.
- ²³ Городцов В. А. Руководство для археологических раскопок. С. 6.
- ²⁴ Там же. С. 17–18.
- ²⁵ Там же. С. 9.
- ²⁶ Там же. С. 20–21.
- ²⁷ Там же. С. 32–33.
- ²⁸ Антропологическая выставка 1879 г. Т. 2 // ИОЛЕАЭ, Т. XXXIII. М., 1878–79. С. 287.
- ²⁹ Труды ЯГУАК. Кн. 6. Вып. 1. Ярославль, 1914. С. 101.

Н. В. Обнорская

**Семейные связи купечества
как индикатор его социального положения
в российском обществе
в XVIII – начале XX в.
(на материалах Ярославской губернии)**

Конец XVIII – начало XX в. – время кардинальных перемен в экономической и социальной сферах жизни российского общества. Едва заметный вначале, темп этих изменений к середине рассматриваемого периода «набрал обороты», ломая старый жизненный уклад, меняя менталитет россиян. Россия, представлявшая собой к концу XVIII в. феодальное государство с достаточно четкой сословной структурой, где в экономике господствовали крупные мануфактуры на подневольном труде и мелкие кустарные промыслы, к началу XX в. эволюционировала в государство с преобладанием капиталистической формы производства, а условия, хотя формально и сохранились, превратились по сути в дань традиции, уступая место в организации общества социальной структуре, близкой к классовому обществу Запада.

При этом купечество, в отличие от других социальных слоев, не разлагалось, а вошло в качестве ядра в состав складывавшейся буржуазии. Изменение роли купечества не могло не сказаться на его восприятии своего места в социальной структуре общества.

Одним из важных внешних проявлений изменения места купечества в структуре российского общества и осознания купечеством своей социальной роли был выбор купцом спутника жизни.

XVIII в. в истории России стал веком начала раскола русского общества на два лагеря: «барина» и «мужика», как называли их В. Рябушинский, посвятивший этому феномену русской истории значительное место в своей книге «Старообрядчество и русское религиозное чувство»¹. Дворяне и чиновники с одной стороны и крестьяне – с другой – были двумя полюсами этой системы.

Основная масса купцов в XVIII в. относилась к категории «мужиков», и большинство было вполне удовлетворено своим

положением. Но все же соблазн «барской» культуры был велик, особенно в среде богатейшего купечества, чаще всего у «указных» мануфактуристов, – связанных с государственными структурами участием в казенных подрядах и поставках владельцев большого числа мастеровых и крепостных крестьян. Представители именно этой категории купцов старались добиться дворянского титула, роднились с дворянами; по своему образу жизни, стилю одежды они уже сильно отличались от основной массы купечества.

В источниках категория «мануфактуристов» уже не идентифицировалась с купеческой верхушкой, а составляла как бы особый слой, чему способствовали и привилегии, дававшиеся государством. Нередко им удавалось получить дворянство, и наиболее ярким примером может служить **С. Яковлев, с 1764 г. владевший Ярославской Большой Мануфактурой (ЯБМ)**. Портреты мануфактуриста С. Яковлева или М. Затрапезнова рисуют перед нами образы людей вполне европеизированных, одетых по дворянской моде своего времени. Судьба их самих и их потомков чаще всего была далека от интересов сословия, из которого выдвинулся родоначальник династии.

Так, Иван Максимович Затрапезнов – один из сыновей основателей ЯБМ, получивший к концу жизни чин коллежского советника, – имел четырех дочерей, породнившихся с дворянами – князьями Вяземскими, Измайловыми и Аничковыми. А его дочь Ева Ивановна была замужем за крупным московским купцом-мануфактуристом Д. Я. Земским, сын их был женат на дочери горнозаводчика П. А. Демидова².

Что касается других сыновей **М. Затрапезнова**, то наиболее полные сведения имеются о семье Дмитрия Максимовича (1704(7)–1765).³ Сам он был женат на «природной посадской». На горожанке был женат первым браком и его единственный сын Иван, вторая жена которого, бывшая более чем вдвое моложе мужа, была вольноотпущенной от канцлера М. Л. Воронцова. У Ивана Дмитриевича было не менее 15 детей, лишь один из которых умер в младенчестве. Его старшая дочь Елизавета была выдана замуж за «медных и железных заводов директора» И. П. Осокина (в 1779 г. он был записан в казанское

дворянство)⁴. Дочь Прасковья вышла за вологодского купца Ф. Желвунцова, две другие – за дворян: Александра за артиллерии поручика А. М. Докучаева, а Авдотья – за лейб-гвардии поручика М. А. Игнатьева. Две дочери к 1795 г. были девицами и их дальнейшая судьба неизвестна. Что касается сыновей Ивана Дмитриевича, то шестеро из них в конце XVIII в. записались в военную службу, то есть избрали характерный для дворянства род деятельности. И лишь два сына И. Д. Затрапезнова продолжили предпринимательскую карьеру своих предков. Известно, что в 1796 г. они выбыли из ярославского в выборгское купечество⁵.

Мануфактуристы рангом пониже, чем Затрапезновы, также предпочитали родниться с дворянами или людьми своего круга. Для примера рассмотрим родственные связи Г. Ф. Гурьева. Его отец сумел подняться по социальной лестнице от «стрижника», т. е. работника на заводе, до торговца «русским и немецким товаром при портах». Сам же Григорий Федорович, женатый на дворянской дочери, в 1746 г. купил в Москве шелковую «фабрику» и перевел ее в Ярославль. Его единственная дочь Александра была выдана замуж за дворянина, сержанта лейб-гвардии Преображенского полка Н. Умского. Одна из сестер Григория вышла замуж за содержателя шелковой мануфактуры в Ярославле Ф. Холщевникова, а дочь его двоюродного брата была женой Алексея Волкова-Полушкина (брата Ф. Волкова), также владевшего с братьями достаточно крупными химическими предприятиями⁶.

Простые горожане (основная масса купцов и мещане) в основном искали себе жен, а дочерям мужей в своей же среде, но блюдя при этом коммерческий интерес и престиж. Кроме посадских своего города, достаточно часто встречаются браки с крестьянами (особенно пригородных деревень), ямщиками, мелкими чиновниками, работниками мануфактур. Изредка встречаются браки с иногородними. Так, в Ярославле зафиксированы семейные связи с представителями Романова, Борисоглебской слободы, Костромы, Больших Солей, Нерехты, Москвы, Тулы и др. И все же дифференциация по имущественному и социальному признакам в среде горожан в конце XVIII в. была достаточно сильной, что отразилось на брачных связях. Естественно, что

купцы предпочитали брать в жены «ровню». То же касается и замужества дочерей. Торговцы и заводчики, составлявшие высшие слои купечества, предпочитали родниться друг с другом, нежели с представителями более бедных семей.

В качестве примера можно рассмотреть родственные связи семьи М. К. Викулина, владевшего в конце XVIII в. одним из наиболее крупных кожевенных предприятий Ярославля (на 1794 г. – 40 тыс. руб. годового оборота). Михаил Кузьмич был женат на посадской Борисоглебской слободы. Одна из дочерей М. К. Викулина (Ираида) вышла замуж за крупного ярославского кожевенного заводчика А. Протасова (в 1794 г. – 45.500 руб. годового оборота на предприятии). Другая дочь (Елизавета) – за купца К. Оловянишникова – владельца белильного и сандального заводов, расположенных по соседству с викулинскими предприятиями. Старший сын М. К. Викулина Иван Большой был женат на дочери крупнейшего (на 1777 год) ярославского кожевенного заводчика И. Я. Кучумова Федоре (предприятие Кучумова в год имело оборот в 25 тыс. руб.). Золовки дочери И. и Ф. Викулиных Анны (по мужу Желуткова) были замужем одна – за владельцем кожевенного предприятия Д. Рыбниковым, а другая – за купеческим сыном А. П. Кропиным, отец которого владел белильно-суриковым заводом, сам же он в конце XVIII в. приобрел купоросный завод⁷. Другая внучка М. К. Викулина, Прасковья Михайловна (дочь Михаила Михайловича Викулина), была выдана в Рыбинск за купеческого сына Л. Попова. Последний в начале XIX в. стал крупным мануфактуристом по производству бумаги и владельцем трех предприятий этого профиля в Угличе и Угличском уезде (его отец в конце XVIII в. имел два канатных завода, кожевенное, солодовенное и крупяное предприятия, на которых работало в общем 63 рабочих, выпускавших продукции на 20 тыс. руб. в год. Причем крупнейшим его заводом был опять же кожевенный). И лишь о муже еще одной внучки М. К. Викулина – купеческом сыне И. Коровайникове – каких-либо определенных сведений нет⁸.

Таким образом, можно видеть, что круг родственных связей купца в основном включал в себя приблизительно равных с ним по имущественному положению лиц, а также явно прослежива-

ется профессиональная общность родственников. Так, большинство женщин из семьи Викулиных – **крупных кожевников** – **выдавались** также в семьи владельцев кожевенных либо связанных с ними технологически сандалотерочных и свинцово-белильных предприятий.

Такая практика соблюдалась не всегда, но все же это было распространенное явление. Подобное же можно проследить и среди купцов – изготовителей колоколов и медных изделий. Эта группа горожан численно была несколько меньше кожевников, поэтому доля представителей других профессиональных групп среди родственников была несколько больше, чем в предыдущем случае.

В конце XVIII – начале XIX в. в Ярославле в разное время существовало достаточно большое количество колокололитейных производств (Ив. Мартынова, Д. О. Мартынова, Ф. С. Потапова, Х. Е. Крепышева, А. И. Мартынова, И. Г. Чарышникова, А. А. Патрикеева и др.), чаще всего бывших небольшими мастерскими. Их хозяева «балансируют» на грани купечества и мещанства⁹. Оказалось, что как минимум Мартыновы, Крепышевы, Патрикеевы и Чарышниковы были близкими родственниками, а связующим звеном этих родственных уз можно считать братьев Ивана и Дмитрия Осиповичей Мартыновых – представителей семьи, которая на протяжении всего XVIII в. занималась изготовлением колоколов и медной посуды. Сын И. О. Мартынова был женат на сестре Х. Е. Крепышева (о браках двух других детей сведений нет). Сын Д. О. Мартынова взял в жены дочь А. А. Патрикеева, а свою дочь Дмитрий Осипович выдал замуж за И. Г. Чарышникова. И лишь другая дочь Д. О. Мартынова не поддержала эту традицию (ее муж, П. Мушников, к производству колоколов отношения не имел)¹⁰.

Причем возможно, что именно родство с Мартыновыми подвигло их родственников к вложению капиталов в производство колоколов в конце XVIII в., когда бурное строительство церковью увеличило спрос на этот вид продукции.

И действительно, преуспевающий изготовитель шляп А. А. Патрикеев, предприятие которого в этой отрасли существовало с 1765 г., сначала открывает медно-посудный завод, а

в 1793 г. основывает колоколотейное производство. И. Г. Чарышников лил колокола на своем заводе с 1802 г., хотя вкладывать деньги в форме заказов в производство колоколов на других заводах он начал еще в конце XVIII в.¹¹

Что касается Крепышевых, то в 1777 г. они названы хозяевами завода по производству медных «конских уборов». Возможно (но это только предположение), что их колоколотейный завод достался им от И. О. Мартынова и его сына Якова после их смерти или же в результате продажи. Подобный вывод можно сделать на основе того, что «Ведомость» промышленных предприятий 1794 г. называет датой основания колоколотейного завода Крепышевых 1769 г., при том что завод И. О. Мартынова был одним из старейших¹².

Таким образом, со всей определенностью можно видеть, что во второй половине XVIII в. неоднородность посадской общины по имущественному признаку, а также различия в профессиональном составе наложили свой отпечаток на брачно-родственные связи представителей местного купечества на всех уровнях.

К началу XIX в. крупные привилегированные мануфактуристы уже не были типичным явлением. Их время кончилось. Несколько дольше этот тип купечества сохранялся в Ростове и Угличе, но и там он вскоре перестал существовать. И хотя имущественная дифференциация осталась, но общество стало более однородным.

Современный исследователь Е. П. Хорькова отмечает, что «в конце XVIII в. происходит третья смена состава купцов, которая продемонстрировала слабость их как предпринимателей без поддержки абсолютистского государства. Вытеснялись те купцы, которые достигли вершины после реформ 1775–85 гг. Появляются новые группы купцов буржуазного типа, выросшие путем конкуренции из недр мелкотоварного производства. Подавляющее большинство прежних первогильдейцев к XIX в. было вынуждено покинуть первую гильдию, опустившись одной-двумя ступенями ниже в купеческой иерархии. Падение было не только массовым, но и бесповоротным, не менее глубоким по своему характеру и значению, чем исчезновение гостей и “петровских” купцов»¹³.

С 1775 г. посадское население города стало представлять собой единую пирамиду с основанием, состоящим из мещан, и верхушкой в виде купечества. Нахождение на том или ином уровне пирамиды зависело от экономического положения семьи и часто менялось. Несомненно, что в связи с сословным делением общества, подразумевающим разные права, браки между представителями различных сословий были достаточно редки. Это характерно для посадского населения. Но частая смена «верхушки» приводила к тому, что значительная часть посадских семейств была вовлечена в родственные отношения друг с другом.

У подавляющего числа купцов, происходящих из городских сословий, жены также относились к этой категории. Данное положение наглядно иллюстрируется следующими подсчетами. В «Обывательской книге» Ярославля начала 1840-х гг. зафиксированы 193 купеческих семейства. Главы 104 из них относятся к категории «старожилов». 12 включают в себя лишь вдовцов, вдов, их малолетних детей, холостяков, девиц. В четырех случаях сословие жены не оговорено. В **четыре**х семьях жены «старожилов» происходят из негородских сословий. Все члены остальных 84 семейств (80,8 %) были посадскими по рождению¹⁴.

Хотя между различными группами городского населения не было непреодолимых барьеров, но все же существовала некоторая обособленность. Это достаточно четко прослеживается в выборе супруги. Так, купцы предпочитали брать в жены не мещанских, а купеческих дочек, что, несомненно, в первую очередь связано с размерами приданого.

Поэтому большинство ярославских купеческих семей находилось в родственных связях друг с другом. Но и **внутри** купечества при выборе супруги существовала градация по гильдиям, причем в начале XIX в. обособленность представителей высших гильдий не столь характерна, что вызвано меньшей стабильностью состава «верхушки» и меньшей дифференциацией внутри посадского общества. В первой половине XIX в. обособление наиболее богатой части купечества безусловно, но в связи с ее численной узостью профессиональная обособленность в семей-

ных связях более не соблюдается. К середине XIX в. произошло расслоение и внутри купеческой «верхушки». Третья гильдия также была неоднородна. Более богатая ее часть тяготела к высшим гильдиям, основная же масса третьегильдейцев скорее была связана с мещанством.

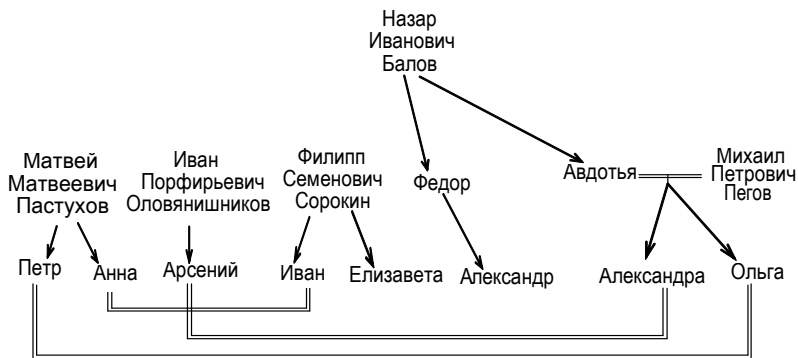
Все эти процессы наглядно иллюстрируются брачными связями. Так, например, к концу первой четверти XIX в. уже сформировался довольно тугой «узел» родственных отношений внутри купеческой «верхушки» Ярославля. При этом все чаще ее представители вынуждены были искать себе «ровню» в среде иногороднего купечества.

Рассмотрим конкретный пример. К 1842 г. среди ярославских купцов звание потомственных почетных граждан за долгое пребывание в высших гильдиях получили 5 семей: Пастуховы, Оловянишниковы, Баловы, Сорокины и Соболевы¹⁵. Из выбранных семейств лишь Соболевы в это время не имели прочных родственных отношений с местной купеческой «верхушкой». Укрепившись в ней экономически, они сразу предпочли родниться с иногородними.

Родственные отношения между четырьмя рассматриваемыми семьями представлены в схеме. В нее включены не все члены семей, а лишь непосредственно связанные брачными отношениями. Дополнительно включена семья Пеговых (достаточно крупные купцы) – как связующее звено между данными семьями. Существуют и другие, более дальние родственные связи между этими фамилиями.

Налицо как ряд прямых брачных связей между представителями этих семей (Анна Пастухова и Иван Сорокин, Елизавета Сорокина и Александр Балов), так и отношения свойства (Петр Пастухов и Арсений Оловянишников являлись друг другу свояками, а Авдотья Назаровна Балова (по мужу Пегова) была их тещей и т. д.). Тесные родственные и свойственные связи были у этих семей и с другими крупными купеческими родами Ярославля.

**Родственные связи Пасуховых, Оловянишниковых,
Сорокиных и Баловых (на 1842 год)***

* *Сост. no: ГАЯО. Ф. 501. Он. 1. Д. 429. Л. 68 об., 69, 71 об.; Д. 858. Л. 1, 3, 5, 18.*

Экономическое обособление части семей, составлявших купеческую «верхушку», не только от посада, но и от основной массы купечества способствовало брачным связям внутри этих семейств. «Дефицит» равных брачных вакансий в своем городе и разветвленные экономические связи вне его вели к установлению родственных отношений с иногородними крупными купеческими семьями. Так, второй женой А. М. Пастухова стала пучежская «первой гильдии купеческая дочь» Шапошникова; его племянник Н. П. Пастухов был женат на дочери известного фабриканта из Иваново-Вознесенска, купца первой гильдии Н. Гарелина, Фелицате. Женой Н. И. Соболева стала «ростовская купеческая дочь, Гавриловского посада почетная гражданка» Шумова, а Н. И. Сорокина – дочь угличского купца и т. д.¹⁶

Увеличение количества браков за пределами родного города, в свою очередь, способствовало еще большему обособлению «верхушки», дальнейшему распаду посадской общины и началу складывания буржуазии как класса на общероссийском уровне. Некоторому смягчению дефицита способствовало пополнение рядов местного крупного купечества выходцами из других социальных слоев, особенно крестьянства.

Подобные же процессы были характерны и для других городов Ярославской губернии, с той лишь разницей, что еще

большая узость местных купеческих «верхушек» вынуждала их представителей чаще обращаться в поисках брачных партнеров в другие города. Так, например, семья мышкинских купцов Чистовых во второй четверти XIX в. **породнилась как с представителями местного купечества, так и с купцами из Мологи, Романово-Борисоглебска, С.-Петербурга, Торжка, а также с потомственными дворянами**¹⁷.

При этом состав самой купеческой «верхушки» был неоднороден. Принадлежность к одной и той же гильдии отнюдь не подразумевала равенства капиталов. Хотя разные источники дают подчас противоречивые сведения – о величине капитала вообще или лишь при торговле в родном городе, но некоторые сопоставления провести можно. В 1850 г. **из четырех купцов первой гильдии Ярославля** торговлю в своем городе вели только трое. Торговый оборот Оловянишниковых составил 53 тыс. руб. серебром, Крохоняткиных – 150 тыс., Пастуховых – 475 тыс. В 1852-х гг. разница эта еще более увеличилась: годовой оборот Оловянишниковых и Крохоняткиных вырос незначительно (соответственно 55,5 и 157 тыс. руб.), зато Пастуховы увеличили его в полтора раза – до 715 тыс. руб. серебром.

Существенные различия в размерах капиталов были и в среде купцов второй гильдии. Так, в Ярославле, по сведениям за 1850 г., **к этой гильдии относились как торговавший в одной лавке в мучном ряду с годовым оборотом в 6 тыс. руб. Ф. И. Крашенинников, так и оптовый торговец с судов Я. И. Полетаев, годовой оборот коммерческих операций которого доходил до 90 тыс. руб. серебром.** Такая существенная неоднородность состава купеческой «верхушки» также способствовала развитию брачных связей вне своего города¹⁸.

Но иногда поиск супругов в других городах был связан не с дефицитом богатых невест на родине, а с местом жительства самой семьи в другом городе. Так, сын ярославского купца первой гильдии В. М. Пегова, жившего в Серпухове вследствие содержания там винного откупа, нашел там себе жену из местного купечества. Сам же В. М. Пегов был женат на дочери купца из Любима, винного откупщика Е. Бедникова¹⁹.

Другой категорией населения, из которой происходили купеческие жены, было крестьянство. Большинство из них были таковыми «по первобытному состоянию» мужа, то есть записались вместе с мужем-крестьянином в купечество. Но **бывали исключения**. Так, у Павла Ивановича Крохоняткина женой стала вольноотпущенная девица Шипунова, в то время как его братья были женаты один на Волгиной (дочь ярославского купца второй гильдии), а другой – на Пастуховой²⁰. Но, как говорилось выше, такие случаи были чрезвычайно редки (4 случая на 104 «старожильческие» семьи в первой половине 1840-х гг.). Для высших же гильдий приведенный пример единственный.

Породнение с дворянами в первой половине XIX в. для купеческой «верхушки» было менее характерно, чем в XVIII в. Например, в Ярославле известен лишь один такой случай, представляющий собой интересный пример борьбы с сословными ограничениями.

В 1833 г. в ярославское мещанство из «вольноотпущенных дворовых девок» помещика Хомутова записалась 24-летняя Ирина Ивановна Левина с двумя незаконнорожденными сыновьями. Уже на следующий год она переходит в купечество и в 1835 г. значится по третьей гильдии. В этом же году ею у ярославского мещанина А. И. Холщевникова был приобретен деревянный дом на Духовской улице. Несмотря на то, что торговлей Левина не занималась, уже в 1840 г. она проходила в документах по второй гильдии, там же она числится и в 1846 г.

В чем секрет столь быстрого продвижения? Ответ дает «обывательская книга» начала 1840-х гг., в которой Ирина Ивановна значится уже «коллежской ассессоршей Хомутовой», проживающей «в городе и в усадьбе»²¹. Из всех этих сведений вытекает вывод о том, что сама приписка в купечество и переход во вторую гильдию были лишь успешной попыткой более или менее сгладить социальное неравенство с мужем-дворянином. В обществе того времени, построенном по сословному принципу, брак господина со своей дворовой девкой был более чем предсудительным, а брак дворянина и купчихи, относящейся к городской «верхушке», – вполне приемлемым.

Итак, для первой половины XIX в. на основе анализа брачных связей купеческих семейств можно сделать несколько выводов. Во-первых, сам сословный строй государства способствовал тому, что супруги чаще всего происходили из одного сословия. Браки купцов с крестьянами или дворянами были крайне редки. Во-вторых, экономическое обособление городской «верхушки» вело к сужению круга потенциальных брачных партнеров, который стал ограничиваться в основном только представителями местной купеческой элиты. Кроме того, дифференциация внутри самих высших слоев купечества в сочетании с активной экономической деятельностью вне города приписки, вела к расширению брачных связей за счет представителей купечества других городов. Это, в свою очередь, способствовало окончательному разложению посадского общества, а также началу складывания класса буржуазии на общероссийском уровне.

Во второй половине XIX в. обособление купеческой «верхушки» от основной массы городских жителей усилилось еще более. Браки с дворянами для представителей этой социальной прослойки перестали быть исключительным явлением. К тому же в этот период и сама купеческая «верхушка» претерпевает значительные качественные изменения. Часто в родном городе остаются жить лишь представители старшего поколения, в то время как молодежь, в ряде случаев получившая образование за границей, предпочитает Москву и С.-Петербург. Изменение образа жизни, появление возможности реализовать себя не только в коммерческой, но и в других сферах общественной жизни; накопление значительных капиталов, которые, будучи вложенными в банк (банковская система в России сложилась только во второй половине XIX в.), могли давать стабильный доход и без непосредственной коммерческой деятельности их хозяина; а также размывание сословных границ – все это существенно влияло на внешний и внутренний облик представителя купеческой «верхушки» и на его брачные связи.

Например, представители семьи ярославских купцов Лопатиных, состоявшей из двух ветвей, продолжали жить в Ярославле, хотя с 1860-х гг. были приписаны к другим городам. Они были в

родстве не только со многими крупными купеческими семьями Ярославля: Горошковыми, Пеговыми, Сорокиными, Баловыми, Оловянишниковыми, Огняновыми, дважды с Пастуховыми и др., – но и с дворянами Майковыми и Обловыми²².

Племянницами ростовского купца П. Н. Работнова и его жены Любови Акиндиновны, по первому мужу Храниловой, были дочери дворянина, подполковника в отставке, Е. Белолицкого²³. Третьей женой рыбинского почетного гражданина М. Н. Журавлева, к тому времени уже получившего чин действительного статского советника, была баронесса Варвара Ивановна, урожденная Фритингоршель²⁴. Ярославский купец и почетный гражданин Л. Н. Пастухов был женат на дочери полковника А. В. Поздеевой, а его брат П. Н. Пастухов – на Е. Г. Курловой, дочери генерал-лейтенанта Г. Н. Курлова²⁵. Примеры можно множить.

Но еще более характерным явлением, превратившимся во второй половине XIX в. почти в правило, было породнение крупных купцов с представителями иногороднего купечества. Да и среди средних и мелких купцов подобные браки были довольно часты. В круг брачных связей включались жители городов Ярославской губернии и других, в том числе Москвы и С.-Петербурга. Например, в семье ярославских купцов Огняновых старший из сыновей М. К. Огнянова был женат на дочери купца первой гильдии из г. Юрьевца Костромской губернии Красильщикова, а его сын – на дочери московского купца второй гильдии Зиновьева. Второй сын М. К. Огнянова был женат на жительнице Ярославля, бывшей дочерью числившегося московским первой гильдии купцом Лопатина; а третий сын первым браком был женат на проживавшей в селе Кохме шуйской купеческой дочери Щербаковой, а вторым браком – на дочери московского второй гильдии купца Герасимова²⁶.

Были среди родственников ярославских купцов и представители делового мира, хорошо известные по литературе, особенно благоволящей к московским купцам. Так, одна из дочерей ярославского купца В. В. Пегова (владевшего винокуренным и водочным заводами в Ярославле и Ярославском уезде, но большинство времени проживавшего в Москве, где он имел два дома в районе

Пречистенки) стала женой московского торговца пушным товаром П. П. Сорокоумовского²⁷. А **ярославский первой гильдии купец**, почетный гражданин А. А. Понизовкин в 1898 г. женился на представительнице известного предпринимательского рода Коноваловых, костромской почетной гражданке Екатерине Викторовне²⁸.

Но больше всего родственных связей, если иметь в виду одну семью, было у ярославских купцов с Иваново-Вознесенскими купцами Гарелиными. С ними породнились как минимум три крупные купеческие семьи Ярославля, причем лишь одна из них в своей коммерческой деятельности была связана с текстильным делом, на поприще которого и подвизались Гарелины. Примерно в начале 1840-х гг. ярославский купец и почетный гражданин, торговец иностранными винами В. С. Соболев выдал свою старшую дочь Любовь за Якова Петровича Гарелина, крупного иваново-вознесенского фабриканта, который впоследствии прославился как видный меценат и краевед²⁹.

Чуть позже породнился с представительницей другой ветви Гарелиных сын ярославского купца первой гильдии, торговца железом и хлебом и винного откупщика Н. П. Пастухов. Он взял в жены дочь Никона Мефодьевича Гарелина Фелицату. Этот брак состоялся еще в 1845 г., **но связи с семьей Гарелиных не порывались, и ее представители до конца XIX в. приезжали в Ярославль крестить сначала детей, а потом и внуков Н. П. и Ф. Н. Пастуховых**³⁰.

Третий брак ярославских купцов с Гарелиными более всего объясним логически, так как речь идет о представителях семьи Лопатиных, торговцев тканями, некоторое время числившихся Иваново-Вознесенскими купцами, владевших ситценабивной фабрикой в Шуйском уезде и жилыми домами в Иванове. Сын П. И. Лопатина Федор женился на дочери Ивана Никонovichа Гарелина Надежде. После смерти Федора Павловича опекунскую должность над его детьми, проживавшими в Москве, стал исполнять брат Надежды Ивановны Александр Иванович Гарелин³¹.

Можно привести и еще множество фактов наличия иногородних родственных связей ярославского купечества.

Изменение нравов купечества, постепенный отход, особенно наблюдавшийся среди молодежи, от традиционалистских норм поведения и менталитета, рост образованности и культурных запросов, проявившиеся в увлечении театром, литературой, философией и т. д., выражались подчас, хотя и не без противодействия со стороны старшего поколения, и в выборе себе спутников жизни.

Эта тенденция, описанная во многих мемуарах, в основном вышедших из-под пера москвичей, говорит о распространенности такого явления, как увлечение артистками театра или балета. Но провинциальная жизнь, более традиционная, чем столичная, видимо, менее способствовала подобным мезальянсам, а также оставила исследователям меньше свидетельств очевидцев, что и не позволяет комплексно обрисовать эту картину. Но все же такие факты были.

В 1868 г. в уголовном отделении Ярославского окружного суда производилось дело по обвинению дворянина Хотева (артиста ярославского театра) и почетных граждан Владимира и Любови Лопатиных в составлении подложных бумаг для вступления двух последних в брак. «Злоумышленниками» были изготовлены поддельные документы невесте (так как настоящие были утеряны), а также было написано разрешение на брак В. Лопатину от лица его матери, которая в реальности выступала резко против этого союза, а после его заключения всячески старалась его расстроить. Недовольство же Н. П. Лопатиной (матери) было вызвано тем, что избранница сына была артисткой ярославского театра и, по мнению умудренной опытом купчихи, неподходящей парой ее двадцатилетнему сыну.

Но суд оказался милостив. Любовь Ивановна была оправдана, а Владимир Александрович Лопатин был признан виновным, но заслуживающим «особого снисхождения» и отделался трехнедельным арестом³².

Похожий случай, но без криминальной подоплеки, произошел в Рыбинске, где сын владельца лесопильного завода В. М. Цветов женился на «певичке» сгоревшего местного ресторана «Эльдорадо». Этот брак рассорил сына с отцом, не признавшим невестки, а местное общество объявило молодоженам бойкот, но и это не расстроило брак³³.

Таким образом, можно видеть, что середина XIX – начало XX в. были временем консолидации делового мира в общероссийском масштабе. В то время как водораздел между основной массой горожан и купеческой элитой увеличивался, грань между купечеством и дворянством и интеллигенцией, наоборот, стиралась. Все это, как в зеркале, отражалось и в семейных связях, переставших быть исключительно внутрисословными. Все возрастающая социальная мобильность российского общества стремительно разрушала косную, нединамичную сословную структуру, превращая ее в анахронизм. На смену традиционному сословному делению приходит группировка общественных структур по социальным интересам – начинают складываться классы.

Примечания

¹ Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. М.-Иерусалим, 1994. С. 7–120.

² Кстати, Невьянские заводы П. А. Демидова были приобретены у него С. Яковлевым, купившим и ЯБМ у наследников И. Н. Затрапезнова. Все это говорит об узости слоя мануфактуристов и частых пересечениях их судеб друг с другом. Ковальчук А. В. Затрапезновы // Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. С. 234; Его же. Земский Д. Я. // Там же. С. 263; Черкасова А. С., Мосин А. Г. “На благо любезного Отечества” // Демидовский временник: Исторический альманах. Книга 1. Екатеринбург, 1994. С. 249.

³ Третий сын – Андрей Максимович – унаследовал от отца шелковое производство. После смерти А. М. Затрапезнова мануфактура перешла к его дочери Гурьевой (в 1741 г.), а с 1744 г. записана за ее сыном Иваном, продавшим предприятие в 1754 г. (к началу XIX в. им владели Колосовы, а после – Оловянишниковы).

⁴ Он был собственником мельниц, поташных заводов, суконной мануфактуры в Казани, а также 11 металлургических предприятий, в том числе основанного им в Вятской губернии в 1775 г. Омутнинского доменного и молотового завода, который в середине XIX в. был приобретен ярославскими купцами Пастуховыми. Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в. М., 1947. С. 474; Яцунский В. К. Капиталы и доходы предприятий черной металлургии из России в 50-х годах XIX века // Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973. С. 197–198. Не-

клюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004, С. 328.

⁵ ГАЯО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 105. Л. 179–180, Оп. 1. Д. 122. Л. 45–45 об.; Ф. 100. Оп. 7. Д. 253. Л. 20 об.; Оп. 8. Д. 460. Л. 123 об.

⁶ ГАЯО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 261. Л. 52 об.; Ф. 55. Оп. 1. Д. 90. Л. 141, 225 об. – 226; Ф. 288. Оп. 1. Д. 108. Л. 16 об.

⁷ ГАЯО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 105. Л. 427 об. – 428 об., 447 об. – 448; Ф. 73. Оп. 1. Д. 520. Л. 87 об.; Ф. 100. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 об.; Д. 4. Л. 10–10 об.

⁸ ГАЯО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 122. Л. 105–106; Оп. 2. Д. 105. Л. 427 об. – 428 об.; Ф. 72. Оп. 2. Д. 1775. Л. 37–38, 47–48; Ф. 73. Оп. 1. Д. 520. Л. 87 об.; Ф. 213. Оп. 1. Д. 4198. Л. 28.

⁹ Обнорская Н. В. Колоколитейное производство в Ярославле в последней четверти XVIII – первой половине XIX века // III Оловянишниковские чтения (тезисные материалы). Ярославль, 1998.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 105. Л. 227, 506 об. – 507, 549 об.; Ф. 100. Оп. 7. Д. 253. Л. 27 об. – 28, 61 об.

¹¹ ЯГВ 1853. Неоф. ч. № 16. С. 153; Ф. 72. Оп. 2. Д. 1775. Л. 42–43; Обнорская Н. В. Указ. соч.

¹² ГАЯО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 3. Л. 9 об.; Ф. 72. Оп. 2. Д. 1775. Л. 49–50.

¹³ Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998. С. 184.

¹⁴ Подсчеты по: ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 858.

¹⁵ Петров А. Памятная книжка российской промышленности на 1843 год. М., 1843. С. 259, 261, 264, 291.

¹⁶ ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 858. Л. 1–1а, 4, 5.

¹⁷ Третьякова Т. А. Мышкинские купцы Чистовы // Опочининские чтения. Мышкин, 1996. С. 67–68.

¹⁸ ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1463. Л. 100 об. – 104, 107 об. – 108, 117 об. – 118; Д. 1676. Л. 56 об. – 57; Мейшен. Подробное статистическое обозрение фабрик и заводов Ярославской губернии, обозначенных на промышленной карте той же губернии. СПб., 1857. С. 7.

¹⁹ ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 858. Л. 190.

²⁰ Там же. Л. 10.

²¹ ГАЯО. Ф. 100. Оп. 8. Д. 1371. Л. 77 об. – 78; Ф. 501. Оп. 1. Д. 429. Л. 1179; Д. 546. б/л; Д. 547. Л. 57; Д. 658. Л. 30 об.; Д. 858. Л. 17; Д. 902. Л. 25 об.

²² ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 5532. Л. 69 об.; Ф. 230. Оп. 10. Д. 4. Л. 14 об. – 15; Ф. 349. Оп. 5. Д. 7858. Л. 3; Ф. 501. Оп. 1. Д. 429. Л. 73 об., 81, 107; Д. 859. Л. 13, 34, 35, 38; Д. 1568. Л. 59–62, 118–121, 300; Ф. 509. Оп. 2. Д. 1570. Л. 24 об. и др.

²³ ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 778. Л. 66–79.

²⁴ Петухова Н. А. Династия Журавлевых // Опочининские чтения. Мышкин, 1996. С. 79.

²⁵ ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 2305. Л. 13 об.; Ф. 230. Оп. 11 Д. 322. Л. 85 об.

²⁶ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 11. Д. 316. Л. 165 об., 308, 364 об., 400 об., 430 об.

²⁷ Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914 г. М., 1999. С. 456–457; Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. С. 722.

²⁸ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 11. Д. 403. Л. 9 об.

²⁹ ГАЯО. Ф. 100. Оп. 8. Д. 1371. Л. 37 об. –38; Ф. 151. Оп. 2. Д. 31514. Л. 2 об.; Балдин К. Е. Яков Гарелин: предприниматель, историк, меценат. М., 1993. С. 19.

³⁰ ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 2305. Л. 27, 62, 63.

³¹ Балдин К. Е. Указ. соч. С. 97; ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 2. Д. 2755. Л. 5–7 об.; ГАЯО. Ф. 230. Оп. 8. Д. 245. Л. 769 об.; Ф. 346. Оп. 5. Д. 1769. Л. 3, 5.

³² ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 181.

³³ Козлов А. Благородство и щедрость «темного царства» (из истории рыбинского купечества). Рыбинск, 1991. С. 39.

Н. В. Тихомиров

Очерк истории Ярославской организации партии левых социалистов-революционеров (осень 1917 – 1918 г.)

Сторонники левого эсеровского течения в Ярославской губернии впервые заявили о себе летом 1917 г. Но в отличие от организаций других местностей Верхневолжья ярославские левые социалисты-революционеры не были столь радикальны в вопросе сближения с большевиками, долгое время сохраняли организационное единство с правыми эсерами. После установления большевиками в октябре Советской власти в Ярославле левые эсеры вместе с правыми и меньшевиками покинули Совет рабочих и солдатских депутатов (СРСД), бойкотировали Ярос-

лавский ВРК. Позднее уход из Совета был признан ошибочным. Отрицательное отношение к ВРК следовало из заявления левых эсеров Я. Т. Богачева, В. Никифоровского и др. на ноябрьской губернской партконференции эсеров: «Военно-революционный комитет не опирается на Совет рабочих и солдатских депутатов, а действует захватным путем от его имени, а потому... постановление ярославского губкома партии... о выходе фракции партии из Совета... является ошибочным»¹. В ярославский ВРК левые эсеры вошли только в конце января 1918 г. На конференции лидер ярославских левых эсеров Я. Т. Богачев говорил о необходимости сотрудничества лишь с «правыми большевиками», подразумевая меньшинство большевистского ЦК в лице Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, А. И. Рыкова, В. П. Милютин и В. П. Ногина, считавших целесообразным пойти навстречу противникам большевиков в вопросе формирования однородного социалистического правительства. В ходе дискуссии о власти четко определились два течения – правое крыло во главе с Н. А. Мамыриным, призывавшим к полному отказу от сотрудничества с большевиками, и левое – во главе с Я. Т. Богачевым. Большинством в 17 голосов против 13 была принята левоэсеровская резолюция, гласившая, что конференция «насущную задачу момента видит в установлении единого революционного социалистического фронта... в создании власти из всех социалистических партий от народных социалистов до правых большевиков включительно...»². Говорилось, что такое правительство обязано обеспечить созыв в срок Учредительного собрания, которому оно и «должно передать всю власть». Конференция избрала новый губком партии, в руководство которого вошли исключительно левые эсеры Я. Т. Богачев, В. Никифоровский, Н. И. Комиссаров и Трофимов³.

На губернском крестьянском съезде в середине декабря 1917 г. острые разногласия среди местных эсеров вызвал вопрос об Учредительном собрании. Теперь левые эсеры, признавая Учредительное собрание, ставили Советы в положение контролирующих органов, заявляли, что «прежде чем признать лозунг "Вся власть Учредительному собранию", надо еще посмотреть, что оно будет из себя представлять»⁴. Эсерам удалось найти ком-

промисс почти по всем вопросам, но левые эсеры настойчиво требовали исключить из итоговой резолюции пункт, гласивший: «Вся власть Учредительному собранию». Однако он был принят большинством в 300 голосов против 175 при 28 воздержавшихся. После этого со съезда ушли большевики (100 чел.), а на другой день съезд покинули и левые эсеры, оказавшиеся в меньшинстве (70 чел.). Собрание, открытое большевиками, левые эсеры признали неправомерным и предложили созвать новый съезд⁵.

20 декабря 1917 г. эсеровский губком принял решение объявить себя комитетом ПЛСР. Было заявлено о необходимости «немедленно приступить к очистке организации от всяких обывательских элементов, стоящих на точке зрения правого крыла партии». Даже общих принципов работы организации пока выработано не было. На конец января 1918 г. намечалось провести губернский партсъезд⁶.

Вскоре левые эсеры вошли в исполком Ярославского городского Совета, участвовали в создании советских органов в уездах, оказывая поддержку большевикам. Последние заявляли в Совете: «Мы видим, как согласно с нами работают левые с.-р.»⁷.

20–23 февраля 1918 г. проходил первый объединенный губернский съезд СРСКД, около одной трети делегатов которого составляли левые эсеры. В избранный на съезде губисполком Совета вошли 19 левых эсеров (большевиков – 33). В состав президиума исполкома от левых эсеров вошли Богачев и Никифоровский, ставшие заместителями председателя, Гусев – секретарем. Позднее, на II съезде ПЛСР (17–25 апреля 1918 г.), делегат от Ярославской губернии отмечал, что в губисполкоме «теперь у нас 23 левых эсера... Это указывает, что мы не падаем, а растем»⁸. На инициативу большевистской фракции съезда организовать в губисполкоме земельный отдел, народного хозяйства, народного образования, военный, финансовый, продовольственный и отдел связи Я. Т. Богачев заявил, что фракция левых эсеров еще не приняла решения о том, какие отделы должны быть созданы и не наметила своих кандидатов в них, но подчеркнул, что в «этом вопросе не может быть партийных разногласий»⁹. Большевики настояли на немедленной организации отделов.

Позднее левые эсеры отмечали: «Когда мы вошли в губисполком, то большевики заявили, что если не будет удовлетворено то, что мы (*большевики – Н. Т.*) вам предлагаем, то... вместо вас войдут другие. У нас боевых сил не было, и мы должны были подчиниться. Такого рода заявления обострили отношение левых эсеров к большевикам, но мы с этим мирились...если бы мы ушли из губисполкома, ...то через неделю они (*большевики – Н. Т.*) были бы сметены...»¹⁰.

Земельный отдел большевики планировали составить из 8 большевиков и 4 левых эсеров, место председателя отводилось одному из левых эсеров. Я. Т. Богачев выразил свое несогласие, объяснив это тем, что «соц.-дем. (*большевики – Н. Т.*) в вопросе о земле еще не освободились от меньшевистской точки зрения... в то время как мы будем работать на почве социализации земли». Левые эсеры хотели получить отдел в свои руки, избрав в него председателя и 5 членов от левых эсеров, а товарища председателя и остальных 5 членов – от большевиков. Тогда вопрос остался нерешенным. Я. Т. Богачев внес предложение «исключить из отделов служащих-саботажников и заменить их людьми, стоящими на советской платформе». Левый эсер В. Никифоровский заявил о необходимости «принять принцип избирать служащих, по возможности, сочувствующих Совету...». Он же предложил создать отдел призрения для помощи демобилизованным солдатам. Оба предложения были приняты¹¹.

Обсуждение вопросов об отделах губисполкома было продолжено 26 февраля. В самом его начале левые эсеры заявили большевикам, что в решении различных вопросов «фракция левых с.-р. оставляет за собой право отстаивать свою точку зрения и апеллировать к ЦИК Советов»¹². Но в ходе заседания между фракциями не возникло разногласий. В земельный отдел от левых эсеров вошли Я. Т. Богачев (председатель), Н. И. Комиссаров, А. Ф. Душин, Зернов и Чельшков. От большевиков в этот отдел вошли 6 человек. В отдел народного хозяйства избрали 4 левых эсеров: Гусева, Нефедова, Колбротьева и Безрукова (от большевиков – также 4 человека, но за ними сохранялось 2 вакантных места). В отдел народного образования прошли левые

эсеры Лобанов и Пушкин, от большевиков – также 2 человека, одно место осталось вакантным. В продотдел прошли 3 левых эсера – А. И. Гурьев, Афанасьев и Рогов, от большевиков – 4 человека, 2 места остались вакантными. А. И. Гурьева избрали губернским комиссаром продовольствия. Отдел связи состоял из одного большевика и левого эсера В. Никифоровского. Последний стал также временным председателем отдела признания. В военный отдел левые эсеры не избрали своих представителей, заявив большевикам, что этот вопрос еще не рассмотрен левоэсеровской фракцией. Половина мест в отделе предоставлялась левым эсерам¹³.

В конце февраля 1918 г. между левыми эсерами и большевиками стали возникать разногласия по вопросу о заключении Брестского мира. В губисполкоме резолюция левых эсеров, призывавшая мира не подписывать, не нашла поддержки у большевиков. Но на Ярославском уездном съезде Советов 10 апреля левые эсеры смогли провести свою резолюцию. Поражение большевиков было серьезным, т. к. Ярославский уездный Совет представлял около 60 тыс. рабочих. В Ярославле левые эсеры выступили против арестов, проводившихся большевиками, после чего ВРК распустил Ярославский городской Совет, где левые эсеры имели серьезные позиции. Из-за разногласий по проблеме Брестского мира левые эсеры лишились поддержки со стороны большевиков при выборах в Совет. Местная левоэсеровская газета «Новый путь» помещала в те дни острые критические статьи, осуждавшие действия большевиков. Последние расценивали выступления левых эсеров как антибольшевистские и антисоветские. Левые эсеры были названы «людьми момента», которые «рассчитывают найти общий язык с партией меньшевиков»¹⁴.

Несмотря на осложнение отношений, левые эсеры поначалу поддержали большевиков в борьбе с правыми эсерами и меньшевиками, которые еще сохраняли свое представительство в ряде Советов губернии. Широкий резонанс получил конфликт 9 апреля в Ярославле, связанный с перевыборами Совета, о котором газета «Тверская весть» писала следующее: «После роспуска новоизбранного совдепа, в который вошли главным обра-

зом меньшевики и правые эсеры, совдеп прежнего состава произвел массовые аресты меньшевиков и правых эсеров с целью изоляции выборщиков при новом перевыборе членов совдепа. Симпатии населения явно на стороне арестованных. В городе замечается сильное брожение». Правые эсеры и меньшевики обвинили большевиков в неправильном подсчете голосов. Прибывший отряд красноармейцев арестовал 5 человек, передав дело в военно-революционный трибунал. Их обвиняли в проведении «за спиною» исполкома Совета перевыборов на некоторых предприятиях, в железнодорожных мастерских и открытом призыве к вооруженному восстанию против большевиков. Обвиняемые отказались признать свою вину. На заседании военно-революционного трибунала правый эсер Локтев заявил, что он «не обвиняемый и не судимый, а лишь только политический заложник противников». Как представитель партии правых с.-р., он защищает ее идеалы и будет стоять на страже интересов этой партии, на знамени которой написано: «Полное народовластие». Он также подчеркивал, что нигде и никогда не выступал против Советов, а только против тех элементов, которые «захватили эти Советы и ведут совершенно безотчетную политику»¹⁵.

В ходе новых перевыборов левые эсеры с сочувствующими получили 20 мест, правые эсеры – 8, меньшевики – 26, большевики – 76. В исполком Совета вошли 3 левых эсера, большевиков – 17. 21 мая на первом заседании Совета мандатная комиссия сообщила о ряде правонарушений во время выборов. Выяснилось, что большевистский Совет старого состава лишил права участия в выборах 8 тыс. железнодорожников, а красноармейцы голосовали по 2 раза. Правые эсеры и меньшевики потребовали утверждения своих мандатов, но, не добившись успеха, покинули Совет. В Рыбинске правым эсерам и меньшевикам мест в Совете вообще не было предоставлено. Еще 18 марта рыбинские правые эсеры и меньшевики вышли из состава исполкома местного Совета в знак протеста против продовольственной политики большевиков¹⁶.

Более серьезные разногласия между левыми эсерами и большевиками возникли по продовольственному и земельному во-

просам. Поначалу заявления и речи левых эсеров не имели конфликтной окраски. Они выступали как активные проводники и защитники решений Советов. На съезде волостных Советов Ярославского уезда 5 апреля левый эсер В. Никифоровский объяснял ухудшавшуюся экономическую обстановку агитацией правых партий против Советской власти: «Каждая речь правых дышит призывом опять притянуть вас (*крестьян – Н. Т.*) к старому времени. Все хотят свалить на Советы... они (*правые – Н. Т.*)... вторили голосу Рябушинского, который голодом хотел задушить революцию. Не потому ли они не подвозили хлеба, чтобы теперь сказать, что Советы ничего не дали? ... пока существуем мы, будут существовать и Советы, и напрасны призывы правых...»¹⁷. Я. Т. Богачев старался подойти к решению продовольственной проблемы практически: «Вопрос о снабжении сельхозорудиями и семенами у нас стоит на очереди. В скором времени мы будем в Москве и привезем оттуда искусственные удобрения... плуги будут доставлены вовремя... на почве голода Советской власти угрожает опасность». Много вопросов и тревогу по поводу хлебной монополии у левых эсеров вызывало практическое проведение социализации земли в губернии. Левый эсер Ф. П. Богданов говорил на съезде: «нет никакого контроля... неизвестно, куда поступает реквизируемый товар... у меня много сведений о том, что реквизируемый хлеб тут же продавался по высокой цене...». Вместе с тем он тактично заявлял: «Хлебная монополия – наш закон, но население не сумело принять его... Сама жизнь велит нам теперь отменить хлебную монополию». В апреле земельный отдел губисполкома во главе с Я. Т. Богачевым разработал временную инструкцию, в которой говорилось, что землю нужно распределить по трудовой норме – по числу рабочих рук в семье, и, в виде исключения, наделять отдельных крестьян, обремененных едоками, по потребительской норме. Большевики же апеллировали к крестьянской бедноте, стремившейся к переделу земли по числу едоков¹⁸.

Большое внимание проблеме социализации земли Я. Т. Богачев уделил на II съезде ПЛСР (17–25 апреля). Докладывая о технических сложностях реализации закона о социализации земли

в Ярославской губернии, он указал на усиление централизации власти, проводившейся большевиками, что, по его мнению, было одним из главных препятствий в проведении данного закона. В своем выступлении он подчеркивал: «Централизация власти замечается у нас на местах и чрезвычайно сильно. Народ лишают возможности творчества, вырывают у народа власть на местах и передают в центр... В отношении социализации земли нам говорят, что она зависит от центра... когда будет сильный центр... она будет проведена... нам, работникам на местах, видно, что только установлением собственного надзора мы можем что-нибудь сделать...». Я. Т. Богачев фактически призвал делегатов к борьбе с большевиками: «... физиономия наша должна быть выявлена, если мы будем вести борьбу с большевиками. Это значит, что мы поведем по всему фронту террор, открытую борьбу...»¹⁹.

Недовольство тем, что большевики не прилагали нужных усилий для решения продовольственного вопроса, было использовано ярославскими левыми эсерами в среде военных. 1-й Советский полк, находившийся под командованием левого эсера Стасюкониса, не доехав до фронта, вернулся в Ярославль, и его командир обвинил большевистское руководство Ярославского Совета в крайне недостаточном снабжении солдат продовольствием. Большевики расценили это как мятеж²⁰.

Угрожающие масштабы противостояние между левыми эсерами и большевиками приобрело в июне, вылившись в кризис власти в Ярославле. В начале июня от имени губисполкома левые эсеры объявили о созыве 20 июня III губернского съезда Советов. Они указали на «абсолютное нежелание комфракции хотя бы мало-мальски наладить дело продовольствия в губернии». В ответ большевики исключили левых эсеров из губисполкома. Последние заявили, что «этот акт со стороны тов. коммунистов похож на крах людей, потерявших почву под ногами... проведение в жизнь народных требований вручено действительным избранникам крестьян и рабочих, а не большинству кооптированных членов, из которых в настоящий момент состоит ваша фракция... только губернский съезд может отозвать нас от работы в исполкоме...»²¹. На митинге в Рыбинске Я. Т. Богачев заявил, что

«все большевики – пьяницы»²². В ответ губернский административный отдел во главе с большевиком Ф. Большаковым запретил печатать воззвания левых эсеров о созываемом ими съезде и закрыл их печатный орган «Новый путь»²³. Левые эсеры выразили протест в отношении «карательных экспедиций», предпринятых большевиками, заявив, что «они похожи на экспедицию Керенского на органы печати». Левые эсеры отправляли телеграммы и делегатов во ВЦИК, чтобы доложить о действиях большевиков. Последние предпринимали попытки задержать телеграммы. По решению председателя губисполкома большевика Сырнева были арестованы Я. Т. Богачев, В. Никифоровский, В. Н. Моляков и Челышков²⁴. Позднее большевики признавали, что их арестовали только за то, что они «принимали участие в собрании железнодорожников и готовились к съезду... нет улик, кроме того, что они всеми силами старались созвать съезд». О конфликте стало известно в столице. ЦК ПЛСР постановил делегировать на губернский съезд Советов М. А. Спиридонову, представителя левых эсеров во ВЦИК Шугрина для расследования конфликта с большевиками. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов срочно телеграфировал ярославским большевикам: «Требуем немедленного освобождения комитета лев. с.-р.... снимите запреты с газеты "Новый путь"... закрытие было неправильным». Арестованные левые эсеры были освобождены²⁵.

На съезде 20 июня левые эсеры обеспечили себе большинство (87 чел., большевики с сочувствующими – 21, беспартийные – 66). Большевики обвинили левых эсеров в нарушении нормы представительства на съезде и покинули его, объявив созыв нового съезда на 1 июля с нормой представительства по 1 делегату от 200 горожан и 1 – от 10000 крестьян. Левые эсеры категорически не согласились с такой нормой. На новом съезде большевики имели численный перевес – 101 чел., левые эсеры – 21. Теперь были вынуждены уйти левые эсеры. 2 июля в здании бывшей губернской земской управы они открыли свой съезд, известив об этом ВЦИК. 4 июля, когда съезд левых эсеров еще заседал, большевики закрыли свой съезд Советов, избрав новый состав губисполкома из 30 чел., 10 мест из этого числа оставили левым эсерам²⁶.

В ходе июльского белогвардейского мятежа в Ярославле левые выступили на стороне большевиков, организовали свою боевую дружину. Но в первые дни мятежа левые эсеры были озадачены событиями в Москве (левозсеровским мятежом) и не оказывали практической помощи большевикам. Затем левые эсеры предоставили Ярославскому ВРК «автомобиль-полугрузовик, снабдив его достаточным количеством бензина и масла», охраняли участок берега Волги около Коровницкой тюрьмы, склады от белогвардейцев²⁷.

Левозсеровская акция в Москве крайне тяжело отразилась на положении левых эсеров. Фракции левых эсеров ярославского и рыбинского исполкомов Советов признали выступление левых эсеров в Москве нецелесообразным, но не стремились отмежеваться от своего ЦК, за что были исключены из состава Советов. Значительная часть левозсеровских фракций уездных Советов в губернии заявила о несолидарности с ЦК (в Даниловском, Мышкинском, Угличском и в др.). Представительство левых эсеров в Советах стало неуклонно сокращаться. На IV губернском съезде Советов (сентябрь 1918 г.) число левых эсеров сократилось до 15 (большевики – 121), на V губернском съезде Советов (декабрь 1918 г.) уже не было ни одного левого эсера. Часть левых эсеров изъявила желание вступить в РКП(б), заявив о «гибельной политике ЦК ПЛСР и современном отрыве партии от масс»²⁸. Другая часть левых эсеров, осудив свой ЦК, вступила в партии народников-коммунистов и революционных коммунистов, не имевших влияния в политической жизни, заявив о полной солидарности с РКП(б). Ярославский горком народников-коммунистов, образовавшийся в октябре 1918 г., заявил, что не имеет ничего общего не только с левыми эсерами, но и «с революционными коммунистами – теми же левыми эсерами, только переименованными свое название»²⁹.

2–7 октября 1918 г. проходил IV съезд ПЛСР, в президиум которого был избран Я. Т. Богачев. Ярославский левый эсер Трофимов отмечал на съезде: «у нас в партии... неопределенность и неясность... нужно выяснить, в каком положении мы должны находиться к коммунистам и к ЦК... говорят, что нет определен-

ности и в самом ЦК». Докладывал, что «часть интеллигентов... шкурников» отошла к большевикам, а членов партии из крестьян и рабочих ушло немного. По его мысли, необходимо было вступить в комбеды и принять в них «самое активное участие; если мы не будем входить, то... мы отрываемся от крестьян»³⁰. Представитель ярославского участка Северной железной дороги докладывал, что, несмотря на аресты со стороны большевиков, «удалось в некоторых местах организовать ячейки человек в 40–60», но «мешают нам их вести и даже не дают продавать литературу»³¹. Количество членов партии здесь доходило, по его словам, до 400 чел. Констатировали некоторое увеличение партийных рядов, но этому не всегда придавали серьезное значение. Представитель Рыбинска Фомичев заявлял: «Вначале был большой приток карьеристов. Было более 200, мы оставили до 40 после очистки». В Ярославской губернии в декабре 1918 г. левых эсеров насчитывалось 100–150, работало 4 уездных и 6 волостных организаций. На 2-м Совете ПЛСР ярославские левые эсеры заявили о том, что они возглавляют крестьянские восстания в Мышкинском и др. уездах губернии, что было преувеличением. Ко времени 2-го Совета численность эсеров Рыбинска сократилась до 25 человек, которые вели работу нелегально³².

О дальнейшей деятельности левых эсеров в Ярославской губернии сведения в источниках отсутствуют. В начале 1920-х гг. по стране прошла волна так называемых самоликвидаций левозесеровских организаций, по сути инициированная большевиками. В Ярославле на таком собрании присутствовало небольшое количество людей, ранее относивших себя к левым эсерам. Среди них не было тех, кто оставил бы сколько-нибудь заметный след в общественно-политической жизни губернии.

Примечания

¹ Народное дело. Ярославль. 1917. 9 дек.; Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 394. Оп. 1. Д. 97. Л. 70 (далее – ЦДНИ ЯО).

² Народное дело. Ярославль. 1917. 2, 9 дек.

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 274. Оп. 1. Д. 26. Л. 161–163 (далее – РГАСПИ); ЦДНИ

ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 97. Л. 17–17 об.; Народное дело. Ярославль. 1917. 19 дек.

⁴ Народное дело. Ярославль. 1917. 21 дек.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 97. Л. 76; Д. 41. Л. 5.

⁸ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.

⁹ Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-1431. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–3 (далее – ГАЯО); РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1. Л. 114–115.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1. Л. 114–115; ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 102. Л. 8–8 об.

¹⁵ Тверская весть. 1918. 17 апр.; Известия Ярославского губисполкома. 1918. 28 апр.; ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 265. Л. 65.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 4. Д. 14. Л. 258; К четырехлетней годовщине Ярославского мятежа белогвардейцев // На перевале. 1922. № 21. С. 20; Тверская весть. 1918. 17 апр. Параллельно проходили перевыборы уездных Советов, где левые эсеры суммарно получили 73 места (большевики – 180). Балашов Р. Пламя над Волгой (ликвидация белогвардейского мятежа в Ярославле летом 1918 г.). Ярославль, 1984. С. 36.

¹⁷ Известия Ярославского губисполкома. 1918. 7, 11, 12 апр.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2. Л. 38–39.

²⁰ Козлов П., Резвый Н. Борьба за власть Советов в Ярославской губернии. Ярославль, 1957. С. 216.

²¹ ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 21. Л. 19; Д. 57. Л. 3, 15; Д. 68. Л. 47–48.

²² ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 102. Л. 40, 46 об.

²³ ГАЯО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 11. Л. 18 об. –19; Новый путь. Ярославль. 1918. 20 июня.

²⁵ Капитонов Г. Большевики в ярославских Советах после Октября // Юность. Ярославль. 1991. 8 марта.

²⁶ Известия Ярославского губисполкома. 1918. 30 июня, 3 июля; ГАЯО. Ф. Р-1431. Оп. 2. Д. 2. Л. 83; Новый путь. Ярославль. 1918. 4 июля.

²⁷ ГАЯО. Ф. Р-1431. Оп. 6. Д. 58. Л. 55; Путь борьбы // На перевале. 1922. № 26. С. 21.

²⁸ ЦДНИ ЯО. Ф. 394. Оп. 5. Д. 35. Л. 135; Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 23; Известия Ярославского ВРК. 1918. 9, 23 авг.; ГАЯО. Ф. Р-1431. Оп. 1. Д. 9. Л. 45; Ф. Р-238. Оп. 2. Д. 204. Л. 1; Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 7. Л. 33–34.

²⁹ Известия Ярославского губисполкома. 1918. 16 окт.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 5, 16–17, 19, 20, 24–25, 40.

³¹ Там же.

³² Там же.

Н. А. Личак

Заккрытие церкви в селе Черная Заводь Некрасовского района в 1938 г. (по материалам архива филиала ГУ ЯО ГАЯО – ЦДНИ)

Ниже приведено краткое содержание документа, который находится в партийном архиве Центра документации новейшей истории (филиал Государственного архива Ярославской области)¹.

Интерес представляет следующее. Большинство документов свидетельствует, что вся религиозная деятельность как в целом по стране, так и в Ярославской области к середине 1930-х гг. была прекращена, а антирелигиозные мероприятия не проводились в связи с отсутствием сопротивления со стороны церковной власти. Однако данный документ подтверждает обратное. Оставшиеся в провинциальной глубинке церковные общины отстаивали свое право на проведение религиозных обрядов.

Суть документа сводится к следующему. 16 сентября 1938 г. в селе Черная Заводь Некрасовского района Ярославской области имело место организованное сопротивление колхозников и единоличников селений Черная Заводь, Ульково и Новоградская при попытке снять колокола с церкви, расположенной в с. Черная Заводь. Согласно документу, и до 1938 г. жители данных поселений проявляли «повстанческие настроения», основными идеологами которых являлись представители кулацких семей, объединившихся с расположенной на данной территории церковной общиной.

Непосредственным поводом к эксцессу явилось провокационное решение Некрасовского райисполкома от 7 сентября 1938 г., принятое на основании доклада заведующего районным финансовым отделом т. Баканова, о закрытии церкви, снятии колоколов и запрещении колокольного звона в с. Черная Заводь².

Юридических оснований для вынесения решения о закрытии церкви районный исполнительный комитет не имел. Формальное прекращение деятельности религиозного учреждения должно было быть подкреплено заявлениями верующих об отказе пользования церковью, решениями собраний трудящихся данного населенного пункта, содержащими требования о закрытии церкви.

Основными претензиями, которые предъявлял райисполком церковным представителям, являлись отсутствие зарегистрированного религиозного общества (так называемая «двадцатка» — по количеству входящих в него членов) и тот факт, что церковь не ремонтируется. Двадцатка была создана представителями церкви, как только они узнали о предполагаемых мотивах закрытия, а вторая претензия была признана несостоятельной, так как никаких требований по ремонту церкви к общине верующих ранее не предъявлялось.

В распоряжении райисполкома имелись лишь сведения о том, что собрание актива колхоза «Смычка» села Черная Заводь в количестве 54 человек и 16 работников Чернозаводьской неполной средней школы обратились в райисполком с просьбой о запрещении колокольного звона и снятии колоколов Чернозаводьской церкви.

Члены райисполкома во главе с председателем Мезеневым изначально были уверены в том, что решение о снятии колоколов встретит сопротивление, но, соблюдая формальности, приняли решение о закрытии богослужебного учреждения.

Предварительно разъяснительной работы среди населения проведено не было, и потому решение райисполкома встретило яростное сопротивление со стороны населения с. Черная Заводь, способствовало активизации деятельности сохранившихся в селе контрреволюционных настроений и противодействия церковной власти. Связанные с попыткой райисполкома реа-

лизовать свое решение события в названном селе развивались следующим образом:

1. В результате заседания «двадцатки» было принято решение: согласия на снятие колоколов не давать.

2. Не ожидая утверждения своего решения облисполкомом, Некрасовский райисполком выдал Ярославскому отделению Ивановской межобластной конторы треста «Вторцветмет» наряд на снятие колоколов рабочими.

Для снятия колоколов в с. Черная Заводь прибыли первый секретарь Некрасовского райкома ВКП(б) Гаряев, председатель райисполкома Мезенев, заведующий райфинотделом Баканов, представитель райотделения НКВД Андрук, участковый милиционер Костылев, инструктор райкома ВКП(б) Каничев.

Ко времени прибытия в село представителей районных организаций к зданию церкви подошли 300–400 колхозников и единоличников (в том числе 16 бригад колхозников, находившихся на работе в поле).

Было объявлено о решении районного исполнительного комитета. Стали раздаваться выкрики с призывом расправиться с приехавшими, назревало столкновение. Не добившись снятия колоколов, рабочие и представители районных организаций в этот день из села уехали, причем секретарь райкома Гаряев уехал первым.

Выяснилось, что предыдущее руководство Ярославского облисполкома еще в феврале 1938 г. приняло постановление о плане заготовки колокольной бронзы в 1938 г., согласно которому в два раза был увеличен государственный план заготовки бронзы по области. Осуществляя данное неправомерное постановление облисполкома, Некрасовский райисполком принял к тому же провокационное по своим последствиям решение о закрытии церкви. Все это привело к выступлению в селе Черная Заводь против не столько снятия церковных колоколов, сколько закрытия церкви.

Ярославский обком ВКП(б) провел следующие мероприятия³:

1. Отменил неправильное решение облисполкома от 11 февраля 1938 г. о порядке заготовки колокольной бронзы, согласно которому должно было быть заготовлено 520 тонн колокольной

бронзы (вместо 295 тонн) и указано, какой район и сколько должен ее сдать.

2. Привлек к ответственности работников Ивановской межобластной конторы треста «Вторцветмет».

3. Привлек к судебной ответственности председателя Некрасовского райисполкома и заведующего райфинотделом Некрасовского района.

4. Снял с работы первого секретаря Некрасовского райкома ВКП(б).

5. Разработал и провел ряд мероприятий по антирелигиозной пропаганде среди трудящихся области. Так как, по мнению Ярославского обкома ВКП(б), бездеятельностью парторганизации воспользовалась церковная община, которая сумела вновь создать религиозное общество – «двадцатку», в которую вовлекли семь колхозниц, организовали сбор подписей с ходатайством о том, чтобы оставить колокола церкви, организовали сбор колхозников и единоличников около церкви, установили круглосуточное наблюдение, развернули агитацию в соседних селах с целью недопущения снятия колоколов.

Подводя итоги, отметим, что к концу 1930-х гг. церковно-государственных взаимоотношения при помощи репрессивно-карательных мер со стороны государства были определены.

Однако в искоренении религиозного мировоззрения и насаждении атеистической идеологии антирелигиозная политика власти не принесла ожидаемых результатов повсеместно. Само содержание, формы и методы антирелигиозной пропаганды не только не способствовали окончательному отходу населения от религии, а, напротив, содействовали росту религиозности. Власть не смогла поставить под контроль всю религиозную жизнь общества, верующие становились «внутренними эмигрантами», а религиозные ценности продолжали оставаться основой духовно-нравственных взглядов населения, даже некоторых работников райкомов, исполкомов, обкомов.

Примечания

¹ Ф. П.-272. Оп. 223. Д. 991. Протоколы, докладные записки советских органов по вопросу закрытия церкви в с. Черная Заводь Некрасовского района.

² Ф. П.-272. Оп. 223. Д. 991. Л. 1–12.

³ Хлебников О. Проверка на дороге к храму // Новая газета. 1992. 6 мая.

Ю. Г. Салова

Общеобразовательная школа Ярославской области в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война резко изменила условия работы общеобразовательной школы. Особенно тяжелыми были первые военные годы. Из прифронтовых районов сотни учебных заведений были вынуждены эвакуироваться в тыловые районы страны. За 1941–1942 гг. почти 600 школ, в которых обучалось более 60 тыс. человек, стали работать на новом месте¹. Часть существовавших школьных зданий была занята под другие нужды.

Школы Ярославской области, как и многих других, не могли работать в обычном режиме. Размещение в области воинских частей и госпиталей потребовало перемещения школьных коллективов во временно оборудованные помещения, что нарушало обычный учебный процесс². В 1941/42 учебном году на территории области начитывалось 2064 школы. Из них средних было 96, неполных средних – 346, начальных – 1622³.

Наркомпросом были разработаны указания «Об изменениях в режиме, учебном плане и программах школ», по которым сокращалась продолжительность уроков до 35–40 минут, перемен – до 5 минут. Занятия проходили в 2–3 смены, причем перерыв между ними не превышал 30 минут. По постановлению Наркомпроса от апреля 1942 г. местным органам власти было разрешено самостоятельно определять продолжительность учебного года в зависимости от реальных условий жизни, что привело к сокращению каникул.

По решению Наркомпроса для сокращения учебного времени из учебного плана были исключены рисование и пение, в 6-х и 7-х классах – черчение. В то же время увеличилось количество часов на русский язык, литературу и математику. Обучение было ориентировано на тесную связь с жизнью, на патриотическое воспитание. В программы по литературе, например, включались произведения, раскрывавшие борьбу русского народа с иноземными захватчиками⁴. На уроках физики детей знакомили с образцами военной техники, а на уроках химии – с отравляющими веществами и средствами защиты.

В июле 1943 г. было принято постановление о раздельном обучении мальчиков и девочек⁵. Оно касалось только крупных городов, в том числе и областных. Объяснялось эта мера необходимостью введения в старших классах военно-физической допризывной подготовки юношей и спецификой подготовки выпускников к практической деятельности в условиях войны⁶.

Постановление «Об обязательном военном обучении граждан СССР» от 17 сентября 1941 г. предполагало для учащихся 8-х – 10-х классов, достигших 18 летнего возраста, усиленную программу по военной и физической подготовке. Кроме того, в старших классах средней школы был введен специальный курс «Красная Армия и Военно-Морской Флот в Великой Отечественной войне». Но и этого оказалось недостаточно. В середине 1942/43 учебного года был введен предмет «Военное дело», по которому предусматривались переводные и выпускные экзамены.

Хотя работа предприятий по выпуску школьных учебников, инвентаря не прекращалась, в большинстве школ не хватало учебных пособий, оборудования. Государство вынуждено было для обеспечения школ закупать у населения старые довоенные учебники. Потребности школ в тетрадях удовлетворялись наполовину, а в карандашах и перьях – на одну треть⁷. Снижалось качество преподавания.

Важным документом, свидетельствовавшим об усилении внимания к детям, стало постановление Совнаркома «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» в январе 1942 года. На местах этой работой стали заниматься специально созданные

комиссии. Заботу о детях проявляли и отдельные предприятия. Так, в Ярославле на фабрике «Красный Перекоп» в бывшем клубе пионеров в июле 1942 г. был открыт интернат для 50 детей, оставшихся без присмотра взрослых. Облоно выделял для этого учреждения педагогов и фонды для питания детей⁸.

Важным направлением работы школы было тимуровское движение. Дети помогали многодетным семьям, престарелым родителям солдат, ушедших на фронт. Например, ученицы ярославской школы № 37 помогали семье красноармейца Соловьева: присматривали за малышами, убирали в доме, приносили дрова и воду, ходили за продуктами⁹. Для воспитанников детского дома № 115 комсомольцы и молодежь Угличского района создали подсобное хозяйство. В Сталинском районе¹⁰ г. Ярославля было собрано 250 различных вещей для детей фронтовиков. Всего по Ярославлю было собрано в сентябре 1943 г. 1500 вещей, 560 экземпляров художественной литературы и учебников, 1784 игрушки. В Мышкинской начальной сельской школе обрабатывали пришкольный участок, а из фонда собранных продуктов организовали дополнительное питание 70 детей фронтовиков¹¹.

Население Ярославской области оказывало помощь эвакуированным ленинградцам. Только в июле 1941 г. в область было вывезено 67 тыс. детей из осажденного Ленинграда. Всего за годы войны прибыло 122 тыс. ленинградских детей. На воспитание в семьи было взято 2626 человек, 463 ребенка – усыновлены¹². Дети прибывали в Ярославль в тяжелом состоянии. По воспоминаниям секретаря обкома ВЛКСМ Т. А. Сагалович, «от недоедания они были настолько истощены, что не могли самостоятельно передвигаться, не проявляли интереса к окружающему. Комсомольцы на руках выносили детей из эшелонов, доставляли в эвакуопункты...»¹³. Председатель Ленгорисполкома П. Попков и секретарь горкома ВКП(б) А. Кузнецов в благодарственном письме секретарю Ярославского обкома ВКП(б) в апреле 1943 г. выражали признательность за такую помощь и отмечали, что, «согретые вашей лаской, растут и воспитываются юные патриоты нашей страны» в городах и селах Ярославской области¹⁴.

Материальные трудности привели к закрытию некоторых школ. Только в Ярославле к 1944 г. количество школ уменьшилось с 51 до 42. Сократился и контингент учащихся. Многие выпускники и старшеклассники уходили на фронт¹⁵.

Особенностью работы учебных заведений в военные годы стало активное участие школьников в общественно полезной деятельности. По свидетельству секретаря Ярославского обкома ВЛКСМ Андреевой, к августу 1941 г. на промышленные предприятия области пришло 3,5 тыс. учащихся. 85 тыс. сельских школьников приняли участие в сельскохозяйственных работах. Им на помощь приезжали учащиеся из города. Юные туристы ярославской турбазы организовали 10 бригад, каждая из которых работала в колхозе по 2 недели¹⁶.

По официальным данным, только летом 1941 г. на полевые работы выезжало 63 тыс. школьников. В 1942 г. их было уже 120 тысяч. В 1943 г. в колхозы выехало 85 тыс. учащихся¹⁷. Более 72 тыс. детей принимали участие в проведении воскресника по сбору металлолома и сельскохозяйственным работам. Только школьники Рыбинского района собрали 165 тонн металлолома.

Ярославские школьники выступили с инициативой сбора средств на постройку самолетов-истребителей. Их поддержали и учащиеся рыбинской школы № 2 им. Н. К. Крупской¹⁸. В 1942 г. по распоряжению комиссара авиационной промышленности А. Шахурина на собранные деньги были построены два самолета-истребителя «Ярославский пионер».

Кроме того, в 1942 г. на собранные ярославскими школьниками деньги была изготовлена батарея дальнобойных пушек «Юный ярославец», пистолеты-пулеметы для вооружения взвода автоматчиков¹⁹.

23 февраля 1943 г. бригаде Северного флота была передана подводная лодка «Ярославский комсомолец», созданная на средства ярославских комсомольцев. На ее постройку было собрано 5800 рублей²⁰. На деньги комсомольцев был сформирован бронепоезд «Ярославский комсомолец». Об этих инициативах Ярославский обком ВЛКСМ сообщил И. В. Сталину специальной телеграммой от 20 января 1943 года²¹.

С 1942 г. развернулось общественное движение помощи школам, пострадавшим во время военных действий. В августе 1943 г. Совнарком и ЦК партии принял постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», которое способствовало активизации работы ярославских школьников в этом направлении. Так, для детских домов Калининской области осенью 1943 г. было собрано 25 тыс. игрушек, 1500 экземпляров художественной литературы. Комсомольцы школы № 32 отправили в г. Гжатск оборудование для географического кабинета²². 155 учащихся ярославских ремесленных училищ и школ ФЗО поехали на восстановление разрушенного немцами Сталинграда.

Важным событием для системы образования стало открытие в 1943 г. вечерних школ рабочей молодежи, позволявших продолжить обучение тем, кто вынужден был прервать занятия, уйдя на производство. По постановлению Совнаркома от 8 сентября 1943 г. «О приеме детей семилетнего возраста в школы» с 1944/45 учебного года в первые классы был сделан набор по новым нормативам²³.

В июне 1944 г. Совнарком СССР принял постановление «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школах»²⁴. Оно было направлено на повышение уровня знаний учащихся. Вводились обязательные выпускные экзамены в 4-х и 7-х и экзамены на аттестат зрелости в 10-х классах. В начале 1944 г. в школах страны была введена система оценки знаний по пятибалльной системе²⁵. В мае 1945 г. были учреждены золотые и серебряные медали и образцы аттестатов зрелости для выпускников школ.

Серьезным недостатком в работе школ был слабый контроль их работы. Наркомпрос признавал, что инспекторские проверки в большинстве учебных заведений неудовлетворительны. Директорам школ указывалось на необходимость посещения уроков для осуществления контроля за работой учителей. С 1943 г. вступило в действие Положение о педагогических советах, согласно которому их решения стали обязательными для администрации учебных заведений.

Кадровый потенциал школ в годы войны был значительно ослаблен. Свыше 1000 учителей-ярославцев были призваны в армию. В 1941/42 учебном году в Ярославской области был обновлен состав заведующих городскими и районными отделами образования. На 70% сменился состав директоров средних школ²⁶. Часть учителей по семейным обстоятельствам покинула пределы области, часть была признана профессионально непригодной. В то же время в область прибыло 1800 учителей и работников детских дошкольных учреждений.

На 1 февраля 1942 г. в 23 районах Ярославской области работали 10397 учителей, причем большая их часть – 6057 – приходилась на начальную школу. На 1 ноября 1942 г. не хватало учителей по многим дисциплинам: по физике и математике – 38 человек, по истории – 36, по географии – 6, биологии и химии – 18, немецкому языку – 13, литературе – 3, в начальной школе – 16. Несмотря на настоятельную просьбу Облоно, Наркомпрос, например, отказался направить в область учителей, закончивших к тому моменту курсы иностранных языков²⁷.

В июле 1943 г. было принято постановление Совнаркома СССР о возвращении в школы учителей, работавших не по специальности. Ярославский облисполком в августе того же года вынес решение о развертывании этой работы и обязал отдел образования исследовать сложившуюся в области ситуацию. В докладной записке заведующей Облоно в комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) отмечалось, что из 593 работавших не по специальности учителей 168 работали в парторганизациях, сельсоветах и колхозах, нигде не работавших оказалось 270 человек. В течение августа 1943 г. из них было переведено в школы 223²⁸. Выявить учителей, не работавших по специальности, не всегда удавалось, поскольку руководители военных заводов и объектов отказывались давать о них какие-либо сведения. Как отмечали решавшие эту проблему управленцы, «руководители предприятий и учреждений чинят всевозможные препятствия»²⁹.

Весьма показателен случай с выпускниками Ярославского педагогического института. Окончившие исторический факуль-

тет студентки Тихомирова и Закс Государственной комиссией по распределению были направлены на работу в школу, получив путевки Наркомпроса РСФСР. Но на работу, несмотря на неоднократные требования, они не явились, устроившись в воинскую часть. Облоно вынужден был обратиться в прокуратуру. Дело было передано в суд, который приговорил выпускниц к тюремному заключению. Девушки отбыли назначенный им срок и вновь поступили в ту же воинскую часть, не появившись в школе³⁰.

На Всероссийском совещании по народному образованию была поставлена задача повышения квалификации учителей через педагогические курсы. Но учителей по-прежнему не хватало. В 1944 г. было созвано специальное совещание по обеспечению школ педагогическими кадрами, а затем приняты постановления Совнаркома «Об улучшении работы педагогических училищ», «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе»³¹. Основная нагрузка по выполнению этих решений ложилась на педагогические учебные заведения.

Всесоюзный комитет по делам высшей школы в 1941/42 учебном году ввел в вузах сокращенные учебные планы, но при этом они были дополнены курсами военной направленности³². Срок обучения в пединститутах сократился до 3 лет, но при этом была увеличена учебная нагрузка. В 1942 г. состоялся досрочный выпуск студентов четвертых курсов и студентов, учившихся по сокращенным учебным планам.

Помимо педагогического института в области работали 9 школьных и 1 дошкольное педагогические училища³³. На 1943/44 учебный год в них обучалось 2223 человека, причем на выпускном курсе всего 457³⁴. Необходимо отметить, что в большинстве из них не хватало преподавателей, занятия вели учителя средних школ. Очень слабой была материальная база. Только три из них помещались в своих зданиях, остальные – в приспособленных помещениях. Это означало, что развернуть рабочие кабинеты и лаборатории не представлялось возможным. Таким образом, качество образования оставляло желать лучшего. В марте 1944 г. был принят новый устав педагогических училищ, по которому руководство ими стали осуществлять областные и краевые от-

дела народного образования. В соответствии с уставом стали вводиться новые учебные планы, освобожденные от множества второстепенных предметов.

В апреле 1944 г. в Ярославле было проведено областное совещание директоров педагогических училищ, на котором было принято решение об усилении контроля за учебно-воспитательным процессом со стороны администрации. Директора должны были до конца учебного года провести проверку знаний учащихся всех педучилищ, лично провести письменные контрольные работы по своим текстам и к 15 июня представить в Облоно подробную характеристику всего преподавательского состава³⁵.

По итогам этих мероприятий в сентябре 1944 г. состоялось методическое совещание работников педагогических училищ Ярославской области. В принятых на нем резолюциях отмечалось, что «...окончившие молодые учителя, как правило, не владеют твердо и свободно педагогическими навыками и умениями, особенно по русскому языку и арифметике, а также в проведении уроков пения, рисования, военно-физической подготовки, в практических работах школьников»³⁶. Объяснялась и причина такого положения: стремление дать выпускникам среднее образование и профессиональную подготовку в короткий трехлетний срок.

Был принят ряд экстренных мер для устранения недостатков. К началу нового учебного года 5 училищ уже начали работу в своих основных зданиях. При 6 училищах были созданы общежития. К училищам прикреплялись базовые школы³⁷.

Важным направлением в военные годы стало развитие системы заочного обучения учителей и воспитателей дошкольных учреждений. В декабре 1943 г. Совнарком принял постановление «О мероприятиях по укреплению системы заочного педагогического образования»³⁸. Ярославский областной отдел народного образования к новому учебному году осуществил проверку квалификации всех учителей и воспитателей области и приказным порядком организовал поступление на заочные отделения учебных заведений учителей, не имевших соответствующей подготовки, вручив им персональные повестки³⁹. Учителя, которые без уважительных причин не выполнили предписаний, освобожда-

лись от работы или переводились на работу в низшие классы. По уважительным причинам от этого освобождались только те учителя, кто «...имел стаж не менее 10 лет, из которых 5 лет были по той же работе, по которой присваивалось звание учителя»⁴⁰. Но и в этом случае городские или районные отделы народного образования должны были представить в Облоно отзывы о работе учителя.

Условия жизни учителей были крайне тяжелыми. Правительство приняло ряд постановлений, направленных на оказание им материальной помощи. В 1943 г. было принято постановление Совнаркома «О пенсионном обеспечении работников просвещения за выслугу лет», а также о повышении зарплаты учителям и о порядке снабжения их продуктами и промышленными товарами. На повышение статуса учительской профессии было направлено и учреждение в 1943 г. нагрудного знака «Отличник народного просвещения».

Несмотря на военные трудности, школы Ярославской области в большинстве своем продолжали работать. Это давало возможность в последующие годы быстро восстановить сеть, кадровый потенциал и совершенствовать учебный процесс в мирных условиях.

Примечания

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941–1961). М., 1988. С. 17.

² По РСФСР на 1 ноября 1941 г. около 3 тыс. школ были заняты под казармы, госпитали, военные заводы.

³ Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 19. Л. 49.

⁴ Так, например, акцентировалось внимание на романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

⁵ См.: Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 177.

⁶ Эта мера касалась только 25% школьников страны, так как большая часть учащихся приходилась на сельскую местность и поселки городского типа.

⁷ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941–1961). С. 19.

⁸ Эстафета поколений. Сборник документов и материалов. Ярославль 1965. С. 197–200.

⁹ ГАЯО. Ф. Р-2973. Оп. 1. Д. 40. Л. 206.

¹⁰ Сталинский район города был образован по решению пленума Ярославского горсовета от 15 марта 1936 года. В него входила территория современного Ленинского района.

¹¹ Ярославская организация ВЛКСМ в документах и материалах (1918–1987 гг.). Ярославль, 1988. С. 131.

¹² См.: Ярославский край в документах и материалах (1917–1977 гг.). Ярославль, 1980. С. 142.

¹³ Ярославская организация ВЛКСМ в документах и материалах (1918–1987 гг.). С. 133.

¹⁴ Там же. С. 126.

¹⁵ Весьма красноречиво заявление выпускников ярославской школы № 43 о добровольном вступлении в Красную Армию, в котором говорилось: «...Мы обязуемся выполнять любую работу и в любых условиях. Просим зачислить нас в количестве 26 человек добровольцами в Действующую армию». См.: Ярославский край в документах и материалах (1917–1977 гг.). С. 116.

¹⁶ ГАЯО. Ф. Р-2973. Оп. 1. Д. 40. Л. 202.

¹⁷ Ярославский край в документах и материалах (1917–1977 гг.). С. 142.

¹⁸ Рыбинск. Документы и материалы по истории города. Ярославль, 1977. С. 286.

¹⁹ Ярославская организация ВЛКСМ в документах и материалах (1918–1987 гг.). С. 123.

²⁰ Там же. С. 126.

²¹ Ярославская область за 50 лет: 1936–1986. Ярославль, 1986. С. 134.

²² Ярославская организация ВЛКСМ в документах и материалах (1918–1987 гг.). С. 132.

²³ До этого постановления в первые классы принимались дети в возрасте 8 лет. Таким образом, освобождались места в дошкольных учреждениях, а выпускники неполной средней школы уже в 14 лет могли идти на производство.

²⁴ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 182.

²⁵ Это было постановление Совнаркома от 10 января 1944 г. «О введении цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения учащихся начальной, семилетней и средней школы». В феврале

того же года была принята инструкция о применении цифровой пятибалльной системы. См.: Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. С.179–180.

²⁶ ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 19. Л. 49.

²⁷ Там же. Л. 49 об.

²⁸ Там же Д. 19. Л. 28–28 об.

²⁹ Там же. Л. 30.

³⁰ Там же. Л. 31.

³¹ См.: Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. С. 182.

³² См. подробнее: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941–1961). С. 149–51.

³³ В это число входили Ярославское, Чебаковское, Ростовское, Даниловское, Пошехоно-Володарское, Угличское, два Рыбинских (одно из них дошкольное), Солигаличское. После образования Костромской области 13 августа 1944 г. Солигаличское перешло в ее ведение. См.: ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 5. Л. 74.

³⁴ Там же. Л. 42.

³⁵ Там же. Л. 69.

³⁶ Там же. Л. 64–65.

³⁷ Там же. Л. 73.

³⁸ См.: Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. С. 436–437.

³⁹ Приказ Облоно № 106 был подписан 8 июля 1944 года.

⁴⁰ ГАЯО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 7. Л. 64.

Сведения об авторах

Борисова Алина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной средневековой и новой истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова, заместитель декана исторического факультета.

Волкова Татьяна Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Дашковская Ольга Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и туризма ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Денисов Валерий Витальевич – кандидат культурологии, директор Угличского государственного историко-архитектурного и художественного музея, докторант ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Иерусалимская Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, директор по рекламе и маркетингу ООО «Норд Строй».

Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, академик Академии военно-исторических наук, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Козлова Ольга Валерьевна – кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры отечественной средневековой и новой истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Лебедев Антон Вячеславович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры отечественной средневековой и новой истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Личак Наталья Алексеевна – кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной средневековой и новой истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Марасановна Виктория Михайловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой музеологии и краеведения ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Мойсинович Анна Михайловна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новейшей отечественной истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Обнорская Нина Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной средневековой и новой истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Рябинина Наталья Валерьяновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Салова Юлия Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и краеведения ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Смирнова Юлия Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной средневековой и новой истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Спиридонова Елена Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова, заместитель декана исторического факультета по научной работе.

Тихомиров Николай Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и краеведения ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Тюрин Борис Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной средневековой и новой истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Урядова Анна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Федюк Владимир Павлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, декан исторического факультета ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Шустрова Ирина Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и краеведения ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

Содержание

СТРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Денисов В. В. Епархиальное управление Русской православной церкви в Синодальный период (по материалам Верхнего Поволжья).....	3
Дашковская О. Д. Экономическое положение Русской православной церкви в конце XVIII – начале XX века в трудах дореволюционных исследователей.....	13
Борисова А. В. Национальный вопрос в «Русской Правде» П. И. Пестеля	19
Козлова О. В. Концептуальное становление и развитие либерализма в истории России XIX в.	24
Смирнова Ю. Б. Государственная власть и монополии в дореволюционной России: характеристика отечественной историографии (вторая половина 1980-х гг.)	29
Иерусалимская С. Ю., Иерусалимский Ю. Ю. Законодательные и нормативные акты как источник по истории народного образования Российской империи в XIX – начале XX века	37
Шустрова И. Ю. Родильно-крестильная обрядность верхневолжских крестьян (XIX – начало XX в.)	43
Марасанова В.М. Административно-территориальные реформы второй половины XIX века	53
Мойсинович А. М. Из истории российской адвокатуры (вторая половина XIX– начало XX в.)	62
Волкова Т. И. Земства и развитие библиотечного дела, народных чтений и кинематографа на селе в начале XX в. (на материалах девяти губерний Центральной России).....	70
Федюк В. П. Вторая Дума и ее роль в истории русского парламентаризма.....	82

Урядова А. В. Экономика периода «военного коммунизма»: эмигрантская апперцепция.....	96
Рябинина Н. В. Динамика подростковой преступности в 1920-е годы (на примере региона Верхнего Поволжья).....	106
Лебедев А. В. Реорганизация управления железнодорожного транспорта СССР в середине 1930-х гг. (по материалам Верхнего Поволжья и Европейского Севера)...	117
Тюрин Б. А. Изменения избирательной системы Российской Федерации в 1993 г.	121

ИСТОРИЯ ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ

Спиридонова Е. В. В. А. Городцов и его роль в археологическом изучении Ярославского края	129
Обнорская Н. В. Семейные связи купечества как индикатор его социального положения в российском обществе в XVIII – начале XX в. (на материалах Ярославской губернии).....	138
Тихомиров Н. В. Очерк истории ярославской организации партии левых социалистов-революционеров (осень 1917 – 1918 г.).....	155
Личак Н. А. Закрытие церкви в селе Черная Заводь Некрасовского района в 1938 г. (по материалам архива филиала ГУ ЯО ГАЯО – ЦДНИ)	167
Салова Ю. Г. Общеобразовательная школа Ярославской области в годы Великой Отечественной войны	171
Сведения об авторах	182

Научное издание

Век нынешний, век минувший...

Исторический альманах

Выпуск 9

Редактор, корректор М. Э. Левакова
Компьютерная верстка И. Н. Ивановой

Подписано в печать 28.07.10. Формат 60х84/16.
Бумага тип. Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 9,04.
Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета
им. П. Г. Демидова.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано на ризографе.

ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.
150049, Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49.

